
ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ

I.

Введенный, въ видѣ опыта, «проектъ положенія объ управленіи въ Сыръ-дарьинской и Семирѣченской областяхъ» сослужилъ свою службу, и въ настоящее время выработывается особою комиссіею новое положеніе, на основаніи пятилѣтняго опыта и всесторонняго изученія на мѣстѣ бытовыхъ особенностей населенія далекой азіатской окраины. Такимъ образомъ, реформа 1867 года дѣлается достояніемъ исторіи. Вводя новое положеніе, организаціонныя комиссіи собирали болѣе или менѣе подробныя, болѣе или менѣе точныя статистическія свѣдѣнія о своихъ участкахъ. Особенно дѣятельно работала Кураминская комиссія. Собранныя ею данныя по топографіи уѣзда и по экономической дѣятельности населенія послужили мнѣ матеріаломъ при моихъ статистическихъ работахъ¹⁾, а служба моя по военно-народному управленію дала мнѣ возможность лично познакомиться съ Кураминскимъ уѣздомъ, провѣрить и дополнить собранныя до меня данныя, и такимъ образомъ составить довольно полный очеркъ уѣзда по всѣмъ отдѣламъ программы центрального статистическаго комитета.

Новый проектъ потребуеъ, конечно, новыхъ комиссій для опредѣленія поземельныхъ правъ каждаго осѣдлаго жителя, и я полагаю, что рассказъ объ опытѣ предшественниковъ можетъ пригодиться новымъ дѣятелямъ положительною или отрицательною

---

¹⁾ Статистическіе очерки средне-азиатской Россіи. — Зап. Импер. Географ. Общ. Т. IV. 1874.

своею стороною, т.-е. представляя примѣры, достойные подражанія, или предостерегая отъ ошибокъ.

Кураминскій уѣздъ населенъ такъ пестро, въ немъ перемѣшано столько народностей, переходы отъ пастушества къ земледѣлю, отъ кочевого образа жизни къ осѣлости такъ рѣзко очерчиваются, что и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ наибольшій интересъ въ ряду другихъ уѣздовъ. Поэтому я считаю не лишнимъ подѣлиться, съ интересующимися этнографіей и статистикой Средней Азии, своими наблюденіями и свѣдѣніями, добытыми комиссіей. Нашъ трудъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: собственно реформы, и очерка работъ организаціонныхъ комиссій и ихъ результатовъ въ Кураминскомъ уѣздѣ.

Движеніе наше къ Средней Азии началось еще съ 1730 года, когда киргизы Малой Орды, не находя нигдѣ спасенія отъ набѣговъ дзюнгарь, башкирь и яицкихъ казаковъ, обратились къ Россіи съ просьбой принять ихъ въ подданство.

Учрежденіемъ оренбургской линіи по Уралу башкиры были замкнуты и съ теченіемъ времени совершенно намъ подчинились — киргизы съ этой стороны были успокоены, имѣя къ тому же возможность всегда уклониться отъ нашего вліянія простою откочевкою къ югу.

Со стороны Сибири, линіи и поселенія тянулись не вдоль границы, а перпендикулярно къ ней, направляясь рядомъ параллельныхъ линій отъ сѣвера къ югу по меридіанамъ, ничѣмъ не связанныя по широтѣ.

Въ 1836 году, сибирскія линіи применили къ оренбургской при помощи соединенія Орска съ Троицкомъ. Въ 1844 г. мы заняли низовья Сыръ-дарьи, а въ 1864 г. рѣшено уже было связать образовавшуюся сыръ-дарьинскую линію съ западною Сибирью. Правительство надѣялось закрыть ничѣмъ не охранявшееся пространство, запереть эти громадныя ворота, сквозь которыя по корридорамъ, образованнымъ «линіями», безпрепятственно вторгались шайки кочевыхъ барантачей, вплоть до Иртыша и Урала.

Выполненіе этой задачи вызвало рядъ войнъ съ Коканомъ и Бухарою и повело къ занятію обширной территоріи, включающей теперь почти цѣликомъ бассейны Сыръ-дарьи, Чу, Или и Заравшана.

Завоеванія наши были до того неожиданны и до того не въ видахъ нашего правительства, что на примѣръ, 31-го октября

1864 года состоялось высочайшее повелѣніе о непремѣнной не-движности нашей границы. Сначала хотѣли ограничиться Пишпеккомъ и Аулие-ата, откуда вести пограничную черту по сѣверному склону хребта Кара-тау, отнюдь не занимая ни Туркестана, ни Чемкента. На дѣлѣ это оказалось намъ не по силамъ: мы были слишкомъ слабы, чтобы допустить такіе два лагерь передъ нашимъ фронтомъ, и достаточно сильны, чтобы занять ихъ. Стоя на главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ двухъ средне-азиатскихъ ханствъ въ Россію, Чемкентъ и Туркестанъ послужили намъ какъ-бы замками, запирающими ворота сибирской и оренбургской окраинъ. Вслѣдъ за сказаннымъ повелѣніемъ былъ занятъ и Ташкентъ, но въ отношеніи министерства иностранныхъ дѣлъ къ оренбургскому генераль-губернатору (отъ 23-го февраля 1866) было высказано намѣреніе возвратитъ Ташкентъ назадъ. Не занявъ Чемкента и Туркестана, соединеніе Сибири съ сыръ-дарьинской линіей было невозможно. Линія же отъ Чемкента къ Аулие-ата дѣлалась чисто фиктивною, какъ только Ташкентъ выпалъ бы изъ нашихъ рукъ: она была совершенно открыта и съ фланга, и съ тыла. Кромѣ того, нравственное значеніе и матеріальныя средства средне-азиатскихъ ханствъ были такъ сильны, что на прочность нашей новой линіи нельзя было бы рассчитывать. Только благодаря послѣдующимъ успѣхамъ нашимъ мы заняли наконецъ достаточно обезпеченное положеніе, дозволившее намъ заняться внутреннимъ устройствомъ занятыхъ земель.

Расширеніе нашихъ владѣній въ Средней Азии и возстаніе дунганъ, возгорѣвшееся близъ нашихъ границъ съ западнымъ Китаемъ, до того измѣнили положеніе наше на юго-востокѣ киргизскихъ степей, что явилась необходимость принять безотлагательныя мѣры къ преобразованію существовавшаго управленія этою пограничною полосою. Необходимость преобразованій чувствовалась тѣмъ осязательнѣе, что дѣйствовавшія тогда въ разныхъ частяхъ края узаконенія были крайне разнообразны: временное положеніе 6-го августа 1865 г. — для большей части края, сибирскія учрежденія 1822 — для копальскаго и сергіопольскаго округовъ, и «особое положеніе» для алатавскаго округа.

Оренбургскій генераль-губернаторъ, ген.-адъютантъ Крыжановскій, и тогдашній туркестанскій военный губернаторъ генераль-майоръ Романовскій, представляя хаотическое состояніе существовавшей администраціи, доносили, что такое положеніе терпимо долѣе быть не можетъ, и потому предлагали мѣры къ ея преобразованію.

Въ видахъ ознакомленія съ нуждами новаго края учреждена

была степная комиссія, на обязанность которой было возложено объѣхать всѣ кочевки и населенныя мѣста Туркестанской области и составить проектъ положенія для управленія ею. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Гирсъ, а членами: полковники Гутовскій и Гейнсъ и подполковникъ Проценко. Цѣлыхъ два года комиссія разъѣзжала по степи, знакомилась съ бытомъ народа, собирала статистическія данныя и, наконецъ, выработала проектъ положенія объ управленіи народомъ. Въ основаніе соображеній по устройству администраціи края комиссія приняла слѣдующія начала: 1) Нераздѣльность власти военной и административной. 2) Необходимость приблизить устройство мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, по возможности, къ администраціи, существующей въ другихъ частяхъ имперіи. 3) Предоставленіе внутренняго управленія туземнымъ населеніемъ по дѣламъ, не имѣющимъ политическаго характера, — выборнымъ изъ среды народа. 4) Отстраненіе въ этихъ низшихъ народныхъ учрежденіяхъ порядковъ, вредныхъ интересамъ Россіи. 5) Образованіе и развитіе административныхъ органовъ, сообразно мѣстной потребности, съ точнымъ указаніемъ предѣловъ ихъ власти. 6) Отдѣленіе суда отъ администраціи, въ возможной, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, степени.

Заключенія Особого Комитета, спеціально обсуждавшаго вопросъ о преобразованіи управленія въ Туркестанской области, были высочайше утверждены 11-го апрѣля 1867 г.

Согласно этимъ заключеніямъ, Туркестанская область и часть Семипалатинской (къ югу отъ Тарбагатайскаго хребта) были изъяты изъ вѣдѣнія оренбургскаго и западно-сибирскаго генералъ-губернаторовъ и соединены въ одно генералъ-губернаторство, названное туркестанскимъ и раздѣленное на двѣ области: Семирѣченскую и Сыръ-дарьинскую. Противъ отдѣленія Ташкента отъ Оренбурга сильно ратовалъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, доказывавшій, что «самостоятельное» существованіе туркестанскаго округа опасно, ибо грозитъ отдѣленіемъ, по слабости его связи съ центромъ. Юнкерское училище даетъ въ Ташкентѣ офицеровъ, а само находится въ Оренбургѣ; дороги за Орскъ не нужны оренбургской власти и можно надѣяться, что, въ случаѣ отдѣленія, почтовая гоньба придетъ въ упадокъ (это и случилось на дѣлѣ) и т. д.: въ такомъ родѣ были аргументы.

Выработанный степною комиссіею проектъ положенія объ управленіи въ областяхъ туркестанскаго генералъ-губернаторства, согласно резолюціи комитета министровъ, высочайше утвержденной 14-го іюля 1867 г., рѣшено было ввести въ видѣ опыта на

три года, но при этомъ генералъ-губернатору предоставлено было право, примѣняясь къ указаннымъ въ проектѣ основаніямъ, принимать всѣ тѣ мѣры, какія будутъ признаны полезными для лучшаго устройства края. По проекту положенія, Семирѣченская область раздѣлялась на пять, а Сыръ-дарьинская на восемь уѣздовъ.

Организація управленій проектирована была слѣдующая:

Во главѣ управленія всего края — генералъ-губернаторъ; при немъ: канцелярія и чины для порученій (въ томъ числѣ одинъ по дипломатической, одинъ по горной и одинъ по финансовой частямъ). Во главѣ управленія областей — военные губернаторы и областныя правленія, въ каждомъ три отдѣленія: распорядительное, хозяйственное и судное; въ областныхъ городахъ учреждаются областныя казначейства и областныя почтовыя конторы; въ уѣздахъ: уѣздные начальники, при нихъ два помощника (младшій назначается изъ туземцевъ) и канцелярія. Кромѣ того: уѣздный врачъ, уѣздная касса, почтовое отдѣленіе и уѣздный судья; въ г. Ташкентѣ: начальникъ города, его помощникъ, канцелярія и городской врачъ; въ г. Вѣрномъ: городничій.

Ближайшее внутреннее управленіе туземнымъ населеніемъ положено было предоставить выборнымъ изъ среды самого народа, примѣняясь къ его обычаямъ. Туземное населеніе туркестанскаго края состоитъ изъ кочевыхъ и осѣдлыхъ; первые преимущественно киргизы, вторые сарты. Киргизы дѣлятся на роды, роды на отдѣленія и подъ-отдѣленія. Неудобства этого подраздѣленія, въ административномъ отношеніи, состоятъ въ томъ, что роды, составляя большія и неравномѣрныя единицы, раскинуты иногда на значительномъ пространствѣ, а соединеніе большихъ родовъ подъ властію одного родоначальника можетъ быть неудобно въ политическомъ отношеніи.

Такъ какъ у киргизовъ Западной Сибири уже десятки лѣтъ существуетъ подраздѣленіе на волости и аулы, вполне соответствующее волостнымъ и сельскимъ обществамъ Россіи, и такъ какъ оно принесло благопріятные результаты, то не было никакого повода предполагать, чтобы такая же организація управленія туркестанскими киргизами могла имѣть неудовлетворительныя послѣдствія. Чтобы устранить вліяніе богатаго или знатнаго меньшинства, рѣшено было предоставить право выбора *всему* народу, безъ ограниченія цензомъ. Въ каждомъ аулѣ хозяева десяти кибитокъ назначаютъ одного избирателя; сходъ этихъ избирателей выбираетъ аульнаго. Затѣмъ, отъ каждаго пятидесяти кибитокъ назначается также одинъ избиратель, съѣздъ этихъ избирателей со всей волости выбираетъ волостного. Опредѣленіе

размѣра содержанія волостнымъ и аульнымъ предоставляется самимъ обществамъ, приговоры которыхъ должны быть составлены, впрочемъ, *раньше* выборовъ этихъ должностныхъ, чтобы устранить при этомъ вліяніе ихъ.

Осѣдное населеніе также выбираетъ старшинъ или аксакаловъ¹⁾ посредствомъ избирателей, назначенныхъ отъ каждой десяти домовъ. Немноголюдныя, но близко другъ къ другу лежащія селенія соединяются по два и болѣе подъ властію одного аксакала, а большія селенія и города раздѣляются на кварталы—махале. Существовавшіе при коканцахъ *раисы*—особые полицейскіе чиновники, наблюдавшіе за нравственностію и религіозностію народа, были оставлены, съ тѣмъ однакоже, чтобы вакансіи, могущія открыться впредь за смертію раиса или за выбытіемъ его—уже не замѣщались новыми лицами.

Въ край дѣйствуютъ три рода суда: 1) *военный*—за измѣну, возбужденіе народа къ неповиновенію, нападеніе на почты и военные транспорты и за убійство христіанина и должностного лица; 2) *по общимъ уголовнымъ законамъ имперіи*: за разбой, грабежъ, нападеніе на караваны, похищеніе казеннаго имущества, дѣланіе фальшивой монеты, сопротивленіе властямъ и побѣгъ въ чужія владѣнія; 3) *народный*: за всѣ остальные преступленія, не исключая баранты и убійства у киргизовъ; сарты же по этимъ преступленіямъ вѣдаются судомъ уголовнымъ.

Русскіе подданные, не-туземцы, судятся по общимъ законамъ. Тому же суду подлежатъ и дѣла между туземцами и русскими, а также между сартами и киргизами. Такимъ образомъ, если истецъ не единоплеменникъ отвѣтчику, онъ уже долженъ обращаться не къ народному, а къ русскому суду.

Органами суда народнаго служатъ *би* у киргизовъ и *кази* у сартовъ. Судъ *биевъ*—гласный и публичный; онъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти и по обычаю. Судъ *казіевъ* также гласный и публичный, но основывается на *шариатѣ*, то-есть на коранѣ и его толкованіяхъ, и сохраняетъ по преданію рутинную неподвижность, безъ всякаго отношенія къ духу времени и требованію обстоятельствъ. Въ видахъ ослабленія вліянія *казіевъ*, а слѣдовательно и фанатическаго духовенства, приняты были слѣдующія мѣры: 1) предоставлено народу выбирать судей на 3 года; чрезъ что устраняются вредныя послѣдствія ихъ несмѣняемости и со временемъ явится возможность попадать въ *кази* и не однимъ *ходжамъ*²⁾;

¹⁾ Акъ—блудный, сакаль—борода.

²⁾ Ходжа—святоша, отсюда наше „хавжа“.

2) территория края раздѣлена на судебныя участки, вѣдающіеся каждый исключительно своимъ *казіемъ*, что, конечно, должно было подорвать авторитетъ *кази-келянновъ* (*келянъ*—старшій) и разныхъ святошей, къ которымъ при прежнемъ порядкѣ по преимуществу стекались тяжущіеся; 3) учреждены періодическіе съѣзды *казіевъ*, рѣшающіе дѣла уголовныя, а также исковыя, если они превышаютъ власть *казіа*, то-есть выше 100 рублей. Эта мѣра, во-первыхъ, уменьшаетъ значеніе *казіа*, а во-вторыхъ, даетъ болѣе правильную организацію существовавшимъ и прежде съѣздамъ, даетъ, сверхъ того, возможность надзора безъ нарушенія *шариата*; 4) разрѣшено туземцамъ обращаться и къ русскому суду, но только до разбора дѣла у *казіа* или и послѣ разбора, но уже тогда при заявленномъ неудовольствіи *обѣихъ* сторонъ и съ *обоюднаго* ихъ на то согласія. Эта мѣра увеличитъ, конечно значеніе русскаго суда, не придавая ему нисколько характера апелляціонной инстанціи, къ которой въ большинствѣ случаевъ здѣсь обращалась бы неправая сторона, что напрасно увеличивало бы работу судебныхъ властей и развило бы ябеды; 5) отмѣнены тѣлесныя наказанія и смертная казнь, постановлявшіяся прежде судомъ *казіевъ*. Форма судопроизводства у *биевъ* и *казіевъ* имѣетъ много общаго съ нашимъ мировымъ судомъ: предложеніе сторонамъ окончить дѣло миромъ или третейскимъ разбирательствомъ, гласность и публичность суда, отсутствіе письменнаго производства, простота и несложность обрядовъ, — все это дѣлаетъ русскій судъ доступнымъ пониманію туземцевъ и не поражаетъ ихъ новизною, а принимается какъ давно знакомое дѣло.

Нѣтъ сомнѣнія, что туземцы будутъ охотнѣе обращаться къ русскому суду, какъ болѣе развитому и гуманному, чѣмъ *казій* и *бий*. Съ распространеніемъ суда совѣсти—судъ *шариата*, а съ нимъ и фанатизмъ станутъ упадать мало-по-малу, уступая мѣсто русскому праву и вѣротерпимости. *Би*—отъ 4 до 8 на каждую волость—выбираются тѣми же представителями народа, которые выбираютъ и волостного. Жалованья имъ не полагаются, но они получаютъ *бий-лыкъ* за рѣшеніе каждаго дѣла, т.-е. установленный обычаемъ штрафъ съ виновнаго. *Казии* также не получаютъ жалованья, а довольствуются *кази-лыкомъ*. Понятно поэтому, что доходъ судьи прямо зависитъ отъ количества рѣшенныхъ имъ дѣлъ, а это количество прямо зависитъ отъ доброй славы судьи: если онъ извѣстенъ за толковаго человека, умѣющаго скоро отличать ложь отъ правды, если онъ затѣмъ еще и справедливъ, не кривитъ душою, не склоняется подарками на сторону неправую, то къ нему и будутъ обращаться преимущественно передъ

другими. Обычаемъ киргизовъ установлено, что тяжущіеся имѣютъ право, съ обоюднаго впрочемъ согласія, обращаться къ тому или другому бію, не стѣсняясь въ выборѣ ничѣмъ, хотя бы онъ былъ не только другого рода, но даже и жилъ бы за тридевять земель. Этотъ обычай, въ сущности не дурной, подтвержденъ и нашимъ положеніемъ. Въ Семирѣчьи, напримѣръ, ссоры между киргизами, каркаралинцами, джалаировцами и намовцами, при невозможности найти изъ своихъ равно безпристрастнаго къ обѣимъ сторонамъ судью, повели къ тому, что всѣ спорныя дѣла оставались до пріѣзда какого-нибудь русскаго, хотя бы простого казака. Въ особенности прославился одинъ рыбопромышленникъ, извѣстный у киргизовъ подъ именемъ *аксакъ-маіора* (хромого маіора). Онъ ежегодно пріѣзжалъ, разбиралъ споры и бралъ бій-лыкъ.

У сартовъ, гдѣ казій въ то же время и духовное лицо — намъ неудобно было бы узаконять тотъ же обычай: это питало бы въ народѣ ненужный фанатизмъ, а цѣлью нашей было сколько можно ограничить значеніе этихъ святошей. Достигнута эта цѣль весьма простымъ средствомъ: казіи пріурочены къ своимъ участкамъ и принимать дѣла изъ другого участка не имѣютъ права.

Для рѣшенія дѣлъ, превышающихъ сумму въ 100 р., учрежденъ *създъ биевъ* со всей волости, а у сартовъ *създъ казіевъ*; рѣшенія этихъ създовъ окончательны на сумму не выше 1,000 р. Для всѣхъ остальныхъ дѣлъ исковыхъ или гражданскихъ, а также и уголовныхъ, у киргизовъ—учреждается еще *чрезвычайный създъ биевъ* со всего уѣзда; этотъ създъ собирается только по распоряженію уѣзнаго начальника и въ его присутствіи. Рѣшенія суда биевъ и казіевъ записываются въ особую книгу и объявляются сторонамъ, съ выдачею *выправшей* сторонѣ копій съ постановленія за печатами судей. Только по однимъ брачнымъ дѣламъ сторона, *недовольная* рѣшеніемъ народнаго суда, можетъ обратиться къ уѣздному начальнику, которому и предоставляется право рѣшить дѣло окончательно. Понятно, что будетъ обращаться къ русской власти именно женщина. Подчинить бракоразводныя дѣла вѣдѣнію русскаго суда казалось неудобно и въ томъ отношеніи, что въ нашихъ законахъ нѣтъ статей, которыми бы могъ руководствоваться судья въ этихъ случаяхъ. Есть, напротивъ, статьи, положительно воспреещающія всякія условія, клонящіяся къ расторженію брака или къ нарушенію «святости» его. У насъ, при трудности добыть законный разводъ у духовной власти, житейская практика выработала обычай обращаться въ этихъ случаяхъ къ свѣтской власти. Генераль-губернаторы, оберъ-полицій-

мейстеры, шефъ жандармовъ могутъ выдать притѣсняемой женщинѣ отдѣльный видъ на жительство. Этотъ нашъ обычай перенесенъ былъ и на средне-азиатскую почву: въ лицѣ уѣзнаго начальника туземная женщина получила естественнаго защитника. О томъ, какъ пользовались русскіе этимъ правомъ, я скажу впоследствии, когда придется говорить о результатахъ реформы по наблюденіямъ моимъ въ Курамѣ.

Съ кочевого населенія положено взимать кибиточную подать, но не личную съ cadaго поименованнаго въ спискѣ, а съ волости, которая должна внести сумму по расчету въ 2 руб. 75 коп. на каждую душу, и сама уже раскладываетъ эту сумму *не поровну* на богатыхъ и бѣдныхъ, а *пропорціонально* состоянію cadaго. Такимъ образомъ, введена наша круговая порука. Точно также раскладываются и остальные сборы: почтовый, на общественныя расходы и т. п. Общественные расходы заключаются въ жалованья волостнымъ, аульнымъ, аксакаламъ и прочимъ. Волостному управителю объявляется вычисленная заранѣе и назначенная губернаторомъ цифра податей, падающихъ на его волость. Эту сумму раскладываютъ по ауламъ, смотря по ихъ богатству, выборные отъ 50 кибитокъ. Последнюю раскладку между юрто-владельцами въ каждомъ аулѣ производятъ выборные отъ десяти кибитокъ. Самый же сборъ производится аульными старшинами. Собранныя деньги сдаются волостному, а этотъ отвозитъ ихъ въ мѣстную уѣздную кассу. Съ осѣдлаго населенія опредѣлено взимать *хераджъ* въ $\frac{1}{10}$ съ урожая и *тананый сборъ* съ произведеній земли, не подлежащихъ хераджу. Сборъ этотъ взимается порядкомъ издавна существующимъ у туземцевъ, т.-е. особыми спеціальными сборщиками — *серкерами*. Дѣло серкера весьма не легко: онъ долженъ вычислить площадь высѣяннаго поля, чтобъ опредѣлить сколько въ немъ *танановъ* ¹⁾ и сколько, значить, слѣдуетъ взыскать съ землевладельца; онъ долженъ вѣрно опредѣлить на глазъ, какъ великъ можетъ быть урожай на каждомъ данномъ участкѣ, принявъ въ расчетъ количество высѣяннаго зерна и густоту стоящаго на корню хлѣба... Все это требуетъ извѣстныхъ знаній и сноровки. Вотъ почему хорошій серкеръ всегда цѣнился, и вотъ гдѣ источникъ богатства этихъ спеціалистовъ: оцѣнивая на глазъ, серкеръ можетъ ошибиться — въ пользу землевладельца, а за это можетъ получить и должную благодарность.

Съ торгующихъ туземцевъ сыр-дарьинской области взимается

1) Тананъ = $\frac{1}{6}$ части нашей десятины.

закетъ въ $2\frac{1}{2}\%$ съ торговаго капитала или въ $\frac{1}{40}$ часть стоимости товара. Цифра эта установлена во всей Азии древнимъ обычаемъ.

Въ Семирѣченской области, а также въ Казалинскѣ и Перовскѣ торгующіе туземцы подчиняются торговому уставу, общему для всей имперіи. Зякетъ тамъ взыскивается только съ каждаго приходящаго изъ-за границы иностраннаго каравана, въ чемъ и выдается квитанція караванъ-башу. Такая разниа правъ туземнаго купечества въ одномъ и томъ же округѣ, конечно, не можетъ считаться нормальною, и со временемъ придется ввести однообразную систему.

Подводная повинность въ видѣ поставки арбъ¹⁾, верблюдовъ и лошадей для передвиженія войскъ и тяжестей—отмѣнена. Впрочемъ, въ военное время и въ экстренныхъ случаяхъ разрѣшается прибѣгать и къ наряду, но съ уплатою за перевозку или, какъ здѣсь говорятъ, «за жиръ» и за упалыхъ животныхъ, по опредѣленной, т.-е. назначенной начальствомъ, цѣнѣ. Постоянная повинность или квартирная, въ видѣ размѣщенія войскъ по туземнымъ жилищамъ или въ видѣ выставки кибитокъ на ночлеги проходящихъ командъ, также не существуетъ. Войска располагаются въ походѣ бивуаками или возятъ съ собою кибитки, на мѣстѣ—въ казармахъ, а лѣтомъ—въ баракахъ.

26 октября 1867, вновь назначенный ген.-губернаторъ предписалъ воен. губернатору Семирѣченской области составить пять организационныхъ комиссій, по числу предположенныхъ уѣздовъ, и приступить къ составленію списковъ юртовладельцевъ, къ образованію ауловъ и волостей, выбору должностныхъ и раскладкѣ податей. Такъ какъ въ Семирѣченской области населеніе по преимуществу кочевое, то нужно было приняться за дѣло немедленно и окончить его въ теченіи зимы, чтобы захватить всѣ кочевки на мѣстахъ. Позднее прибытіе въ край нѣкоторыхъ изъ вновь назначенныхъ чиновъ военно-народнаго управленія задержало дѣло организации, и чтобы наверстать потерянное время пришлось потомъ раздѣлить Сергіопольскій и Копальскій уѣзды на два участка каждый и сформировать двѣ новыхъ комиссій, которымъ, конечно, досталось вдвое менше работы, и потому онѣ могли окончить ее къ назначенному сроку. Работы Семирѣченскихъ комиссій начались съ декабря 1867 года и продолжались отъ 3-хъ до 7 мѣсяцевъ.

20-го декабря 1867 предписано было сформировать и въ

¹⁾ Арба—телега на двухъ высокихъ колесахъ.

Сырѣ-дарьинской области три комиссій для уѣздовъ, гдѣ преобладаетъ кочевое населеніе, а именно: для Аулие-атинскаго, Казалинскаго и Перовскаго. Всѣ комиссій снабжены были инструкціями, указывавшими, впрочемъ, только общіе приемы предстоявшихъ работъ, и не стѣснявшими исполнителей излишними подробностями, которыя на практикѣ могли бы оказаться непримѣнными. Руководителемъ всего дѣла организациі былъ одинъ изъ членовъ степной комиссіи, А. К. Гейнсъ, назначенный правителемъ канцеляріи генераль-губернатора. Комиссіямъ указано было формировать аулы изъ 100 и до 200 кибитокъ; названія ауламъ давать по нумерамъ, сохраняя особую нумерацію въ каждой волости. Затѣмъ указанъ былъ самый порядокъ выборовъ: сначала избирателей по одному отъ каждаго 10 и по одному отъ каждаго 50 кибитокъ, а затѣмъ и выборовъ аульныхъ старшинъ, волостныхъ управителей и наконецъ биевъ. Волости указано формировать изъ 1,000 и до 2,000 кибитокъ. Названія волостямъ давать или по главному, вошедшему въ составъ ея роду, или по урочищу, гдѣ расположены зимнія стойбища. Во все время работъ комиссій должны были обходить вопросъ о податяхъ, и только во второй объѣздъ разъяснить народу порядокъ взиманія податей, тогда же объявить и о введеніи особыхъ бляхъ для должностныхъ лицъ, а также о форменныхъ для нихъ печатяхъ. Всѣ эти вопросы казались наиболѣе щекотливыми. Для завѣдыванія сборами податей и хозяйствомъ волостей приказано было учредить въ каждомъ уѣздѣ по нѣсколькxу хозяйственныхъ управленій, соединяя для этого по 8—10 волостей, которыя и выбираютъ членовъ управленія по два, по три отъ каждой.

При выполненіи этой программы, комиссій, начавшія работы зимою, встрѣтили множество препятствій: разбросанность кочевковъ небольшими группами дѣлала невозможнымъ посѣщеніе каждой группы, за недостаткомъ времени. Поэтому, вполне правильнаго составленія списковъ ожидать было нельзя. Суровое время года крайне затрудняло переѣзды комиссій. Бураны заметали иногда всѣ пути въ какое-нибудь ущелье, гдѣ пріютился тотъ или другой аулъ. Необходимость окончить работы къ веснѣ, т.-е. ко времени начала перекочевокъ, заставляла спѣшить съ подготовительными работами: киргизы боялись показывать правильно число кибитокъ, чтобы съ нихъ не взыскали недоборъ податей за прошлые годы. Въ Семирѣченской области, гдѣ прежде взимался *ясакъ*, то-есть подать со скота, киргизы старались скрыть истинное число кибитокъ, чтобы уклониться отъ обложенія податью. Наконецъ, нашлись и злонамѣренные люди, распространяв-

шіе нелѣпые слухи о томъ, что мы будто бы хотимъ сдѣлать киргизовъ осѣдлыми, какъ сдѣлали это съ башкирами; что если составляются списки, то съ нѣлюю потомъ брать рекрутъ по одному съ 10 кибитокъ. Слухи эти повели къ тому, что, напримѣръ, въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, въ списки юртовладѣльцевъ, если ужъ никакъ нельзя было пропустить кого-нибудь, записывали нерѣдко давно умершихъ или недавно родившихся,—такъ что хозяиномъ оказывался не отецъ, а самый младшій сынъ! Въ томъ же уѣздѣ выбрали даже бѣа, котораго и имени не было въ спискѣ хозяевъ.

Въ Казалинскомъ уѣздѣ, къ подобнымъ же слухамъ присоединилось еще то обстоятельство, что бѣа, съѣхавшіеся на торги для поставки саксаула, получивъ извлеченіе изъ положенія (въ переводѣ на киргизскій языкъ) выдали его за приказъ собрать съ народа деньги. Результатомъ этого было то, что около 500 кибитокъ уключало въ оренбургскія степи, а болѣе 1,200 въ Хиву.

Какъ легко удавалось киргизамъ уклоняться отъ записи, можно судить изъ того, что когда до генерала Колпаковскаго ¹⁾ дошли слухи о пропускахъ, сдѣланныхъ вѣрненскою комиссіей, то онъ самъ поѣхалъ провѣрить одну волость и, при помощи своихъ агентовъ, нашелъ 324 кибитки, не попавшія въ перепись. Комиссіи это было поставлено на видъ, и при второмъ объѣздѣ она сама нашла еще 4,266 кибитокъ, всего же, противъ прежняго счета, открылось 12,815 лишнихъ кибитокъ.

Въ Токмакскомъ уѣздѣ открыто	8,711
> Копальскомъ	3,660
> Сергіопольскомъ	1,222
> Иссыкъ-кульскомъ	308
А всего	26,716

Степная комиссія считала, что по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ всего числа кибитокъ скрывается отъ обложенія податью, и потому опредѣляла все число кибитокъ Семирѣченской области въ 62,000. Организационныя комиссіи записали 104,811 кибитокъ, слѣдовательно, противъ счета степной комиссіи на 42,812 кибитокъ болѣе, а это составляетъ почти 65%, то-есть не $\frac{1}{3}$, а $\frac{2}{3}$ кибитокъ укрывались отъ подати!

Самый порядокъ переписи въ семирѣченскихъ уѣздахъ былъ такой: прибывъ въ ауль, тотчасъ собирали юртовладѣльцевъ и переписывали имена ихъ, съ отмѣткой числа кибитокъ, принадлежащихъ каждому. Повѣрка числа юртъ производилась при

¹⁾ Въшаго тогда губернаторомъ Семирѣченской области.

переключкѣ выборныхъ десятниковъ и пятидесятниковъ, какъ для простоты называли депутатовъ-избирателей. Вызывая депутата, одинъ изъ членовъ спрашивалъ его, отъ кого онъ выбранъ, а другой отмѣчалъ по списку его показанія, и кого нѣтъ, того вписывали. Для скорости, въ Токмакскомъ уѣздѣ дѣлалось такъ: въ одинъ центральный ауль собирали выборныхъ изъ окрестныхъ ауловъ, гдѣ списки поручалось составить старому волостному; списки эти повѣрялись десяточными, затѣмъ, нововыбранному волостному также приказывалось составить списки и затѣмъ производилась перекрестная повѣрка. Если являлось сомнѣніе, то при объѣздѣ комиссія повѣряла на выдержку 1 ауль съ волости.

Въ Вѣрненскомъ уѣздѣ также собирали по 1,000 и болѣе юртовладѣльцевъ въ центральные пункты и тамъ записывали; но какъ это производилось во время уразы ¹⁾, то народъ собирался весьма неохотно, и мы уже знаемъ, сколько комиссіей было пропущено кибитокъ.

Въ Сергіопольскомъ уѣздѣ придумано было каждому юртовладѣльцу выдавать особый билетъ на право кочевать въ известномъ, указанномъ самимъ киргизомъ, мѣстѣ. Киргизы брали билеты весьма охотно, такъ какъ это походило на документъ, закрѣплявшій за ними землю. При объѣздѣ же, комиссія спрашивала билеты и сеічасъ открывала, кого не было на сборномъ пунктѣ. Мысль удачная и вполне отвѣчающая цѣли.

Для ознакомленія народа съ новыми порядками, генералъ Колпаковскій велѣлъ перевести на киргизскій языкъ нѣкоторые параграфы положенія (130—135, 181—213 и отъ 151 по 171), касавшіеся киргизовъ. Переводы эти были розданы по одному на волость. Такъ какъ у разныхъ султановъ было много *теленгутовъ*, рабовъ, которые объявлены были нами свободными, и какъ, кромѣ того, оказалось много всякаго сброда изъ батраковъ, бѣдняковъ, оставшихъ отъ своего рода, то ихъ приказано размѣстить по разнымъ волостямъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы они ни въ одной не оказались большинствомъ. Въ Копальскомъ уѣздѣ, гдѣ волости часто приходилось составлять изъ нѣсколькихъ родовъ, генералъ Колпаковскій разрѣшилъ *уравнивать* число избирателей отъ слабыхъ и сильныхъ родовъ: слабые выставляли для выбора волостного не по одному отъ 50 кибитокъ, а по одному съ 45-ти, съ 35-ти и даже съ 25-ти, то-есть уже по два отъ 50-ти кибитокъ. Такимъ образомъ, сильные роды не могли подавить слабыхъ большинствомъ голосовъ и не могли навязать имъ

¹⁾ Мусульманскій постъ.

своихъ волостныхъ, биевъ и членовъ хозяйственныхъ управлений. Потомки знаменитаго хана Аблая, считающіеся теперь въ числѣ 19-ти кибитокъ въ Вѣрненскомъ и нѣсколькихъ еще (сколько именно — я цифры не нашель) въ Копальскомъ, навсегда освобождены отъ всякихъ податей. Право это переходить, впрочемъ, только къ старшему въ родѣ и потому обѣленныхъ *всегда* будетъ только то число, какое записано въ организацію 1868 года. Аулы составлялись изъ 150—200 сосѣднихъ кибитокъ; изъ 8—11 ауловъ составлялась волость. Такимъ образомъ, волость составлялась изъ 1500—2000 юртъ; если въ составъ ея входило бѣдное населеніе, то волость дѣлалась сильнѣе числомъ кибитокъ, чтобы легче могла содержать своихъ представителей. Къ границамъ области волости дѣлались *мельче*, даже до 800 кибитокъ; цѣль была та, чтобы облегчить волостному наблюдению за порядкомъ, что въ особенности нужно и въ особенности трудно именно на границахъ.

Названія волостямъ давались по урочищамъ и рѣкамъ, что давало возможность, по одному названію, знать, гдѣ она расположена и, кромѣ того, родовыя имена по-немногу исчезаютъ. Всѣ комиссіи почти безъ исключенія держались такого правила, отдавая преимущество территориальному началу передъ родовымъ. Основаніемъ для границъ волости приняты были зимнія кочевки и пашни: лѣтнія нельзя было принять за основаніе, потому что иные роды откочевываютъ весьма далеко. Комиссіи ограничивались только приведеніемъ въ извѣстность мѣста лѣтнихъ и лишь въ случаяхъ, когда онѣ были не далеко отъ зимовокъ — ихъ включали также въ границы волости. Выборы волостныхъ производились закрытой баллотировкой записками. Правду сказать, это было нѣсколько неясно: какъ можетъ *написать* записку неграмотный? А если за него пишетъ другой, то это ужъ никакъ не *закрытая* баллотировка... Списокъ избранныхъ представлялся губернатору, который иногда и не утверждалъ выбора, а *назначалъ* забаллотированнаго. Это хотя и разрушало принципъ выбора, но въ виду новости дѣла для самихъ киргизовъ было совершенно неизбѣжно. Въ Копальскомъ уѣздѣ, напримѣръ, выбрали однажды совершенно дряхлаго, 87-ми-лѣтняго старика, а кандидатомъ къ нему человека необыкновенно тучнаго и пораженнаго хроническимъ ревматизмомъ! Понятно, что оставить народу выбранныхъ имъ точно на потѣху — было нельзя. Случалось также, что выборы падали на лицъ неблагонадежныхъ въ нравственномъ или политическомъ отношеніяхъ. Жалованье аульнымъ старшинамъ назначалось выборными отъ 50-ти кибитокъ, и одинаковое по

всей волости — отъ 50 до 125 рублей. Волостнымъ назначалось отъ 400 до 600 руб., считая съ разсылными. Были случаи, что должностные отказывались отъ жалованья. Такъ, въ Иссык-кульскомъ уѣздѣ трое волостныхъ и всѣ аульные старшины въ двухъ волостяхъ отказались отъ жалованья, сохранивъ только назначенныя имъ на содержаніе джигитовъ-разсылныхъ — по 70 р. въ годъ (волостнымъ по 150 р.). Раскладка податей производилась при второмъ объѣздѣ. Среднимъ счетомъ каждая кибитка должна была платить по 3 р. $73\frac{2}{3}$ коп., считая въ томъ числѣ и расходы на администрацію. Реформа встрѣчена была населеніемъ Семирѣчья съ довѣріемъ и благодарностію — въ этомъ заслуга организаціонныхъ комиссій, которыя такимъ образомъ сумѣли разъяснить дѣло какъ слѣдуетъ.

Только въ одномъ Токмакскомъ уѣздѣ сарабагиши постарались отойти подальше отъ административнаго центра и, двигаясь на востокъ, потѣснили богинцевъ, которые, не будучи въ силахъ отразить баранту и сберечь скотъ отъ расхищенія, вынуждены были уступить свои мѣста. Сарабагиши заняли, такимъ образомъ, даже пашни богинцевъ по р. Кунгею. Въ степныхъ уѣздахъ Сырдарьинской области нѣкоторый непорядокъ произошелъ только въ Казалинскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ сказано, откочевало 1,728 кибитокъ (482 въ оренбургскую степь и 1,246 въ Хиву), вслѣдствіе плутовства биевъ. Въ Аулие-атинскомъ уѣздѣ киргизы, по примѣру вѣрненскихъ, хотѣли составлять волости по родамъ, не соединяясь по нѣсколькимъ родовъ въ одну волость, такъ какъ каждый родъ хотѣлъ избрать своего волостного. Предсѣдатель комиссіи, артиллеріи капитанъ Мѣдинскій, обошелся безъ всякаго шума и весьма просто: онъ удалялъ изъ толпы наиболѣе вліятельныхъ людей, заинтересованныхъ почему-либо въ выборѣ, и толпа согласилась на все.

Казалинская комиссія (предсѣдатель — генеральнаго штаба капитанъ Соболевъ) сочла нужнымъ отступить въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ указаній инструкціи. Во-первыхъ, аулы формировались не изъ 200, а изъ 300 и 400 кибитокъ; волости изъ 1,750—2,254 кибитокъ. Бии выбраны были *для каждаго аула*, въ видахъ облегченія народа, а не по 4 на всю волость. Киргизы просили еще опредѣлить имъ и *аульныя границы*, такъ какъ зимою, при наплывѣ кочевниковъ изъ другихъ родовъ, является недостатокъ въ топливѣ и кормѣ. Просьба эта была удовлетворена, что заслуживаетъ одобренія уже въ томъ отношеніи, что выдвигаетъ на первый планъ поземельные интересы. При раскладкѣ податей оказалось, что большая часть выборныхъ не

знали и не понимали, какъ надо взяться за дѣло, какъ разложить всю причитающуюся съ волости сумму по ауламъ, чтобы это вышло *уравнительно* и пропорціонально богатству ихъ. Комиссія должна была произвести эту раскладку сама. При опредѣленіи границъ волостей, оказалось невозможнымъ включить въ нихъ и лѣтовки, такъ какъ чумекеевцы, дюрткаринцы, алтынцы, китинцы, чиклинцы, япасцы и др. уходятъ на рр. Иргизъ и Тургай и далѣе, до Орска, особенно, когда на Сырѣ легкая зима и потому ожидается сухое лѣто. На западъ названные роды доходятъ до Малыхъ-Барсуковъ. Кромѣ того, *шинчи* ¹⁾, разбогатѣвъ теперь, также тянутся кочевать на сѣверъ.

Въ видахъ административныхъ, полезно было бы присоединить Иргизскій и Тургайскій уѣзды къ туркестанскому генералъ-губернаторству, такъ какъ лѣтомъ въ нихъ переселяется почти весь Казалинскій уѣздъ, спасающій свои стада отъ сыр-дарьинскаго овода.

Прежде чѣмъ приступить къ организаціи остальныхъ уѣздовъ Сыр-дарьинской области, въ которыхъ приходилось имѣть дѣло уже съ осѣдлымъ населеніемъ—надобно было произвести предварительный опытъ на Ташкентѣ. Принявъ реформу, Ташкентъ послужилъ бы хорошимъ примѣромъ и другимъ городамъ, что казалось тѣмъ важнѣе, что осѣдлыхъ туземцевъ, какъ болѣе знакомыхъ съ тонкостями мусульманскаго ученія, у насъ считали менѣе склонными къ реформѣ, чѣмъ киргизовъ. Кромѣ того, на Ташкентѣ могли подучиться, собранные на этотъ случай, члены другихъ комиссій, люди болѣею частью новые, только-что прибывшіе изъ Россіи и вовсе съ краемъ незнакомые.

Для организаціи г. Ташкента была сформирована комиссія изъ нѣсколькихъ отдѣленій, подъ предсѣдательствомъ ген.-м. Гейнса. Составленіе списковъ и здѣсь встрѣтило много затрудненій. При опасеніи возбудить открытое противодѣйствіе и при нежеланіи нарушить народные обычаи, комиссія избѣгала входить внутрь дворовъ, а при такомъ своеобразномъ характерѣ построекъ, каковы здѣшнія, весьма легко замаскировать не только домъ, но и цѣлую улицу: загородить входъ арбой, замазуть калитку глиной и увѣряютъ, что тутъ не жилье, а сады. Входить для проверки было запрещено, и приходилось отмѣчать садомъ чуть не цѣлый кварталъ!

Для разъясненія жителямъ касавшихся ихъ параграфовъ проекта

¹⁾ Бѣдьяки киргизы, ге имѣвшіе скота и средствъ къ кочевью и потому занятіе земледѣліемъ. Ихъ въ 1868 г. насчитано 4,836 кибитокъ.

положенія—приглашены были въ комиссію улемы, казіи, аксакалы и другіе почетные туземцы. Нѣкоторые параграфы вызвали возраженія со стороны улемовъ. Нашли, напримѣръ, что *выбора* казія допустить отнюдь нельзя, ибо это будетъ нарушеніемъ шаріата; нельзя также отмѣнять права казіевъ приговаривать къ тѣлеснымъ наказаніямъ, отсѣченію членовъ и къ смертной казни; наконецъ и *народная перепись противна шаріату*. Первое возраженіе было устранено чтеніемъ изъ шаріата того мѣста книги *Фазиль-Гамиди*, гдѣ говорится, что если начальникъ города *не мусульманинъ*, то *избраніе* казія зависитъ отъ мусульманъ, и если избранный согласится, то долженъ быть допущенъ къ должности. На протестъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній и смертной казни, установленныхъ шаріатомъ, было сказано, что такова высочайшая воля, и что если во всей Россіи это уничтожено, то и здѣсь не будетъ исключенія. Тогда нѣкоторые улемы просили оставить за казіями хоть право налагать штрафы, какъ это установлено шаріатомъ; на это имъ предоставлено составить особый кодексъ въ одномъ изъ будущихъ сѣздовъ. Что касается переписи, то собраннымъ туземцамъ было указано, что шаріатъ не допускаетъ только *личной* переписи, а дома, дворы, скотъ, количество урожая и т. п. могутъ быть предметами переписи. Самая уплата хераджа, танапа и зякета немислима безъ счета, безъ переписи. Наконецъ, 60 лѣтъ назадъ Алимъ-ханъ коканскій, произвелъ же народную перепись—правда, что онъ далъ торжественную клятву въ мечети, что это онъ дѣлаетъ въ послѣдній разъ. Казіи находили также неудобнымъ ношеніе бронзовыхъ знаковъ своего званія, такъ какъ изображенія вообще, а выпуклые въ особенности—строго воспрещены кораномъ ¹⁾. Неудобно также вводить форменныя печати, по случаю изображенія на нихъ орла. Это, конечно, были вопросы не существенныя, а между тѣмъ могли возбудить разные толки и дать пищу фанатизму. Поэтому рѣшено было ни знаковъ, ни печатей не вводить.

Въ мартѣ 1868 года приступлено было къ организаціи остальныхъ уѣздовъ Сыр-дарьинской области. Наиболѣе интереса и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудненій представлялъ Кураминскій уѣздъ, въ которомъ собрались представители всѣхъ народностей русскаго Туркестана и всѣхъ ступеней гражданственности: тутъ, рядомъ съ кочевымъ киргизомъ, видишь полукошевого сарта, полу-осѣдлаго кир-

¹⁾ После занятія Самарканды, 2-го мая 1868, ген.-губернаторъ роздалъ нѣсколько медалей, но кази-белаякъ отказался надѣть суретъ (портретъ), ибо законъ не позволяетъ, а кази долженъ показывать другимъ примѣръ.

гиза, а рядомъ съ осѣдлымъ сартомъ и джиджикомъ, видишь осѣдлаго киргиза; видишь, наконецъ, особый типъ, свойственный только Кураминскому уѣзду—курама. Несмотря на затрудненія коммиссія, подъ предсѣдательствомъ майора Колзакова, скоро и толково повела дѣло, собравъ попутно довольно обстоятельныя данныя по топографіи уѣзда, этнографіи его и экономической дѣятельности населенія.

Организаціи Кураминскаго уѣзда и наблюденіямъ нашимъ мы посвятимъ нѣсколько словъ въ слѣдующей главѣ. Всѣ почти коммиссіи окончили свои занятія въ теченіи 1868 года. Замѣшкательна только чемкентская, и пропустила время, такъ что киргизы успѣли откочевать раннею весною. Пришлось работать и зимою на 1869 годъ; но и тутъ дѣло шло весьма вяло, а потому въ помощь чемкентской коммиссіи былъ посланъ одинъ изъ членовъ кураминской, который и докончилъ дѣло организаціи этого уѣзда.

Джизакская коммиссія и вовсе ничего почти не сдѣлала въ теченіи двухъ лѣтъ. Сначала ея работамъ мѣшала начавшаяся кампанія противъ бухарцевъ (такъ-называемая самаркандская экспедиція), а потомъ отсутствіе уѣзднаго начальника. Теперь, какъ извѣстно, уѣздъ этотъ упраздненъ вовсе. Главная заслуга организаціонныхъ коммиссій заключается въ томъ, что онѣ сумѣли внушить къ себѣ довѣріе въ народѣ, сумѣли разъяснить ему цѣль и значеніе вводимой реформы, которая поэтому и принята спокойно, съ довѣріемъ и признательностью.

Болѣе всего пришлось по нраву населенію—отмѣна власти султановъ и манаповъ, давившихъ народъ поборами, затѣмъ право выбора всѣхъ ближайшихъ своихъ начальниковъ, раскладка податей пропорціонально состоянію, какъ процентъ съ дохода, и наконецъ, правильная организація народнаго суда. Успѣшность дѣйствій новыхъ, избранныхъ самимъ народомъ, представителей выразилась немедленно безнедоимочнымъ поступленіемъ податей, а затѣмъ и возрастаніемъ самой цифры этихъ податей. Кураминскій уѣздъ, напримѣръ, до организаціи въ 1867 г. вносилъ 81,980 р. 23³/₄ коп., а послѣ организаціи въ 1868 г. уже 244,172 р. 22¹/₄ к., въ 1869 году—277,889 р. 82¹/₄ к., да еще надобно прибавить къ этому общественные расходы и содержаніе туземныхъ властей въ 65,000 р., т.-е. 343,000 р.,—вчетверо болѣе того, что вносилось до организаціи. Правда, туземецъ платитъ несравненно меньше, чѣмъ русскій вѣстникъ; но если при увеличившейся вчетверо суммѣ податей недоимокъ все-таки не происходитъ, то это, конечно, слѣдуетъ отнести не только къ за-

ботливости уѣздной администраціи, но и къ заслугѣ низшихъ исполнителей, выбранныхъ изъ среды народа и самимъ народомъ.

Кураминская организаціонная коммиссія приступила къ работѣ съ предвзятою мыслью о неизбежности противодѣйствія со стороны мусульманскаго населенія. Она думала найти, съ одной стороны—кочевника, проникнутаго родовыми преданіями, гордаго своимъ степнымъ просторомъ и волею, съ другой—степеннаго, скрытнаго и фанатичнаго сарта.

При первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, коммиссія увидѣла ошибочность своихъ предположеній. Она увидѣла киргиза-земледѣльца, киргиза-осѣдлаго, увидѣла его киплакъ изъ камышевыхъ кибитокъ, обмазанныхъ глиной и, значить, прикованныхъ уже къ землѣ, нашла киплаки и изъ глиняныхъ домовъ. Оказалось, что для такого киргиза—родъ остается только послѣднимъ отголоскомъ безвозвратно минувшаго времени, пустымъ звукомъ безъ значенія: родовыхъ интересовъ уже нѣтъ и слѣда, потому что нѣтъ ни родовыхъ зимовокъ, ни родовыхъ лѣтенокъ—всѣ роды перемѣшались въ одну безхарактерную массу съ преобладаніемъ интересовъ уже не отвлеченныхъ—родовыхъ, а осязаемыхъ—территориальныхъ. Явились заботы объ общемъ арыкѣ, объ общей землѣ, о границахъ участка и т. п. Понятіе же о родѣ напоминало еще о себѣ только при сборѣ кибиточной подати, да и то потому, что она собиралась бѣями, официальными представителями рода. Но бѣи эти не были старшими въ родѣ, не были ни султанами, ни манапами, къ власти которыхъ искони привыкъ ихъ родъ. Это были, напротивъ, плебеи, чернь, простая «черная кость» (кара-сюокъ), и выдвинулись не избраніемъ народнымъ, не первородствомъ, а произволомъ коканскихъ, а потомъ и русскихъ властей. Такіе бѣи не пользовались, конечно, ни должнымъ уваженіемъ, ни значеніемъ, свойственнымъ званію, если оно доставалось законно, т.-е. по обычаю. Такіе бѣи держались только страхомъ, какой успѣвали внушить, благодаря поддержкѣ со стороны власти, ихъ поставившей, и потому понятно, что они чаще всего возбуждали къ себѣ только ненависть и презрѣніе со стороны подчиненныхъ имъ людей. Безразличное отношеніе, почти равнодушіе къ мусульманству и забота о насущномъ хлѣбѣ—способны были обломать, сгладить всѣ углы киргизскаго характера. Привыкшіи уже къ кое-какимъ удобствамъ, усвоеннымъ отъ сосѣда таджика или сарта, утратившіи всякую связь съ родомъ—киргизъ представлялъ готовую почву для какихъ угодно насажденій.

Что касается сарта, то и въ немъ коммиссія не нашла фа-

натика. Охваченные со всѣхъ сторонъ киргизскимъ населеніемъ — сарты также утратили постепенно многія изъ своихъ характерныхъ чертъ. Взаимодѣйствіе народностей не прошло безслѣдно и для нихъ. Сталкиваясь съ киргизомъ на базарѣ, на пашнѣ, на судѣ, не встрѣчая ни въ комъ и нигдѣ противорѣчія своему религиозному воззрѣнію, а слѣдовательно, и не находя борьбы, которая бы возбуждала и питала фанатизмъ, кураминскій сартъ могъ только сдѣлаться ханжею, лицомъ-бромъ, для котораго довольно и однихъ обрядовъ. Такимъ образомъ и сартъ оказался годнымъ для передѣлки матеріаломъ, хотя и менѣе податливымъ, чѣмъ киргизъ. Но и киргизъ, и сартъ явились сначала апатичными и равнодушными къ новымъ порядкамъ. Волновалась, рябила лишь поверхность, да и то потому, что искала мѣсть и жалованья. Внизу, въ массѣ, царил тишь невозмутимая — этимъ сказалось отсутствіе религиознаго фанатизма и ничтожность вліянія туземнаго духовенства. Въ большихъ городахъ, каковы Ташкентъ, Джизакъ, Ходжентъ и т. п., гдѣ множество мечетей, а слѣдовательно, и муллъ, комиссіи встрѣчали не только затаенное противодѣйствіе, но иногда и явное сопротивленіе.

То же явленіе замѣчено и въ уѣздѣ: Бискентъ и старшій Чиназъ, какъ наиболѣе населенные центры, выказали нѣкоторое противодѣйствіе, и если оно не имѣло вредныхъ послѣдствій, не помѣшало мирному ходу и успѣху работъ, то единственно потому, что къ организаціи этихъ центровъ комиссія приступила не въ началѣ, а въ концѣ своихъ работъ, когда за нею были уже 6 мѣсяцевъ опыта, достаточное знакомство съ характеромъ народа, а главное — примѣръ принявшихъ уже новое положеніе. Кончилось тѣмъ, что недовольный вначалѣ народъ, возбужденный ложными слухами и подстрекательствами нѣсколькихъ честолюбцевъ — высказывалъ впослѣдствіи признательность за порядокъ и тишину, которые у него водворились тотчасъ, какъ только введена была правильная система администраціи.

Старые порядки или, вѣрнѣе, беспорядки привели дѣла въ хаотическое состояніе: въ уѣздѣ господствовала полная анархія. Мѣстная русская власть стояла одиноко, безъ возможности дѣйствовать и въ самомъ неопредѣленномъ, какъ къ высшимъ, т. е. русскимъ властямъ, такъ и къ народу и его представителямъ. Созданный при генералѣ Романовскомъ новый органъ власти — такъ-называемое *мехкеме* (совѣтъ, дума) — смѣшивало въ себѣ и права судебной инстанціи, и права совѣта по всѣмъ дѣламъ. При такомъ всеобъемлющемъ характерѣ мехкеме — оно скоро сдѣлалось гнѣздомъ интригъ, взаимной вражды и преданности.

Территоріальныхъ дѣленій никакихъ не было. Вся задача управленія сводилась исключительно къ сбору податей, а разъ, что сборы были не одинаковы съ кочевниковъ и осѣдлыхъ, то и подраздѣленія уѣзда были не территоріальныя, а скорѣе этнографическія. При этомъ величина подраздѣленій была весьма неравномѣрна, а границы ихъ вовсе не опредѣлены. Отсюда — черезполосица со всѣми ея послѣдствіями. Народъ не зналъ въ точности, кто именно уполномоченъ взимать съ него подати, и жалобы на неправильности, на вторичное взысканіе податей двумя разными сборщиками — были нерѣдки. Русская власть не знала, съ кого именно и сколько собрано. Сборщикъ самъ опредѣлялъ, сколько тотъ или другой хозяинъ долженъ внести въ казну, сообразно съ урожаемъ, но оцѣнка урожая, измѣреніе площади засѣяннаго участка — такія хитрыя дѣйствія, что никакой контроль здѣсь невозможенъ, и потому весьма естественно, что сборщики могли смѣло оставлять въ своихъ карманахъ львиную долю.

Киргизское населеніе управлялось родовыми бѣями, старшими и младшими, и арыкъ-аксакалами. Бѣи зачирчинскіе почти не жили въ средѣ управляемаго ими народа, а стремились въ Ташкентъ, поближе къ главному начальству, а слѣдовательно и къ милостямъ. Народъ, конечно, тянулъ въ Той-тюбе къ русскому чиновнику, завѣдывавшему населеніемъ. Какъ могъ управлять киргизами этотъ чиновникъ, когда ближайшіе его помощники, бѣи, почти постоянно отсутствовали — трудно себѣ представить. Осѣдлое населеніе, къ которому въ то время причисляли только сартовъ, кураминцевъ и таджиковъ, также не могло похвалиться благоустройствомъ управленія. Кое-гдѣ и существовало что-то въ родѣ волостныхъ управителей, но то были либо русскіе ставленники, не имѣвшіе сами по себѣ никакого значенія и власти, либо прежніе серкеры, присвоившіе себѣ эту власть въ послѣднія времена коканскаго владычества и сдѣлавшіеся изъ простыхъ сборщиковъ податей полновластными господами своего округа.

Какъ ни противорѣчилъ такой порядокъ нашимъ интересамъ, все же онъ былъ лучше совершеннаго отсутствія волостныхъ, какъ это было въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда. Невыгоды такого порядка вещей сказывались весьма чувствительно, когда русской власти приходилось при каждомъ своемъ распоряженіи сношаться со множествомъ мелкихъ деревенскихъ старшинъ. Необходимость передаточныхъ инстанцій вызвала къ жизни множество *самозванныхъ* помощниковъ русскаго начальника. Это были, такъ сказать, чиновники особыхъ порученій изъ туземцевъ. Ненося

никакого официального званія, они довольствовались только выдававшимся на ихъ долю почетомъ и вліяніемъ, изъ которыхъ умѣли извлекать и прямыя матеріальныя выгоды. Сотрудники эти, не имѣя подъ ногами никакой законной почвы и зная, что одинъ дурной приемъ у русскаго начальника можетъ лишить ихъ въ глазахъ народа всякаго значенія — лавировали между народомъ и русскою властью, стараясь угодить обѣимъ сторонамъ. На официальном языкѣ эти люди причислялись вообще къ категоріи «влиятельныхъ или почетныхъ лицъ изъ туземцевъ». Ихъ назначали въ депутаціи, выставляли при встречахъ начальства и т. п., а выданный при этомъ случаѣ халатъ съ галунами или медаль — навсегда закрѣпляли за пролазой титулъ «почетнаго лица».

При первомъ взглядѣ обиліе «почетныхъ лицъ» въ Курамѣ могло привести заѣзжаго человѣка въ полнѣйшее уныніе; но самое поверхностное ознакомленіе съ дѣломъ ясно показывало, что въ сущности «влиятельныхъ» нѣтъ ни одного, что они свѣтили только свѣтомъ, заимствованнымъ отъ русской власти, и что народъ быстро забывалъ своего непрошеннаго представителя, своего ходатая, какъ только власть переставала его поддерживать.

Къ сожалѣнію, первые представители русской власти плохо понимали дѣло, были не въ состояніи оцѣнить свое положеніе, взвѣсить свои силы и потому вступали въ компромиссы, смотрѣли сквозь пальцы на подвиги такихъ самозванныхъ старшинъ, каковъ напримѣръ, злодѣй *Мулла-Ярг*¹⁾, и подобныя.

Это, конечно, вело за собою безурядицу въ управленіи и обнаруживало передъ народомъ слабость русской власти. Но кромѣ ошибокъ, проистекавшихъ отъ взгляда на дѣло второстепенныхъ русскихъ дѣятелей — и вся тогдашняя система нашего управленія страдала излишнимъ смиренномудріемъ. Мы боялись затронуть вѣрованія и предразсудки народа, боялись возбудить фанатизмъ нечаяннымъ нарушеніемъ какого-нибудь правила шаріата. Это много повредило дѣлу цивилизаціи и надолго отодвинуло рѣшеніе многихъ важныхъ вопросовъ. Многое, что могло быть введено въ 1865 году однимъ почеркомъ пера — теперь потребуетъ долгихъ годовъ постепенной подготовки. Правда, что мы явились сюда только во всеоружіи силы и безъ знанія — ни бытъ, ни характеръ, ни законы туземцевъ намъ извѣстны не были.

¹⁾ Въ 1868 году его, наконецъ, сослали въ Сибирь, но онъ скоро сбѣжалъ оттуда, однако же былъ пойманъ въ 1869 г. и снова сосланъ.

Шаріатъ, котораго мы не вѣдали, служилъ для насъ пугаломъ, и вотъ причина, почему казіимъ и въ особенности такимъ, которые выдавались ханжествомъ, а слѣдовательно, были для насъ наиболѣе опасны — предоставлена была полная свобода отправлять правосудіе, какъ они знаютъ.

Самые святые изъ ханжей казіевъ быстро выдвинулись во мнѣніи главныхъ русскихъ начальниковъ въ краѣ и какъ нельзя лучше воспользовались этимъ, обративъ другихъ казіевъ въ своихъ подручныхъ и распространивъ черезъ нихъ свое вліяніе на огромныя пространства. Наши губернаторы, рассчитывая заслужить популярность въ покоренномъ народѣ — утвердили за такими ханжами титулъ *казы-келянговъ*, «верховныхъ судей», которые и сдѣлались официальными покровителями всякихъ ханжей, мулловъ, улемовъ и дувановъ. Понятно, затѣмъ, что туземецъ, служившій вѣрно нашимъ интересамъ, терялъ въ народѣ всякую почву, какъ только узаконенный нами старшій законовѣдъ, толкователь шаріата (сартовскій митрополитъ, какъ его называютъ наши солдаты), заклеить этого туземца названіемъ *кафира*, невѣрнаго.

Только равнодушныя массы, да отчасти спасительный страхъ поддерживали должный порядокъ; но ко времени введенія новаго положенія уже начали проявляться отдѣльные примѣры буйства, неповиновенія и ненужной смѣлости, хвастливости передъ русскою властію. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые святоши на приказаніе явиться въ управленіе отвѣчали, что-де «во время *уразы* (мусульманскій постъ) мы лежимъ на брюхѣ, вознося мысли къ Богу и потому явиться не можемъ».

Такой порядокъ вещей самъ по себѣ указывалъ уже на необходимость реформы, и надо сознаться, что эта реформа подошла весьма кстати. Она положила конецъ дальнѣйшему развитію такого вреднаго направленія умовъ и разомъ повернула дѣло на новый, твердый путь. Тотъ же святоша, что прежде въ уразу считалъ себя вправѣ не повиноваться приказу русскаго начальника — теперь, переставленный на новую должность, скачетъ, сломя голову, по первому зову, и, несмотря ни на что, безъ оговорокъ — собираетъ кибиточную подать со своей бывшей пасты! Фанатизмъ, такимъ образомъ, легко уживается съ выгодами, и если не нуженъ — удобно укладывается въ карманъ. Выборныя власти теперь твердо знаютъ, что у народа имъ нечего заискивать, что русская власть требуетъ только честной службы, а такая служба одинаково угодна и народу; что, наконецъ, русская власть и милуетъ, и караетъ, руководствуясь при этомъ не степенью пресловутой вліятельности лица, а лишь заслугами

или проступками его. Новопоставленные власти, поднятыя нерѣдко изъ ничтожества, стали въ независимое положеніе относительно народа и тверже въ своихъ законныхъ требованіяхъ. Кто же уцѣлѣлъ изъ старыхъ старшинъ, тотъ замѣтно притихъ и прежнее наглое казнокрадство исчезло.

Народъ во-очію убѣдился въ безсиліи своихъ прежнихъ кумировъ. Понятія о равенствѣ передъ закономъ, которыя старалась проводить русская администрація, оказались мало отвѣчающими укоренившимся обычаямъ, но это не остановило дѣла. Какъ образчикъ понятій объ этомъ народа, можно указать жалобу выборныхъ уральской волости на своего старшину за то, что «онъ не смотритъ ни на кого, не различаетъ большого отъ малаго, одинаково со всѣхъ взыскиваетъ и никому не дѣлаетъ ни въ чемъ уваженія». Попытка объяснить выборнымъ противорѣчіе ихъ взгляда съ закономъ и справедливостью осталась тщетною. Это было выше ихъ пониманія, и потому имъ просто приказано слушаться.

Согласно проекту положенія объ управленіи въ Сыръ-дарьинской и Семирѣченской областяхъ, организаціоннымъ комиссіямъ предложено было формировать аулы изъ 100 и до 200 кибитокъ, названія имъ давать по номерамъ, сохраняя особую нумерацію въ каждой волости; волости формировать изъ 1000 и до 2000 кибитокъ, названія имъ давать или по тому роду, который въ волости преобладаетъ, или по урочищу, гдѣ расположены его зимнія стойбища. Во время работъ комиссіи должны были обходить вопросъ о податяхъ и только во второй объѣздъ разъяснить народу порядокъ взиманія податей, тогда же объявить о знакахъ или бляхахъ для старшинъ и судей и форменныхъ печатяхъ. Для завѣдыванія сборами податей и хозяйствомъ волостей, рѣшено учредить въ каждомъ уѣздѣ нѣсколько хозяйственныхъ управленій, подчиняя вѣдѣнію каждаго отъ 8-ми до 10-ти волостей. Каждая волость выбираетъ въ свое хозяйственное управленіе отъ 2-хъ до 3-хъ членовъ.

Организаціонная комиссія ¹⁾ приступила къ работамъ 15-го марта 1868 г. и окончила ихъ 6-го декабря того же года. Съ перваго же шага комиссія увидѣла невозможность придерживаться всѣхъ предположеній данной программы. Начать съ того, что составлять особые аксакальства для осѣдлыхъ представлялось весьма неудобнымъ на томъ основаніи, что кибитаки

¹⁾ Предсѣдатель майоръ Колзакъ, члены: артилл. шт.-кап. Астафьевъ, капит. Гребенкинъ, прап. баронъ Гревенитцъ и титул. сов. Савенковъ.

весьма разбросаны, осѣдлые жители перемѣшаны съ кочевыми, да и самые кибитаки весьма малы. Понятное дѣло, что такимъ кибитакамъ весьма трудно было бы содержать свое особое управленіе и, сверхъ того, еще общее съ кочевымъ населеніемъ. Затѣмъ, выдѣленіе этихъ кибитаковъ въ особые аксакальства дало бы поводъ къ спорамъ за арыки, принудило бы собирать мелкіе кибитаки, какъ бисеръ, на 70 верстъ въ окружности, что затруднило бы полицейскій надзоръ и повѣрку сборщиковъ податей (сборы производились не по кибитакамъ отдѣльно, а по арыку). Всѣ эти соображенія заставили комиссію ходатайствовать о разрѣшеніи ввести кибитаки въ составъ волостей, не выдѣляя осѣдлыхъ въ особое отъ кочевыхъ управленіе. Это казалось тѣмъ выгоднѣе, что при сведеніи сартовъ и киргизовъ въ одну волость большинство, и слѣдовательно преобладаніе на выборахъ, оказалось бы на сторонѣ киргизовъ—элемента болѣе для насъ удобнаго. Ходатайство это было уважено и комиссія, не связанная болѣе буквой проекта положенія, повела дѣло быстро и рѣшительно. Въ смѣшанныхъ волостяхъ народу предоставлено было выбрать и казиевъ и биевъ; осѣдлые судились у казиевъ, кочевые у биевъ. Такимъ образомъ въ каждомъ кибитакѣ явился свой казій, въ каждомъ аулѣ свой бій; народу это было весьма удобно, ибо для суда не надобно было далеко ходить, розыскивая судей по всей волости, какъ это случилось бы въ томъ случаѣ, когда было бы выбрано на всю волость 4—8 судей, безъ опредѣленія границъ ихъ вѣдѣнія. При этомъ кто бойчѣе, тотъ и практики имѣлъ бы больше, прибралъ бы къ рукамъ всю судебную власть и сдѣлался бы болѣе вліятельнымъ, чѣмъ то намъ считалось нужнымъ.

Степная комиссія оставила такой порядокъ, какъ уступку мѣстнымъ обычаямъ, но при введеніи ея проекта въ практику пришлось измѣнить и этотъ пунктъ. Власть волостного, а также аульнаго старшины не имѣетъ корней въ прошломъ, не живетъ въ преданіяхъ народа, носить даже чужеземное имя. Волостной, какъ полицейскій, является агентомъ русской власти, тогда какъ бій, судья, есть хранитель преданія, старины, обычая и народности. Очевидно, на чьей сторонѣ должна была быть симпатія. Для дѣла, конечно, лучше, если власть, вытекающая изъ русскихъ началъ, будетъ, силою вещей, расти и прививаться, а власть, оставленная въ видѣ уступки, умаляться и падать. При выборахъ не волостью, а ауломъ, выбираются не первые люди, извѣстные всему народу, а второстепенные, слава которыхъ не идетъ дальше аула. Такіе люди, конечно, не соперники волостному.

Самая должность казія и бія потеряла отчасти свою заманчивость, и потому ни одинъ святой не добивался чести быть казіемъ, ни одинъ родоначальникъ не лѣзъ въ бія, а то и другое было какъ нельзя болѣе встать: въ эти должности попало много неграмотныхъ, которые—по совершенному незнакомству съ шаріатомъ—поневолѣ должны были судить только по обычаю и по совѣсти.

Киргизы такъ настойчиво проводили своихъ кандидатовъ въ ущербъ сартовскимъ, что даже въ хозяйственныхъ управленіяхъ они явились преобладающими. Неграмотность этихъ членовъ нѣсколько озабочивала комиссію, но опасенія оказались напрасными: киргизы весьма осторожно скрѣпляли документы своими печатами, а при сборѣ податей дѣйствовали *глазомъ промъ* не хуже грамотныхъ. Для завѣдыванія арыками учреждены въ каждой волости особые арыкъ-аксакалы, вознагражденіе которымъ составлялъ прежде такъ-называемый *кепсень*, т. е. отсыпка хлѣба 2 — 3 *чарика* (чарикъ — большая чашка), съ батмана зерна или отъ 1 до 6 чариковъ съ танапа земли. Кепсень былъ отмѣненъ и вмѣсто него положено жалованье; *мирабы* или *туаты* получали вознагражденіе отъ арыкъ-аксакаловъ, какъ ихъ помощники. Замѣчательно, что на жалованье своимъ избраннымъ народъ оказался весьма скупымъ и ни за что не хотѣлъ увеличить его. Казіямъ и біямъ предоставлено было довольствоваться только кази-лыкомъ и біи-лыкомъ—извѣстнымъ сборомъ съ тяжущихся.

Самый порядокъ выборовъ происходилъ такимъ образомъ: въ каждомъ аулѣ и кишлакѣ отъ каждыхъ 10 кибитокъ или 10 домовъ выставлялось по одному депутату; представители эти выбирали аульнаго старшину и, сверхъ того, производили раскладку податей, наложенныхъ на ихъ аулы депутатами отъ 50-ти кибитокъ. Эти послѣдніе, кромѣ раскладки между аулами и кишлаками податей, причитающихся съ ихъ волости, назначались еще для избранія волостного управителя. Такъ какъ выборъ народа нерѣдко подчинялся вліянію интриги и поэтому падалъ иногда на людей, не сочувствовавшихъ нововведеніямъ, то комиссія предпочитала отступить отъ правила невмѣшательства и указывала народу на соответствующее лицо, то-есть выставляла официальнаго кандидата. Такое отступленіе отъ правилъ оправдывалось опасеніемъ подвергнуть риску великое дѣло организаціи при несоответствующемъ выборѣ исполнителей. Уѣздъ раздѣленъ былъ на 28 волостей, сгруппированныхъ въ три хозяйственныхъ управленія, названныхъ по главнымъ системамъ арыковъ: ангреновскимъ, кара-суйскимъ и чирчикскимъ. Выборы, произведенные въ первый разъ подъ вліяніемъ

комиссіи, были въ болѣе части случаевъ удачны. Если нѣкоторые и не оправдали довѣрія, то это не могло особенно повредить дѣлу, такъ какъ утайка или растрата части собранныхъ податей всегда открывалась своевременно и недостающая сумма пополнялась родственниками виновнаго или даже его избираемыми.

Опытъ перваго же года убѣдилъ, что арыкъ-аксакалы не нужны. Они свалили всю тяжесть заботъ и наблюденія за арыками на мирабовъ, а сами только даромъ получали жалованье. На этомъ основаніи въ 1869 году должность арыкъ-аксакаловъ была упразднена, что дало сбереженія въ 18.000 р. ежегодно. Дѣятельность волостныхъ управителей аульных и кишлачныхъ старшинъ, будучи направляема одною властію уѣзнаго начальника, совершенно гармонировала съ правительственными дѣлами. Поддержаніе порядка и благочинія во ввѣренныхъ ихъ управленію районахъ, а также сборъ податей составляли единственную заботу низшихъ административныхъ органовъ. Въ помощь къ нимъ, по сбору податей, командировались обыкновенно члены хозяйственныхъ управленій, какъ лица вполне подготовленные къ нашей системѣ отчетности и счетоводства. Впослѣдствіи (въ 1870 г.) уѣзною администраціе принято было за правило, посылать въ волости во время сборовъ податей членовъ *чужого* хозяйственнаго управленія для контроля. Члены чирчикской думы посылались, напримѣръ, въ волости ангреновской думы, и наоборотъ. Этимъ дѣйствительно достигалась предполагаемая цѣль: подати вносились безнедоимочно, раскладка производилась правильно и самая сумма податей увеличивалась съ 81.980 р. на 244,172 р.

До введенія реформъ русская власть не опредѣляла заранее количества податей и довольствовалась тѣмъ, что дадутъ сборщики. Въ этомъ виновата была сама система сборовъ *въ процентномъ содержаніи съ урожая*¹⁾. Урожай такая неувловимая величина, что усчитать сборщика никакъ невозможно. Для этого пришлось бы, во-первыхъ, вычислить площадь запашки каждаго землевладѣльца — дѣло не легкое, а въ особенности когда весь уѣздъ надо вымѣрять въ какіе-нибудь два мѣсяца, въ пору сборовъ. Во-вторыхъ, пришлось бы опредѣлить: сколько можетъ быть собрано хлѣба съ каждаго участка? Понятно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ широко примѣнялся *глазомъ промъ* и, конечно,

¹⁾ *Хераджъ*—десятое зерно: съ зерновыхъ продуктовъ, *таманъ*—десятая часть съ того, что зернами не ссыщается, какъ арбузы, виноградъ, хлопчатъ и т. п.

къ выгодѣ плательщика, а слѣдовательно, и сборщика. Такъ *лазомрно* собирались подати и во всемъ краѣ. Списки плательщиковъ и количество ихъ взносовъ писались на длинной—иногда въ нѣсколько сажень—хартіи изъ приклеенныхъ одинъ къ другому листовъ лощеной бумаги. Хартіи эти, писанныя по-сартовски, пугали русскихъ чиновниковъ размѣрами и письменами. Переводить ихъ не было никакой физической возможности, по неимѣнію достаточнаго числа переводчиковъ, и потому повѣрялись только итоги, затѣмъ деньги сдавались въ казну, а хартіи свертывались въ трубки и укладывались на полки архивовъ. Впослѣдствіи хартіи передавались въ областное правленіе и въ контрольную палату, гдѣ, конечно, имъ придется также лежать на полкахъ. Говорятъ даже, что иные изъ прежнихъ «завѣдывающихъ туземнымъ населеніемъ», преспокойно вырѣзывали ножницами нѣсколько среднихъ листовъ съ ихъ итогами, а концы хартіи, гдѣ были приложены печати сборщиковъ, склеивали снова. Эта операція давала возможность схоронить: деньги въ карманъ, а концы въ воду.

Какая бы причина тутъ ни дѣйствовала: злоупотребленія ли русскихъ чиновниковъ, плутовство ли туземныхъ сборщиковъ — фактъ остается въ своей силѣ и ни для кого не тайна, что доходы края возрасли чуть не вчетверо тотчасъ послѣ введенія реформы.

По всему округу доходъ въ 1868 году доходилъ до	1.006,657 р.
а въ 1870 „ былъ уже	1.958,880 „
Болѣе на	952,223 р.

Къ сожалѣнію, цифра дохода по всему округу за 1867 годъ, предшествовавшій реформѣ, мнѣ не извѣстна въ точности, и потому я остерегаюсь привести ее; но уже по одной цифрѣ дохода Кураминскаго уѣзда читатель можетъ видѣть, кака я произошла разница. Сыръ-дарьинская обл. дала 1.652,862 р. 67 к., Семирѣченская 306,017 р. 53³/₄ к. Изъ всей суммы доходовъ Сыръ-дарьинской области русское населеніе въ 21,549 чел. внесло 182,838 р. 93 к. (пошлинами за право торговли, акцизами съ питей и т. п.). На каждаго приходится 8 р. 44 к. Туземцы, въ числѣ 931,660 душъ, внесли 1.470,023 р. 74 к. или по 1 р. 57³/₄ к. съ души.

Простое сравненіе относительнаго числа преступленій, совершаемыхъ средне-азиатцами и жителями Европейской Россіи, говорить уже въ пользу нашихъ новыхъ подданныхъ. Если же принять въ соображеніе низкую степень гражданскаго развитія какого-нибудь полудикаго биргиза, у котораго понятія о правѣ

собственности основываются до сихъ поръ на правѣ силы (что отбарантоваль, то и его), у котораго даже личность гарантируется только собственными средствами (око за око, зубъ за зубъ), а кровь оплачивается куномъ — штрафомъ, то слѣдуетъ удивляться относительному благодушію туземцевъ. Вошедшій въ характеръ народа, въ плоть и кровь его, законъ возмездія, тысячекратній гнетъ полнаго произвола деспотической власти, отсутствіе общедоступныхъ и общепонятныхъ законовъ — все это сравнительно еще слабо повліяло на народную нравственность.

Если отсутствіе писаннаго и чисто мѣстнаго, по духу и по языку, закона сдѣлало коранъ единственнымъ кодексомъ, а законотвореніе — достояніемъ и орудіемъ меньшинства, за то арабскій языкъ корана и его чужеземныя тенденціи сдѣлали этотъ кодексъ не популярнымъ, а мулла и казіевъ, практиковавшихъ въ качествѣ судей и духовенства, — людьми сомнительными въ глазахъ народа, лишенаго средствъ провѣрить изреченія своихъ оракуловъ, нерѣдко вѣщавшихъ въ разногласіи.

Относительное понятіе о справедливости развилось и окрѣпло въ народѣ отчасти и на основаніи корана, но единственно благодаря гласности суда казіевъ и биевъ. Дѣйствовалъ ли на судѣ шариатъ или адатъ, т. е. мусульманское ли право, народный ли обычай, но какъ скоро отправленіе правосудія происходитъ гласно, то присутствующіе мало-по-малу знакомятся съ дѣйствующимъ правомъ. Воспитательное значеніе гласнаго суда признано всѣми, и потому никто, конечно, не станетъ отвергать вліянія его на нравственность средне-азиатцевъ. Если и встрѣчались иногда между представителями правосудія люди недобросовѣстные, то они могли только подорвать довѣріе къ самимъ себѣ; усвоенное же народомъ понятіе о справедливости и законности оставалось непоколебимымъ. Введенное нами «Положеніе» не тронуло народнаго судопроизводства, но еще развило его учрежденіемъ новаго органа — уѣзднаго судьи, руководствующагося во всемъ положеніями о мировомъ судѣ. Сходство этихъ положеній съ судомъ биевъ повело къ тому, что уѣздный судья явился не новостью какою-нибудь, а знакомымъ лицомъ, только съ новою рѣчью и съ новыми законами, болѣе мягкими и справедливыми.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, практиковавшихся здѣсь самымъ щедрымъ образомъ — отъ палокъ до отсѣченія руки — а также отмѣна смертной казни — нисколько не разнуздало, при выкипѣ къ виду крови, народа. Опасенія въ этомъ смыслѣ разныхъ казіевъ, а съ ихъ голоса и нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей — оказались напрасными. Число преступленій, по сознанию

тѣхъ же казіевъ, даже уменьшилось противъ коканскаго времени, и уменьшилось не на малую долю, а чуть не вчетверо! Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, новое пока для народа, наше «русское право» переработаетъ его первобытныя понятія и закрѣпитъ еще сильнѣе ту связь, какая уже существуетъ между Россіей и ея новыми средне-азиатскими владѣніями.

Быстрое движеніе русскихъ въ глубь Азии породило множество самыхъ нелѣпыхъ слуховъ въ средѣ народа. Муллы, казіи и ханскіе чиновники, терявшіе подъ собою почву съ нашимъ приходомъ, были самыми усердными сочинителями этихъ нелѣпостей. Прежде всего разнеслась вѣсть о насильственномъ обращеніи мусульманъ въ христіанство, но сдержанность нашего военного духовенства и незнаніе имъ мѣстныхъ нарѣчій скоро успокоили религиозный страхъ побѣжденных. Былъ примѣръ, что какой-то сартъ самъ обращался къ благочинному церковей Сырдарьинской области, о. Малову, съ просьбой о принятіи его въ христіанство, но ему было отказано на томъ основаніи, что онъ не знаетъ языка и потому не можетъ узнать догматовъ нашей религіи. Другой слухъ—о намѣреніи нашемъ брать рекрутъ—также распался съ теченіемъ времени. Туземцы даже стали сознавать свою негодность къ военной службѣ, по сравненію себя съ нашими солдатами... Слухъ объ усиленной дани разлетѣлся первымъ, такъ какъ г. Черняевъ и началъ именно съ объявленія льготы отъ податей на одинъ годъ, и затѣмъ, вмѣсто $\frac{1}{5}$ и даже $\frac{1}{3}$ части съ урожая, мы стали взимать только $\frac{1}{10}$. Осталось только одно убѣжденіе, которое держится весьма упорно: это—о намѣреніи нашемъ отнять у инглизовъ (англичанъ) Индію. Мягкое обращеніе русскихъ съ туземцами, ожидавшими совсѣмъ другого отъ побѣдителей—понежному примиряетъ народъ съ волею судьбы. Мусульманскій фанатизмъ не имѣетъ пици и уступаетъ мѣсто фатализму—покорности предопредѣленію. Если нѣкоторые изъ русскихъ склонны были видѣть въ фактѣ разрытія нашихъ могилъ и поруганія мертвыхъ—признакъ религиознаго фанатизма, то они ошибались самымъ положительнымъ образомъ. Это была просто спекуляція: отрѣзавъ голову у только что схороненнаго покойника, а если это былъ офицеръ или чиновникъ, то, захвативъ и его эполеты или погоны, — хищникъ спѣшилъ съ добычей въ какое-нибудь изъ сосѣднихъ ханствъ, гдѣ и выдавалъ эту добычу за трофей, взятый имъ въ честномъ бою... Халать, нѣсколько золотыхъ тиллей и славы батыря—богатыря—были обыкновенною наградою предприимчиваго вора. Такъ какъ голова женщины не могла доставить столько же славы,

какъ мужская, то, конечно, могилы женщинъ разрывались только по ошибкѣ или незнанію и, значить, весьма рѣдко. Со времени принятія нами азиатскаго способа устройства могилъ (кромѣ обыкновенной ямы еще боковая ниша, куда и вдвигается гробъ), открывать гробъ одному человѣку оказывается неудобнымъ, потому что прежде всего гробъ надобно выдвинуть изъ ниши, и потому нападенія на покойниковъ прекратились.

Между разными порочными склонностями туземцевъ заслуживаютъ упоминанія, по ихъ развитію,—подлоги документовъ, конокрадство, противоестественные пороки и пьянство.

Страсть къ подлогамъ, можетъ быть, нигдѣ не развита въ такой степени, какъ здѣсь,—причина весьма простая: документы здѣсь не подписываются, а скрѣпляются только печатью, печать же, конечно, поддѣлать не трудно. Рѣзчики берутъ за печать, вмѣстѣ съ серебромъ, до трехъ рублей, и заказчикъ чужой печати лѣпитъ документы сотнями, почти не рискуя быть уличеннымъ. Наша подпись, допускающая росчерки иногда весьма характерные, конечно, не болѣе гарантируетъ отъ подлога, чѣмъ и печать, потому что всегда найдутся искусники, которымъ нипочѣмъ подписаться подъ любую руку. Азиатскіе почерки не допускаютъ росчерковъ, и потому единственнымъ знакомъ принадлежности документа или письма тому или другому автору—служить его именная печать. Понятно, какъ берегутъ эту печать: ее носятъ тщательно завязанною въ поясѣ, какъ амулетъ; самый процессъ прикладыванія ея отличается торжественностію, точно совершается таинство; никогда туземецъ не отдастъ свою печать другому, развѣ ужъ довѣряетъ ему какъ самому себѣ. Такимъ образомъ, добыть чужую печать весьма трудно, рѣзчики есть не вездѣ, но это не останавливаетъ ловкаго мошенника. Во время моей административной практики мнѣ не разъ удавалось уличать такихъ плутовъ, противъ которыхъ были бессильны и свидѣтели, и очистительная присяга.

Однажды на волостного управителя, честнаго и прямодушнаго киргиза, предъявлено было нѣсколько росписокъ на довольно круглую сумму, въ нѣсколько сотъ тиллей (тилля стоитъ 3 руб. 80 к.). Росписки были написаны весьма мелко на небольшихъ четырехъугольныхъ кусочкахъ бумаги. Нѣкоторые кусочки были такъ малы, что на нихъ едва помѣщалась печать, при чемъ самый текстъ былъ написанъ на другой сторонѣ. Другія росписки писались подъ печатью. Волостной утверждалъ, что онъ никогда не занималъ денегъ у истца, что истецъ бѣднякъ и самъ живетъ изъ милости у отвѣтника, какъ дальній родственникъ; что

на роспискахъ печати дѣйствительно его, но истецъ вѣроятно какъ-нибудь укралъ печать во время сна отвѣтчика. Выставленный волостнымъ свидѣтель или поручитель присягнулъ за правдивость всего показаннаго волостнымъ ¹⁾ Разспросы о личности истца дали въ результатѣ, что онъ прежде былъ серкеромъ—сборщикомъ податей, но подчистилъ въ шнуровой книгѣ и взыскалъ съ какого-то землевладѣльца вторично, за что и смѣненъ. Затѣмъ нѣсколько изъ присутствовавшихъ (разбирательство производилось гласное) заявили, что истецъ уже взыскивалъ долги съ нѣкоторыхъ старшинъ и волостныхъ, представляя росписки, выданныя ими будто бы за время исправленія имъ должности серкера, когда онъ не разъ вносилъ за нихъ въ казну свои собственные деньги. Одинъ изъ потерпѣвшихъ былъ на лицо и сказалъ, что хотя онъ и не призналъ дѣйствительности долга, но такъ какъ на роспискѣ была его печать, то кази приговорилъ заплатить. О другомъ потерпѣвшемъ сказали, что онъ и не допустилъ до разбирательства, а самъ уговорилъ и усовѣстилъ истца, который и согласился на отступное въ нѣсколько тиллей.

Я уже не сомнѣвался. Оставалось только уяснить себѣ способъ подлога, доказать его очевидность присутствующимъ и довести мошенника до сознанія. Самый видъ росписокъ навелъ меня на мысль, что истецъ просто досталъ какое-нибудь письмо отвѣтчика, вырѣзалъ кусочекъ, гдѣ приложена печать и на обратной сторонѣ написалъ росписку. Такъ какъ печати прикладываются болѣею частью у самаго текста, иногда даже закрываютъ нѣсколько послѣднихъ буквъ, то понятно, что не всякую печать можно отрѣзать, а если можно, то придется довольствоваться самымъ небольшимъ кусочкомъ бумаги. Что печати не были приложены нарочно для росписки, а вырѣзаны изъ старыхъ писемъ—доказывалось и тѣмъ, что почти у каждой гдѣ-нибудь на краѣ бумаги видны были слѣды складки. Мирза — писарь уѣзднаго управленія—какъ экспертъ, объяснилъ по моему спросу, что печать всегда прикладывается *внизу* текста, а еслибы мѣста не достало, то и на оборотѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы нижній уголъ лицевой стороны былъ загнутъ назадъ и печать такимъ образомъ оттискивается частью на этомъ треугольникѣ, а частью на обратной сторонѣ, при чемъ верхъ печати долженъ придти на треугольникѣ. Выходитъ, что печать какъ-бы при-

¹⁾ По здѣшнему обычаю, присягаютъ не сами тяжущіеся, а выставленные ими поручители. Между киргизами, плохими мусульманами, присяга не пользуется уваженіемъ.

ложена на лицевой сторонѣ и по недостатку мѣста перенесена на обратную.

Итакъ, подлогъ былъ ясенъ. Я громко объявилъ свое мнѣніе, взялъ со стола только-что полученное донесеніе одного изъ старшинъ, вырѣзалъ кусочекъ бумаги, гдѣ была приложена его печать, и велѣлъ мирзѣ написать росписку на имя истца въ 1000 тиллей.

— Возьми, — сказалъ я ему, подавая новую росписку. Эта съ твоими—какъ капли росы похожи.

Надобно было видѣть удовольствіе присутствующихъ. Хохотъ и насмѣшки надъ уличеннымъ плутомъ огласили залу нашего мехкеме (дума). Уличенный повинился, — а торжествующій волостной самъ же взялъ его на поруки.

Другой разъ мнѣ представили постановленіе какого-то казія, покрытое печатями и каракулями неграмотныхъ и «безъ-печатныхъ» свидѣтелей. Отвѣтчикъ отвергалъ законность документа на томъ основаніи, что имена свидѣтелей выставлены зря, что ихъ на самомъ дѣлѣ на лицо не имѣется, и т. п. Пришлось вызвать въ уѣздное управленіе всѣхъ поименованныхъ свидѣтелей. Истецъ и казіи выставили новыхъ, доказывавшихъ, что прежніе дѣйствительно были на лицо въ деревнѣ во время разбирательства. Дѣло запутывалось. Къ счастью, доказано было, что одинъ изъ свидѣтелей былъ поденщикомъ при постройкѣ дома въ Ташкентѣ именно въ то самое время, когда въ другомъ мѣстѣ за него рисовали каракулю! Казій сознался «въ ошибку»...

Но и лжесвидѣтельства не рѣдкость. Народъ относится къ этому весьма безразлично: лжесвидѣтель «работаетъ» за коканъ, за два—что дѣлать, когда ему нечего ѣсть! Если его уличатъ, онъ соплется именно на свою бѣдность. Свидѣтельствовать что бы то ни было и во что бы то ни стало — его ремесло. Во время организационныхъ работъ сами депутаты, избранники народа (представители 10 и 50 кибитокъ), дѣлали безпрестанные подлоги, то скрывая цѣлѣ аулы, забиравшіеся въ какую-нибудь трущобу, то внося въ списки юртовладѣльцевъ имена людей давно умершихъ или только-что родившихся, боясь, что по спискамъ будутъ брать въ солдаты. Нечего и говорить, что возможности покривить душою представляется обширное поприще при сборахъ податей. Перейдемъ къ конокрадству.

Вездѣ, гдѣ есть лошадь, тамъ есть и конокрадъ. Но здѣшній конокрадъ только дерзокъ—онъ воруетъ, такъ сказать, откровенно, безъ хитростей. Единственное его средство для скрытія украденной лошади — это угнать ее подалѣе. Перекраска, передѣлка,

подпиливаніе зубовъ и прочія искусства находятся еще въ младенческомъ состояніи и ограничиваются подстриганіемъ гривы и хвоста. Обыкновенно хозяинъ самъ начинаетъ розыски, а привычка къ путешествіямъ верхомъ и обширныя знакомства, сдѣланныя во время перекочевокъ, значительно облегчаютъ и ускоряютъ розыски. Вотъ почему значительная доля украденныхъ лошадей отыскивается хозяиномъ рано или поздно.

Конокрадство создало здѣсь особый типъ искателей конокрадовъ — «суинчи» и особыя правила ихъ вознагражденія: за первый слухъ о пропавшей лошади, за поимку вора, за найденную лошадь и т. д. Правила эти обязательны, такъ что незаплатившій суинчи его гонорара принуждается къ этому судомъ казія или бія. Сообщившему первое извѣстіе о пропавшей лошади *кулакъ-суинчи* (кулакъ — ухо) дается обыкновенно халатъ и деньги, смотря по цѣнности лошади и средствамъ потерпѣвшаго. Поймавшій вора имѣетъ право на *сасыгытз*, т.-е. отобрать у него одежду, которая составляетъ какъ-бы трофей побѣдителя. Вору оставляется только необходимѣйшее... За то поимщикъ обязанъ представить вора ближайшей власти, а если воръ убѣжитъ, то сасыгытз отбирается и доказчикъ самъ отвѣчаетъ, какъ воръ. Кто розыщетъ и приведетъ къ хозяину украденнаго у него коня, тотъ получаетъ, конечно, большее вознагражденіе, которое достигаетъ почтенной цифры, если дѣло идетъ о цѣломъ табунѣ, угнанномъ барантачами.

Воръ, конечно, увѣряетъ, что купилъ коня на такомъ-то базарѣ (подальше гдѣ-нибудь) или вымѣнялъ у неизвѣстнаго проѣзжаго. Уликъ обыкновенно нѣтъ никакихъ, очевидно только необыкновенное сходство лошади съ украденною. Для народнаго суда улики и не нужно: если только составилось убѣжденіе въ виновности пойманнаго, его принуждаютъ возвратить лошадь и вознаградить хозяина за издержки по розыскамъ; чаще всего вору приходится внести *майнута-кусакз*, штрафъ въ видѣ двухъ лошадей, привязанныхъ къ гривѣ и хвосту украденной, затѣмъ вора отпускаютъ на свободу. Дѣло въ томъ, что народъ смотритъ на конокрадство гораздо снисходительнѣе, чѣмъ на простое воровство, а бѣги получаютъ даже *умджу*, т.-е. свою часть съ каждой добычи. Баранта — охота за чужимъ скотомъ — считается удаляю, молодецествомъ, и этотъ взглядъ сталъ измѣняться только подъ вліяніемъ русской администраціи, объявившей войну этому священному обычаю и давностию грабежу. Какъ бы ни было, но общественная совѣсть относится къ конокрадству пока довольно мягко. Дѣла эти зачастую оканчиваются миромъ и потому не вос-

ходятъ дальше суда бѣвъ; но крупныя воровства и баранты теперь уже не встрѣчаются.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ способѣ сдѣлать всякіе розыски покражи невозможными — способъ весьма простъ: можно *сгнать* украденную лошадь, хотя кража и рѣдко дѣлается для этой цѣли. Дѣло въ томъ, что лошадь-перевозочный аппаратъ всегда дороже лошади-дичи. Повятно, что изморенная кляча, едва волочащая ноги, перестаетъ быть перевозочнымъ аппаратомъ и становится *кониною*... Туземцы, въ особенности киргизы, не брезгаютъ даже и палою лошадыю, но все-таки предпочитаютъ прирѣзать издыхающее животное раньше послѣдняго вздоха.

Не въ рабочую пору улицы базаровъ кишатъ праздношатающимися — это фланеры, дѣлающіе «тамашу» — развлеченіе. Ученія нашихъ войскъ, церковная служба, базарный день — все это привлекаетъ цѣлыя толпы народа. Въ первое время къ окнамъ невысокихъ русскихъ домовъ то-и-дѣло прилипали любопытные, чаще взрослые, чѣмъ дѣти. Бывало ничѣмъ нельзя было отогнать безцеремоннаго наблюдателя нашей домашней жизни! Незнакомые предметы, новые люди, «которыхъ такъ любить Богъ» и которые принесли съ собою снѣгъ и морозы, все это, конечно, заслуживало вниманія и изученія. Насъ изучили однако же очень скоро: оказалось, что мы народъ нехитрый, простой, гостеприимный, не брезгающій ни сартомъ, ни жидомъ, ни индійцемъ. Разные «*тамыры*» (знакомые), подъ предлогомъ какихъ-нибудь услугъ, а не то съ канаусомъ и вышитыми шелкомъ кожаными чамбарами — (штаны) залѣзали къ намъ въ залы, кабинеты и спальни...

Какъ древній аэинянинъ — здѣшній горожанинъ готовъ толкаться на площади цѣлый день, охотно слушая подъ открытымъ небомъ поученія какого-нибудь туземнаго Сократа, или повѣствованія о временахъ давноинувшихъ какого-нибудь туземнаго Фукидида. Базаръ для туземца — кладъ, чай-ханэ, — особенно съ балагуромъ и балалайкой, — суцій рай! Страсть къ зрѣлищамъ, бездѣлье и отсутствіе развлеченій сдѣлали увеселительнымъ мѣстомъ «чайную». Пѣсни, пляски и фокусы — вотъ незатѣйливая программа порядочной чайной. Пловъ съ морковью и изюмомъ, пельмени вареные на пару ¹⁾, сушеный урюкъ и персики, каленныя фисташки, кишмишъ, джиза (сартовскіе финики, какъ на-

¹⁾ Надъ котломъ съ кипящею водою ставятся одно надъ другимъ нѣсколько рѣдкихъ ситъ, въ которыхъ укладываются пельмени; сверху всего опрокидывается сито съ сложеннымъ кожанымъ дномъ.

зываютъ русскіе этотъ терпкій сладковатый плодъ), вяленая дыня, наръзанная ломтиками, сплетенными въ палку, гранаты, миндаль и прочія сласти манятъ гастронома и лакомку. А тутъ еще «бача»...

Женщина изгнана суровымъ закономъ изъ общества; нѣтъ ей мѣста въ средѣ мужчинъ. Безобразный синій халатъ, накинутый на голову съ длинными, спитыми вмѣстѣ и болтающимися сзади, рукавами, черная непроницаемая волосная сѣтка, покрывающая лицо—все это придаетъ туземной женщинѣ видъ огороднаго пугала... Молчаливая, какъ мумія, она жметъ къ стѣнѣ отъ каждаго проѣзжаго; а пестряя и нарядныя толпы мужчинъ, разодѣтыхъ въ яркіе, съ большими цвѣтами и птицами, ситцевые халаты, а не то въ адрасъ (полупелюковая муарѣ) и канаусъ—весело балагурятъ съ красивыми и безстыдными мальчишками...

Взгляните на этого тучнаго сарта, съ лоснящеюся физиономіей и огромнымъ бѣлымъ тюрбаномъ изъ англійской кисеи. На немъ сегодня только три халата, — значить въ тѣни не очень жарко: градусовъ двадцать ¹⁾ — самый парадный верхній съ роскошнымъ букетомъ на спинѣ, съ букетомъ на лѣвомъ рукавѣ, очевидно, спитъ только вчера изъ ситца для обоевъ. Шуршитъ и шумитъ накрахмаленная матерія, доволенъ и веселъ щеголь, съ завистью косятся розовые и зеленые халаты на диковинные цвѣты туземнаго франта, безпрестанно отворачивающаго полы, подшитыя узорчатымъ адрасомъ. Нѣжно гладитъ онъ рученку мальчугана съ подрисованными бровями, лукавыми глазенками и желтыми, окрашенными *хемой*, ногтями. Поклонникъ и обожатель красоты и граціи не знаетъ какъ угодить плясуну бачѣ. — Бача одѣтъ въ женское платье. Длинные косы, сплетенныя изъ конскаго волоса, висятъ по плечамъ и спинѣ. Бусы и золоченыя русскія монеты украшаютъ его грудь... Никто не скажетъ, что это не дѣвушка — такъ красивъ и кокетливъ бача. Другой еще продолжаетъ танецъ, плавно выступая по ковру босыми ногами подъ тагъ нѣсколькихъ бубенъ и провзительный визгъ дудки. — Этотъ одѣтъ мужчиной, но движенія плечъ намекаютъ на что-то не-мужское... Бача есть, такъ сказать, законное слѣдствіе изгнанія женщины изъ общества. Есть особые мастера, воспитывающіе бачей, обучающіе ихъ танцамъ, граціи и самому циническому кокетству. Мастера эти являются со всѣмъ балетомъ, костюмами и музыкантами, по первому зову какаго-нибудь богача,

¹⁾ Зимой носятъ нѣкоторые и до восьми. — Холодно ли сегодня? — спросите вы. — Халатовъ на шесть.

устроивающаго *той* — балъ, по случаю ли семейнаго торжества, или по случаю посѣщенія его кѣмъ-нибудь изъ русскихъ «большихъ тюря».

Тѣлодвиженія мальчика, лукавые и вовсе недвусмысленные взгляды, граціозная поступь подъ звуки не всегда пристойной пѣсни, — все это, конечно, должно дѣйствовать на чувственнаго азіата. Роскошная одежда, добрый конь и толпа поклонниковъ въ свѣтъ еще издали выдаютъ бачу во время его прогулокъ. Въ лавкахъ онъ заставляеть покупать себѣ лакомства и бросаетъ ихъ народу, а не то распоряжается такимъ же образомъ и деньгами своихъ обожателей. Народъ восхваляетъ щедраго бачу и сыплетъ комплименты: «глаза твои — что звѣзды, поцѣлуй — словно жаркое дыханіе мекксккаго вѣтра»...

Почти у каждаго богача есть свой бача, бѣдняки же любители идутъ въ складчину и общими средствами содержатъ одного бачу, удовлетворяя такимъ образомъ эстетическимъ потребностямъ души. Говорятъ, что встрѣчаются бачи, держащіе своихъ поклонниковъ «на благородной дистанціи», и что такіе феномены являются обыкновенно въ бачахъ, принадлежащихъ цѣлой артели любителей.

Русскіе смотрятъ на все это весьма снисходительно, а нѣкоторымъ это даже нравится... Бороться съ такимъ ненормальнымъ явленіемъ, какъ «бачебазство» весьма трудно. Какъ уже сказано, это вытекаетъ естественнымъ образомъ изъ затворничества женщинъ. Кто не знаетъ, что бачебазство составляетъ обычное явленіе въ Турціи, Персіи и въ сосѣднихъ съ ними земляхъ. Греки, армяне, грузины заимствовали этотъ обычай какъ моду. Въ одну категорію съ Турціей и Персіей надо поставить и всю Среднюю Азію съ Хивой, Бухарой, Коканомъ, Кашгаромъ и русскимъ Туркестаномъ.

Кромѣ изгнанія женщинъ изъ общества, на развитіе бачебазства имѣетъ, конечно, вліяніе и отсутствіе театровъ, что при однообразіи азіатской жизни и страсти азіатца къ зрѣлищамъ, къ развлеченіямъ, къ *тамашъ*, заставляеть его искать ихъ въ чайныхъ, кофейныхъ, баняхъ и т. п. притонахъ.

Главная же причина все-таки отсутствіе женщинъ. Доказательствомъ служитъ то, что у кочевыхъ народовъ, какъ, напри- мѣръ, у киргизовъ, порокъ встрѣчается не какъ общее правило, а какъ исключеніе — единственно благодаря равноправности женщинъ, открытому лицу ихъ и простотѣ отношеній. Никакія мѣры не искоренятъ бачебазства до тѣхъ поръ, пока останутся

нетронутыми *причины* этого ненормальнаго явления. Строгія наказанія, существующія въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, безсильны противъ этого зла—даже и въ Россіи, можетъ быть, именно вслѣдствіе ихъ строгости, а въ Азіи законы эти просто непримѣнимы. Дѣль этой категоріи почти не возникаетъ.

Страсть къ одуряющимъ и опьяняющимъ веществамъ развита въ народѣ довольно сильно. Въ числѣ первыхъ—*опій*, англійской фабрикаціи (въ видѣ палочекъ, обернутыхъ бумагою), *наша* или, какъ у насъ называютъ, *гашшизъ*, изъ листьевъ и цвѣтовъ индійской конопли, употребляются какъ куренье. Маленькій шарикъ опія кладется на уголья *чилима*, самодѣльнаго кальяна изъ тыквы *каду*, и нѣсколько затяжекъ переносятъ «теріака»—любителя опія—въ неземныя пространства!

Изъ «наши» шарики дѣлаются съ примѣсью сала. Густой бѣлый дымъ, отрывающійся и сѣномъ, и горѣлымъ саломъ, и коноплею, быстро одуряетъ любителя, падающаго иногда почти безъ чувствъ на землю. Свѣжія или и сухія листья и верхушки мѣстной конопли даютъ матеріалъ для опьяняющаго напитка *бенгъ*. Листья эти стираютъ въ чашкѣ, прибавляютъ воды, тщательно перемѣшиваютъ эту смѣсь и выпиваютъ. Веселое состояніе духа, смотря по характеру любителя, переходитъ или въ сонъ, или въ буйство. Болѣе же всего распространена *буза*, приготовляемая изъ проса. Такъ какъ съ бузой познакомились и наши солдаты, и такъ какъ на нихъ, по наблюденіямъ врачей, она дѣйствовала, вслѣдствіе какихъ-то примѣсей, одуряющимъ образомъ, то употребленіе ея и даже фабрикація были запрещены еще въ 1869 году. Теперь нѣкоторые любители сильныхъ ощущеній изъ спившихся съ кругу безсрочныхъ прибѣгаютъ и къ опію, и къ наша... Бывали примѣры, что одурѣвшаго солдата сарты обривали, одѣвали въ халатъ и чалму, и увозили связаннымъ въ Бухару. Весьма распространено также употребленіе *кукнара*, приготовляемаго изъ обмолоченныхъ уже головокъ мака. Ихъ растираютъ съ водой и выжимаютъ сквозь тряпку.

Слѣдовало бы лучше разрѣшить бузу, которая все равно производится по ауламъ, чѣмъ запретомъ ея наталкивать народъ на болѣе вредныя, одуряющія вещества. Намъ кажется, что если вредна не самая буза, а вредныя примѣси къ ней, то слѣдовало бы только запретить эти примѣси. Наши солдаты чаще опиваются водкой, чѣмъ бузой, а между тѣмъ водку запрещать никто и не думаетъ. Въ пользу отмены запрещенія говорить и то, что поддерживать это запрещеніе рѣшительно невозможно, такъ какъ бузовареніе доступно каждому отдѣльному лицу и не требуетъ ни особен-

ныхъ помѣщеній, ни машинъ, ни большихъ денежныхъ затратъ. Кромѣ того, лица, на которыхъ возложена обязанность полицейскаго надзора, аульные старшины у киргизовъ и кишлачные аксакалы у сартовъ, нерѣдко сами варятъ запрещенный напитокъ.

Теперь вмѣсто бузы туземцы начинаютъ пить водку, считая, что запрещеніе корана не распространяется на этотъ напитокъ; а если ужъ и водку подвести подъ понятіе о *шарапъ*,—о винѣ,—то въ ея пользу все-таки можно сдѣлать исключеніе, такъ такъ она въ тоже время и *дару*—лекарство.

Что водка есть лекарство, туземцы видятъ каждый день на примѣрѣ своихъ русскихъ знакомцевъ, лечащихъ всѣ болѣзни этимъ специфическимъ средствомъ. Стручковый перецъ, мята, полынь, хина—все это служитъ матеріаломъ для настоекъ и лечитъ ту или другую болѣзнь.

Сарты предпочитаютъ, впрочемъ, совершенно чистую водку. Нѣкоторымъ изъ нихъ даже кажется, что мы запретили бузу именно съ цѣлю покровительствовать водкѣ... Винокуренныхъ заводовъ, добывающихъ спиртъ и водку исключительно изъ винограда, развелось въ Ташкентѣ не малое количество (Федорова, Жемчужникова, Первушина, Кузнецова и еще кого-то). Ясно, что эти заводы не могли бы и существовать безъ поддержки туземцевъ, такъ какъ русскихъ потребителей немного.

Въ видахъ предупрежденія развитія пьянства въ Кураминскомъ уѣздѣ было принято за правило: не разрѣшать никому открывать питейныхъ заведеній въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ русскаго населенія. Поэтому, до сихъ поръ на весь уѣздъ имѣется только 20 кабаковъ (въ 1871 г.), находящихся преимущественно въ Чиназѣ. Мысль, руководившая въ этомъ случаѣ уѣздною администрацію, была та, что у туземцевъ слишкомъ достаточно и своихъ пороковъ; чтобы имъ прививать еще наши. Наконецъ, гораздо лучше и спокойнѣе имѣть меньше кабаковъ, чѣмъ больше тюремъ!

Слѣдуетъ упомянуть наконецъ о страсти ко всевозможнымъ азартнымъ играмъ: орлянка, карты, чѣтъ и нечѣтъ камешками,—все это способствуетъ передвиженію капиталовъ, затѣмъ одежды, домашняго скарба, а наконецъ и домочадцевъ отъ одного игрока къ другому... Жена, сестра, дочь, сынъ—все идетъ на ставку! Игроки до того пристращаются къ игрѣ, что иногда можно встрѣтить играющаго съ самимъ собою: то кидаетъ монету и торопится заглянуть—орель или рѣшетка?—то перебрасываетъ камешки изъ одной руки въ другую и быстро считаетъ: чѣтъ или нечѣтъ? Въ 1870 году я видѣлъ въ Самаркандѣ такого субъекта подъ судомъ по обвиненію въ разбоѣ: онъ до того былъ углуб-

лень въ свою игру, что на вопросы судей отвѣчалъ не впопадъ, совершенно равнодушно относясь къ своей участи. Это насъ всѣхъ весьма поражало ¹⁾. Кромѣ игры, существуютъ и еще азартные способы приобрѣтать деньги, это—пари. Скачка, борьба двухъ силачей, бой пѣтуховъ, перепеловъ и куропадокъ, нарочно для того выдерживаемыхъ въ теченіи зимы (весною, въ пору спариванія, ихъ стравливаютъ)—все это служитъ поводомъ къ пари.

Убийствъ было совершено:	въ 1868 году	4	
»	»	» 1869 »	8
»	»	» 1870 »	5

Изъ числа совершенныхъ въ 1869 году—два падаютъ на долю русскихъ, и именно казаковъ.

Убийство у киргизовъ оплачивается куномъ, размѣръ котораго не опредѣленъ обычаемъ съ такою строгостію, чтобы можно было прямо сказать: сколько въ данномъ случаѣ виновный долженъ будетъ заплатить. Обыкновенно богачъ платитъ за убійство дороже бѣдняка. Такъ, въ 1869 году одинъ виновный былъ приговоренъ бѣдами къ уплатѣ 90 тиллей—сколо 360 р., а другой убійца заплатилъ 193 тилли, то-есть 772 р., да еще 3 халата и 1 лошадь. Оно и резонно: иначе какой-нибудь богачъ могъ бы сдѣлаться просто бичомъ сосѣдей, такъ какъ для него легкой денежный штрафъ ничего бы не стоилъ. Правда, на такого человѣка найдется еще одна узда: обычай кровомщенія. Опасеніе за собственную жизнь служитъ довольно сильнымъ аргументомъ, сдерживающимъ самоуправство дикаго сына степей.

Кое-гдѣ въ степи установилась для куна такая норма: за мужчину убійца долженъ отдать наследникамъ 100 коней и 6 слѣдующихъ *джаксы* ²⁾: 1) одинъ невольникъ или невольница; 2) *кара-наръ*—черный одnogорбый верблюдъ (нары сильнѣе двугорбыхъ туюя); 3) *кара-чулакъ-атъ*—вороная, славная въ народѣ лошадь; 4) *акъ-суатъ*—бѣлая кольчуга; 5) *тзумултукъ*—вѣрное ружье, и 6) *калымъ-гленъ*—толстый мохнатый коверъ.

За женщину платится половина: 50 лошадей и 3 джаксы: *кара-наръ*, *кара-чулакъ-атъ* и *калымъ-гленъ*, то-есть—верблюдъ, во-

¹⁾ Въ статьѣ А. Д. Гребенкина, „Таджики“ (Русскій Туркестанъ, выпускъ второй) упомянуть, какъ видно, тотъ же случай.

²⁾ Собственно *джаксы* значить *хорошій*: слово татарское, испорченное киргизскимъ произношеніемъ, которое передѣлываетъ мягкое *ч* въ *дже*, *ш* въ *с*, *а* въ *б* и *н* и т. д. *Йолъ*—дорога, будетъ *джолъ*; *йилъ*—годъ, *джилъ*; *баилъ*—гвоздь, *басъ*; *кафиль*—свидѣтель, *кяпиль*; *акши*—хорошій, *джаксы* и т. д.

роная лошадь и коверъ. Очевидно, что такая норма, гдѣ играютъ роль ружья, кольчуги и прочее, не самая древняя. Счетъ баранами—конечно древнѣе. За мужчину 1000, а за женщину 500 барановъ—какъ разъ даже и по цѣнѣ подойдетъ къ названной выше нормѣ. Нынѣшніе киргизы ее рѣдко придерживаются, потому ли, что обѣднѣли, потому ли, что цѣнять жизнь дешевле, потому ли, что теперь убійства рѣже и наказаніе не нуждается уже въ устрашающемъ характерѣ—сказать трудно.

Смыслъ обычая весьма ясенъ: убійца мужчины долженъ обезпечить семью его за матеріальный ущербъ и выдать свое оружіе, коня и оруженосца; убившій женщину, оружія и раба не выдаетъ. Если бы оцѣнить всѣ джаксы и лошадей, то цѣнность куна выразилась бы слѣдующими цифрами:

100 лошадей, по 30 р. каждая	3000 р.
Наръ	80 »
Вороной конь	200 »
Кольчуга	30 »
Ружье	30 »
Коверъ	20 »
Рабъ	100 »
	<hr/>
	3560 р.

Надобно сказать, что кольчуги теперь упали въ цѣнѣ: набѣдники убѣдились, что онѣ ничего не стоятъ передъ русскимъ штыкомъ и пулей. Поэтому, теперь можно купить иногда порядочную кольчугу рубля за три, или за пять. Въ степи же это охранительное вооруженіе еще цѣнится. Хорошая лошадь-скакунъ цѣнится иногда и въ 1000 тиллей, т.-е. въ 3500 рублей, а меньше какъ за 200 р. его не купишь. Ружье, не весьма хитрой конструкціи, съ фителемъ и развалкой, придѣланной къ ложѣ для подставки—иногда стоитъ и не дешево, но я принимаю здѣсь и кольчугу и ружье въ цѣну обыкновенной лошади.

Что касается невольниковъ, то, конечно, теперь существуетъ развѣ одинъ видъ рабства: кабала за долги, за невыплаченный кунъ и т. п. Впрочемъ, у сосѣднихъ съ китайскими провинціями киргизовъ встрѣчаются калмыки, проданные своими родителями, или и просто забарантованные во время набѣговъ. Такимъ образомъ, если принять даже наши умѣренныя цѣны, то кунъ за кровь мужчины доходитъ до 1000 тиллей, а за кровь женщины до 500 тиллей. Приведенныя нами выше цифры въ 90 тиллей и въ 193, а съ лошадью и 3-мя халатами, пожалуй, 215 тиллей—весьма далеки отъ старой нормы. За убійство султана или ходжи платится какъ за 7 человѣкъ. Обида этихъ лицъ

словами оплачивается семью баранами. Не всегда ссора и драка доводят туземцевъ до убійства; такъ, на 5 убійствъ, совершенныхъ въ 1870 году, приходится 45 случаевъ нанесенія ранъ и увѣчий. Раны также оплачиваются куномъ, смотря по важности ихъ. За отсѣченіе большого пальца прежде платилось 100 барановъ, за мизинецъ—20, а если потерпѣвшій не прощаетъ, то виновному отсѣкается соответствующій членъ.

Для предупрежденія, а со временемъ и вовсе для искорененія баранты и кровомщенія можетъ служить изъятіе этихъ преступленій изъ-подъ вѣдѣнія народныхъ судовъ, ограничивающихся, болѣею частью, только возмѣщеніемъ убытковъ и куномъ за кровь. Убійство и баранта завѣщаны эпохою безсилія государственныхъ началъ въ Средней Азии, когда каждому предоставлялось право творить судъ и расправу надъ противникомъ, за нанесенную имъ обиду. Это, конечно, не можетъ быть терпимо при русскомъ владычествѣ. Судъ и расправа конечно не могутъ быть предоставлены всякому желающему. Народъ уже достаточно ознакомился съ основаніями и приемами русскаго судопроизводства, а потому передача такихъ крупныхъ правонарушеній, каковы грабежъ и убійство, подъ вѣдѣніе русскаго суда, не покажется уже крутою и неподготовленною мѣрою. Преслѣдуя эти преступления уголовнымъ порядкомъ, слѣдуетъ однако же оставить за потерпѣвшей стороной право искать матеріальнаго вознагражденія по обычаю; въ противномъ случаѣ множество преступленій будетъ скрыто отъ русскаго суда изъ-за матеріальныхъ выгодъ мировой сдѣлки.

Оставить одинъ кунъ, какъ пеню за пролитую кровь—значитъ снять съ богачей всякую отвѣтственность и дать каждому изъ нихъ возможность безнаказанно творить самоуправство, обрекая на смерть ихъ противниковъ.

Грабежей и разбоевъ было совершено: въ 1868 году—14; въ 1869 г.—10. Въ томъ числѣ на большихъ дорогахъ: въ 1868 г.—10, а въ 1869 году—4. Въ 1869 году изъ десяти грабежей, три произведено русскими.

Случаевъ воровства и мошенничества было: въ 1868 году—12; въ 1869 г.—11; въ 1870 г.—185.

Увеличеніе цифры 1870 г. произошло не вслѣдствіе ухудшенія народной нравственности, а вслѣдствіе введенія болѣе правильной отчетности со стороны казіевъ и биевъ, которые прежде не сообщали въ управленіе числа рѣшаемыхъ ими дѣлъ. Въ своемъ мѣстѣ будутъ даны свѣдѣнія о числѣ всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ 1870 году народнымъ судомъ. Замѣчательною вражею

можно считать совершенную въ 1868 году: одинъ сартъ укралъ изъ чиназской церкви часть разобраннаго имъ подсвѣчника. Это чуть ли не единственный случай въ этомъ родѣ.

Главную статью въ цифрѣ кражъ составляетъ конокрадство: въ 1868 и 1869 г. было по 9-ти случаевъ, а въ 1870 г. слѣдуетъ считать до 140. Въ сущности же и въ предшествовавшіе годы слѣдовало бы считать хотя по 180 всѣхъ кражъ, потому что въ то время мы вели войну съ Бухарою, вводили новое положеніе, посылали въ степь экспедиціи и т. д., и слѣд. надзоръ былъ слабѣе. Такъ какъ уѣздная администрація обязана сдѣлать только первое дознаніе и затѣмъ передаетъ дѣло судебному слѣдователю (общему для уѣзда и для города), и такъ какъ судебный слѣдователь, нисколько не подготовленный къ этой дѣятельности (изъ писмоводителей), обыкновенно затягивалъ дѣла и велъ ихъ *enly* уѣзда, то слѣдить за ходомъ этихъ дѣлъ не было никакой возможности.

Противъ конокрадства и грабежей въ 1868 году была принята слѣдующая мѣра: изъ самихъ жителей составлена стража и расположена пикетами у переправъ черезъ рѣки и на высокихъ мѣстахъ. Средство это оказалось довольно дѣйствительнымъ, и противъ 1867 года конокрадство сразу ослабѣло.

Крупныхъ происшествій, нарушившихъ общественный порядокъ, было только два. Въ 1868 году, въ ночь на 1-е апрѣля, на станцію Арабатъ, которую охраняли шесть уральскихъ казаковъ, напала шайка въ шестьдесятъ человекъ, подъ предводительствомъ одного карадуваны и нѣсколькихъ дувановъ¹⁾. Заслышавъ неистовые визги, казаки взобрались на крыши сакель и открыли огонь. Шайка потеряла трехъ человекъ убитыми и ранеными, и отступила. Виновные увѣряли, что они нападать и не думали, а просто возвращались съ праздника и вздумали поджиговать мимо станціи, казаки же съ перепуга приняли ихъ за разбойниковъ. Присланный на слѣдствіе офицеръ поддержалъ показанія виновныхъ, и уральцы были заподозрѣны въ излишней пугливости; но настойчивость уѣзднаго начальника не дала замолкнуть этому дѣлу, и виновные подверглись суду. Главные зачинщики, впрочемъ, успѣли бѣжать, изъ второстепенныхъ же приговорены были: двое—къ смертной казни и одинъ—къ каторжнымъ работамъ. Приговоренные къ смерти были однакоже помилованы

¹⁾ Дувана — туземный монахъ нищенствующаго ордена. Между ними многіе напускаютъ на себя юродство, и потому слово „дувана“ сдѣлалось синонимомъ—полоумнаго, дурака, юродиваго и т. п.

генераль-губернаторомъ и сосланы въ Сибирь на поселеніе. Другое нападеніе, и также на почтовую станцію, было произведено въ 1871 году, шайкою человекъ въ 60 сартовъ и киргизовъ, въ 30-ти верстахъ отъ Ташкента, при чемъ нѣсколько казаковъ было убито или ранено. Какъ скоро получено было извѣстіе о происшествіи, — снаряжена была погоня изъ мѣстныхъ жителей. Узнавъ о погонѣ, разбойники разбрелись поодиночкѣ, но жители горныхъ кишлаковъ были на-готовѣ, и къ вечеру того же дня 8 человекъ было поймано; черезъ нѣсколько дней было захвачено еще 20 чел. и затѣмъ каждый день поодиночкѣ перхватывали болѣе половины шайки. Главный атаманъ успѣлъ бѣжать въ Кокань.

Слѣдствіе показало, что ишанъ—святоша, бывшій атаманомъ шайки — давно уже пропагандировалъ противъ русскихъ и нерѣдко прѣзжалъ въ самый Ташкентъ. Главная масса его послѣдователей набралась въ аулѣ *Кулз-кара*, гдѣ онъ устроилъ мечеть, школу, и назначилъ по себѣ *халифа*—старшаго ученика и преемника. Себя выдавалъ за пророка *Меды*, послѣдняго передъ свѣтопреставленіемъ. Шайку набралъ отчасти угрозами, отчасти увѣреніемъ, что все готово, что ташкентцы ждутъ-не дождутся и т. п. Замѣчательно, какъ отнесся къ этому народъ: мало того, что туземцы спасаютъ казака, даютъ знать въ сотню и ловятъ разбойниковъ, но даже готовы были растерзать пойманныхъ. Впослѣдствіи четверо изъ наиболѣе виновныхъ были разстрѣлены, нѣсколько сослано въ каторжныя работы.

Всѣхъ арестантовъ въ Кураминскомъ уѣздѣ содержалось въ теченіи 1870 года 152 чел. Значительная доля ихъ, впрочемъ, не принадлежала уѣзду; въ числѣ множества рабочихъ, прибывающихъ изъ Кокана въ Ташкентъ, попадаютъ и воры, которыхъ болѣею частію и высылаютъ обратно. Кураминскія тюрьмы служатъ для этихъ пересылочныхъ партій этапами. Собственно тюремъ нѣтъ, но при гауптвахтахъ въ Чиназѣ, Куйлюкѣ, Той-Тюбе и Тиллау устроены арестантскія помѣщенія, весьма недостаточныя въ случаѣ прилива арестантовъ изъ Ташкента. Той-Тюбинская, передѣланная изъ сартовской сакли, весьма низка, съ малыми отверстіями для оконъ, и потому съ недостаточною вентиляціею. Лѣтомъ, въ душныя ночи, арестантовъ приходится размѣщать въ тѣсномъ дворикѣ, окруженномъ невысокою глиняною стѣною, — и это, при крайней неопытности оренбургскихъ и сибирскихъ казаковъ, составляющихъ обыкновенный гарнизонъ сел. Той-Тюбе, ведетъ къ побѣгамъ. Въ 1868 году бѣжало двое, въ 1869 году одинъ. Средство употреблялось весьма простое: во время вечер-

него намаза, когда правобѣрные арестанты станутъ на колѣни и часовому казаку прискучить смотрѣть на однообразные поклоны, какой-нибудь смѣльчакъ вскакиваетъ на плечи сосѣда, хватается за верхъ стѣны и перелетаетъ на улицу. Выскочившій караулъ не знаетъ за кѣмъ гнаться, ибо на улицѣ видны пятки нѣсколькихъ человекъ, улетающихъ во всѣ стороны. Неистовые крики: «держи, лови» и высыпавшая изъ воротъ толпа казаковъ съ оружіемъ ошеломляетъ прохожихъ, незнающихъ въ чемъ дѣло и боящихся попасть на закланіе! Ловятъ обыкновенно какого-нибудь перепуганнаго прохожаго, а виновникъ суматохи успѣваетъ скрыться въ первомъ извилистомъ переулкѣ.

Одежда арестантовъ ничѣмъ не отличаетъ ихъ отъ остальныхъ жителей, головы брѣютъ всѣ. Единственное средство сдѣлать ихъ замѣтными—это бритье бороды, усовъ и бровей, употребительное въ ханствахъ. Но это считается верхомъ позора. Когда хотятъ сказать: онъ потерпѣлъ поражение, онъ былъ пристыженъ, то употребляютъ выраженіе: «онъ ушелъ съ обритыми бровями»!

Безпечность и незнаніе службы у казаковъ таковы, что, надобно удивляться, какъ еще не разбѣгались и *всѣ* арестанты!

Содержаніе арестантовъ возлагалось обыкновенно на такъ называемаго *куръ-баша*, или сартовскаго полиціймейстера, которому отпускались и деньги. Обезпеченное содержаніе при полнѣйшемъ бездѣйствіи обращало тюрьму въ какой-то монастырь. Отшельники не только не стремились къ свободѣ (развѣ ужъ кому грозила строгая кара за содѣянное), но весьма охотно поступали въ скитъ, нисколько не заботясь ни о поручителяхъ, ни о скорѣйшемъ представленіи своихъ свидѣтелей.

Въ видахъ гигиеническихъ, а также, чтобы извлечь изъ массы тунеядцевъ какую-нибудь пользу, я заставлялъ ихъ (лѣтомъ 1870 года) очищать дворы уѣзднаго управленія, поправлять дсрожки въ саду, поливать засѣянную мною плантацію врачебныхъ растений, сахарнаго сорго и т. п.

Къ зимѣ арестанты обыкновенно старались уйти на поруки; крупныхъ плутовъ въ уѣздѣ не держали, отсылая ихъ въ ташкентскую тюрьму, въ видахъ предупрежденія побѣга, а также въ виду того, что судебный слѣдователь жилъ постоянно въ Ташкентѣ, гдѣ и велъ слѣдствія.

Кромѣ названныхъ пунктовъ, арестантскія имѣются и при каждомъ волостномъ управленіи, но онѣ передѣланы изъ саклей и не отвѣчаютъ всѣмъ условіямъ гигиены, и потому требуютъ перестроекъ.

Дома строятся изъ глины, которую берутъ тутъ же подъ ногами, такъ какъ грунтъ состоитъ изъ чистѣйшей и хорошей глины. Для тонкихъ стѣнъ (въ лавкахъ, сараяхъ и т. п.) туземцы ставятъ деревянный остовъ и заплѣтуютъ его глиной. Самый характеръ здѣшнихъ построекъ изъ глиняныхъ комьевъ съ камышевыми крышами, покрытыми глиною же, дѣлаетъ ихъ недоступными огню съ внѣшней стороны. Смазка крышъ глиною употребляется кое-гдѣ и въ Россіи. Опытъ указалъ, что это прекрасное предохранительное средство. Во время пожара въ Коротоякѣ (Воронежской губ.), происшедшаго въ 1868 году отъ иллюминаціи въ честь пріѣзда генераль-инспектора кавалеріи, и когда притомъ вся вольнонаемная пожарная команда отправлена была за городъ зажигать площадки—удалось отстоять только тѣ дома, крыши которыхъ были покрыты глиной, кругомъ же ихъ множество сосѣднихъ зданій были истреблены.

Сартовскія постройки застрахованы отъ огня и изнутри: въ нихъ нѣтъ ни печей, ни дымовыхъ трубъ—огонь раскладывается просто на полу въ особомъ углубленіи, а если сами жители хотятъ согрѣться, то въ это углубленіе накладываются уголья, надъ ними ставится большая и низкая табуретка, похожая на маленькій столикъ, табуретка покрывается ватнымъ одѣяломъ и семья садится вокругъ, засовывая ноги подъ табуретку на перекладыны ея пожекъ и закутываясь въ одѣяло. Полъ, конечно, глиняный или вымощенный квадратными плитками кирпича—огню нѣтъ нищи никакой. Дымовыя трубы, причиняющія въ Россіи столько хлопотъ, здѣсь замѣняются окномъ, дверью или отверстіемъ въ крышѣ. Эта сравнительная безопасность отъ огня дѣлаетъ пожары большою рѣдкостью. Ихъ было во всей области 20, сгорѣло 78 дворовъ на—9;480 р.

Поэтому и пожарныхъ командъ нигдѣ не имѣется. Слабымъ намѣкомъ на будущіе пожарные инструменты въ Курамѣ служитъ пока единственный гидропультъ, купленный мною для уѣзднаго управленія. Въ случаѣ нужды и онъ можетъ пригодиться, такъ какъ струя его достаетъ до крышъ здѣшнихъ невысокихъ построекъ.

Отсутствіе печей въ туземныхъ постройкахъ объясняется теплымъ климатомъ и короткою, несуровою зимой. Съ приходомъ русскихъ зима стала суровѣе. Туземцы видятъ въ этомъ знаменіе... знакъ особаго благоволенія Аллаха къ русскимъ, которые любятъ снѣгъ и безъ мороза жить не могутъ!

Занявъ сартовскія сакли, мы понадѣлали печей и—принялись рубить фруктовыя деревья. Туземцы охотно стали возить дрова,

преимущественно урюковыя (абрикосовыя), которыя лучше горятъ. Съ истребленіемъ садовъ дрова, конечно, вздорожали. Наши печи устраивались самымъ допотопнымъ образомъ такими печниками изъ солдатъ, которые сдѣлались ими только потому, что имъ «приказано». Очагъ и вертикальная труба, безъ всякихъ заворотовъ, откровенно глядитъ сквозь крышу въ небо; никакихъ вьюшекъ не позагалось, и чтобы закрыть трубу, надо было лазить на крышу и тамъ затыкать трубу кошмой, сверхъ которой накладывались камни. Понятно, что такія печи поѣдали огромное количество топлива и давали ничтожное количество тепла. Дороговизна дровъ заставила подумать и о топливѣ, и о печахъ. Каменный уголь съ казенной «Татаринской» копи, хотя и добывался за Чемкентомъ и везти его 200 верстъ чего-нибудь стоило, но все-таки казалось выгоднѣе платить 35 коп. за пудъ угля, чѣмъ 15 р. за сажень дровъ. Выписанные изъ Россіи для «генеральскаго» дома печники были заняты чуть не на годъ впередъ, и потому менѣе вліятельные чины должны были довольствоваться тѣми туземными *уста*—мастерами, которые служили чернорабочими при русскихъ мастерахъ. Одинъ изъ такихъ скоро дошелъ до такого искусства, что не уступалъ и русскимъ, но за то и его трудно было залучить къ себѣ. Сложить каминъ онъ брался за 7 и 10 рублей. Второстепенные мастера брали не менѣе 15-ти. Когда я выставилъ такому мастеру несообразность его цѣны сравнительно съ цѣной лучшаго мастера, онъ весьма резонно возразилъ:

— Да вѣдь тотъ какъ взялся за работу—такъ ужъ и кончить, а мнѣ можетъ быть придется еще раза три передѣлать все сызнова... за что же я буду трудиться?

И правда: начнешь пробовать каминъ—то не тянетъ вовсе, то дымить. Мастеръ ужъ не отходить и передѣлываетъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не наладится.

Татаринскую копи скоро залило водою. Уголь вздорожалъ. Первущинскій изъ копи Кураминскаго уѣзда продавался по татаринской цѣнѣ и портилъ колосники: избытокъ сѣры велъ къ образованію сѣристыхъ соединеній, и желѣзные прутья перегорали. Теперь уже многіе топятъ камышомъ, каминныя передѣланы на простыя печи. У китайцевъ, гдѣ дровъ было мало, печи или, вѣрнѣе, трубы строились такимъ образомъ: очагъ врывается въ полъ, боровъ-дымоотводъ кладется горизонтально вдоль стѣнъ на полу же, и выходитъ потомъ наружу ниже горизонта, оканчиваясь въ трубу, сдѣланную изъ коры дерева, обмазанной изнутри глиной. Въ видахъ красоты въ кору втыкаютъ сучья и вѣтви, преимущественно вѣчно зеленой хвой—нужды нѣтъ, что

кора дубовая, а вѣтви будутъ еловыя. Боровъ внутри комнаты обдѣлывается лежанкой и покрывается циновками—выходить и чисто и тепло, да и мебели лишней не-надо. Выгода еще та, что сырость, гнѣздящаяся обыкновенно внизу стѣнъ, уничтожается. Такія печи есть въ Кульдждѣ, и русскіе должны съ ними познакомиться. Корейцы, переселенные насильно изъ Владивостока на Амуръ, передѣлали русскія печи въ домахъ, для нихъ построенныхъ, на описанный нами образецъ. Экономія въ топливѣ достигается при этомъ полная. Все тепло остается въ комнатѣ, а не грѣетъ небо.

Другое, что слѣдуетъ позаимствовать отъ китайцевъ — это полы: матеріаломъ служитъ жженый кирпичъ, но его заливаютъ — замѣтимъ, не *мажутъ* только — варенымъ растительнымъ масломъ. Кирпичъ дѣлается непроницаемымъ для сырости, приобретаетъ большую прочность, такъ какъ въ порахъ его остается сгустившееся масло — и затѣмъ его можно еще шпаклевать, красить, мыть. Кирпичные полы дѣлаются и у насъ, но безъ масла, оттого кирпичъ сильно стирается подъ ногами, пылитъ, а мытый — долго сохраняетъ сырость и гноитъ вещи въ сундукахъ, чемоданахъ и т. п. Квадратная сажень китайскаго пола обойдется въ 6 р. 50 к., а деревяннаго не менѣе 30 р.; кирпичный и служить въ 10 разъ дольше.

М. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ

II *).

Что касается санитарныхъ условій уѣзда, то, на примѣръ, эпидемическихъ болѣзней до холеры 1872 года въ кураминскомъ уѣздѣ не было. Только лѣтомъ 1870 года казаки въ сел. Той-Тюбе страдали дизентеріей повальнаго характера. Отчасти скупость самихъ казаковъ, отчасти неопытность ихъ, отчасти недосмотръ и нерадѣніе сотеннаго командира въ связи съ зноомъ, тогда свирѣпствовавшимъ, — были причинами этой болѣзни.

Въ сотняхъ введено было тогда артельное начало даже и въ содержаніи лошадей. Остатки отъ фуражнаго довольствія уже не поступали въ карманъ сотеннаго командира или завѣдывающаго кавалеріей, а дѣлились между казаками по спускѣ на льготу. Изъ этихъ же денегъ заводилось все, нужное въ сотенномъ хозяйствѣ. Такой порядокъ казался тѣмъ справедливѣе, что лошади у казаковъ не казенныя, а собственныя. На дѣлѣ же это имѣло много неудобствъ. Сотенный командиръ обратился въ какого-то первобытнаго атамана, который для рѣшенія вопроса о томъ: купить ли телѣгу для сотенной кляжи, купить ли чіевъ¹⁾ и плетенокъ для шалашей, — долженъ былъ собирать «громаду» и предлагать свой проектъ всей сотнѣ. Громада же учитывала своего командира въ расходахъ, ея разрѣшенныхъ. Все это вмѣстѣ съ патріархальностью отношеній казалось намъ, регулярнымъ, весьма необычнымъ, и влекло за собою, на примѣръ, отказъ сотни

---

*) См. выше: сент., 65 стр.

¹⁾ Чіевъ — такъ сказать, заборъ, ограда, рѣшетка изъ камышинъ, привязанныхъ въ рядъ одна къ другой.

запасать въ походъ указанное количество фуража на томъ основаніи, что въ степи будетъ подножный кормъ, несогласіе устроить навѣсы и шалаши на лагерной стоянѣ и т. п. Такъ случилось и съ сибирской сотней въ Той-Тюбе: она была выведена за село, къ рѣчкѣ, на все лѣто, а строить себѣ навѣсы отказалась. Казаки размѣстились подъ телѣгами, развѣшивая на оглобли и пики всякую рухлядь. Лагерь скорѣе походилъ на цыганскій таборъ, чѣмъ на военную стоянку; жены и дѣти довершали сходство. Зной, спанье на голой землѣ, нечистота и миазмы произвели то, что дизентерія сдѣлалась эндемическою (мѣстной) въ лагерѣ. Туземцы ею не страдали. Сотню пришлось перевести въ другое мѣсто, и болѣзнь въ ней прекратилась, но за то перешла по наслѣдству къ оренбургской сотнѣ, смѣнившей въ Той-Тюбе сибирскую. Смертность была довольно чувствительна: въ сибирской сотнѣ умерло два, а въ оренбургской пять человѣкъ. Дизентерія стала ослабѣвать только съ наступленіемъ осени, то-есть съ уменьшеніемъ жаровъ.

Изъ эндемическихъ болѣзней въ уѣздѣ свирѣпствуютъ лихорадки и разнообразныя кожные болѣзни.

Лихорадки обусловливаются прямо искусственнымъ орошеніемъ, родомъ воздѣлываемаго хлѣба, обширными болотами и степенью превышенія даннаго мѣста надъ уровнемъ воды. Рисъ, напримѣръ, требуетъ столько воды, что поля стоятъ четыре мѣсяца болотами: оттого, гдѣ сѣять больше рису — тамъ и больше лихорадокъ. Известно, что въ сѣверной Италіи, гдѣ рисовыя плантаціи также изобилуютъ, запрещено разводить рисъ ближе 15-ти верстъ отъ городовъ — то же по опыту вводится и нами: ташкентскій госпиталь выстроенъ на берегу рѣчки Салара и въ садахъ, — казалось бы чего лучше? Но за рѣчкой (она шириною будетъ съ городскую улицу) начинались рисовыя поля, и въ госпиталѣ поселилась лихорадка. Поступить больной съ какимъ-нибудь ушибомъ, а черезъ три-четыре дня, смотришь, заболѣваетъ лихорадкой!.. Ужъ и такъ-то госпиталей у насъ боятся, а тутъ еще лихорадка, да тонкія крыши, назначенныя какъ-будто лишь для фильтрованія дождевой воды, да еще стѣнныя отдушины, замѣнявшія вентиляторы съ такимъ успѣхомъ, что черезъ всю комнату задували свѣчу!

Туземцы также недовѣрчиво относятся къ этому госпиталю: въ 1869 году, одинъ бурамінецъ, едва ставъ на ноги, бѣжалъ тайкомъ въ свой кишлакъ, гдѣ тщательно скрывался при дружномъ содѣйствіи односельчанъ. Теперь крыши и отдушины, столь

неудачно придуманныя начальникомъ инженеровъ, передѣланы ¹⁾. Рисовыя поля отодвинуты, и госпиталь по немногу поправляетъ свою репутацію.

Кураминскій уѣздъ такъ богатъ водою и такъ плохо ею распоряжается, что лихорадки составляютъ его законную собственность. Не зная, куда дѣвать отработанную воду, народъ спускаетъ ее въ болота. Той-Тюбе и Чиказъ, гдѣ эти болота группируются наиболѣе, — наиболѣе и страдаютъ отъ лихорадокъ. Что касается командованія мѣстности надъ уровнемъ стоячей воды, а здѣсь еще и надъ уровнемъ орошаемыхъ полей, то уже извѣстенъ фактъ, что туманы, а съ ними и миазмы стоятъ надъ своими источниками, *не поднимаясь выше извѣстной черты* и затѣмъ падаютъ въ видѣ росы. Если нѣтъ вѣтра, который бы отнесъ туманъ къ другому мѣсту, то понятно, что дышать миазмами будутъ только тѣ, кого захватываетъ туманная толща. Чуть мѣсто возвышается болѣе, чѣмъ на 200 футовъ надъ уровнемъ болотъ и затопляемыхъ полей — лихорадка дѣлается въ немъ случайностію: развѣ кто-нибудь захватилъ ее внизу.

Положеніе это подтверждается и наблюденіями въ самомъ уѣздѣ: укрѣпленіе Теляу устроено на возвышенности, а сартовское селеніе лежитъ внизу — процентъ лихорадочныхъ здѣсь и больше. Проѣзжая днемъ мимо полей, залитыхъ водою, слышишь какой-то особенный, затхлый теплый паръ — бѣгите отсюда! При развѣздахъ своихъ я каждый разъ схватывалъ лихорадку, когда случалось надышаться «рисомъ». Лечился я по-кавказски — большимъ приемомъ хины за два часа до пароксизма; но, чтобы опредѣлить время приема, надобно было вынести два пароксизма: тогда узнаешь въ какіе дни и въ которомъ часу является приступъ. Лихорадка прекращалась обыкновенно съ перваго же приема.

Несмотря на то, что такъ-называемыя «болотныя» лихорадки всегда и вездѣ имѣютъ одинаковое теченіе и, значить, въ Ташкентѣ должны уступать тѣмъ же средствамъ, какъ и на Кавказѣ — тѣмъ не менѣе многіе изъ врачей не раздѣляютъ мнѣнія о необходимости прибѣгать къ большимъ дозамъ. Что же сказать послѣ этого о самихъ пациентахъ? Они просто боятся «лошадныхъ приемовъ», какъ яда!

¹⁾ Еще въ 1870 году я ввелъ въ той-тюбинской больницѣ (которую доканчивалъ) вентиляторы-респираторы съ цинковыми листами, пробитыми мелкими дырочками. Ящикъ вентилятора имѣлъ двѣ неполныя перегородки, задерживавшія напоръ вѣтра. Я предлагалъ ихъ и начальнику инженеровъ. Теперь въ госпиталѣ введено нѣчто подобное, но уже по настоянію одного молодого врача.

Казалось бы, послѣ блестящихъ результатовъ гиподермическаго способа, ограничивающагося 10 гранами тамъ, гдѣ прежде употреблялось 200, — вопросъ долженъ бы считаться рѣшеннымъ, но недовѣріе къ *новости* и отвращеніе «вольныхъ» пациентовъ отъ всего, что напоминаетъ операцию—препятствуютъ повсемѣстному введенію этого способа. Но если ужъ не подкожное впрыскиваніе, то во всякомъ случаѣ лучше принять 18—20 гранъ сразу, чѣмъ 120 или 200 гранъ понемногу въ теченіи цѣлаго мѣсяца: и дешевле, и лихорадка скорѣе бросить. Количество хины, отпускаемое въ госпитали туркестанскаго округа, такъ не соответствуетъ потребности, что врачи по неволѣ прибѣгаютъ къ мышьяку, какъ это было, напримѣръ, въ 1868 и 1869 годахъ въ лазаретѣ укр. Ключевого, близъ Джизака. Ключевое вообще отличалось болѣзненностію и смертностію гарнизона. Выбралъ мѣсто самъ генераль-губернаторъ, руководясь одними стратегическими соображеніями. Въ тактическомъ отношеніи укрѣпленіе было весьма неудовлетворительно: стоявшая передъ фронтомъ гора командовала внутренностію Ключевого въ такой степени, что укрыться можно было развѣ за постройками лазарета, да и то въ полосѣ, шириною шаговъ въ десять—остальное все было открыто, но генераль зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и Ключевое постыяло бы за себя противъ бухарцевъ.

Средства казенной аптеки очень скудны; понятно, какъ дорожили хиной врачи и какими гомеопатическими дозами старались они обходиться. Я помню, какъ былъ обрадованъ ключевской врачъ, когда я отдалъ ему весь свой запасъ хины (не болѣе унца). Самъ онъ развѣшивалъ дозы, сдѣлалъ растворы и торжественно понесъ стклянки къ больнымъ, уже три мѣсяца сидѣвшимъ на мышьякѣ. — «Сегодня у насъ балъ!» сказалъ онъ на прощанье.

Въ такомъ же почти положеніи, относительно хины, находился и ташкентскій госпиталь, гдѣ больныхъ было чуть не впятеро больше. Военно-медицинскій инспекторъ, старшій кавказецъ, осматривая госпиталь, спросилъ молодого врача:

— Какъ велика доза?
— Полтора грана, три раза въ день.
— Да вы разорить казну хотите, — какъ можно давать столько хины?

— Помилуйте, — усмѣхается ординаторъ: — ужъ меньше и невозможно...

— Кто вамъ говоритъ *меньше*: давайте четверо, но сразу — больной тотчасъ и поправится, а съ вашими полтора гранами вы

будете напрасно пичкать его цѣлый годъ, изведете полфунта хины и все-таки ничего не добьетесь, — а хина вѣдь дорога!

Совершенно вѣрная мысль: если хочешь сберечь и время, и деньги, и силы больного — давай большіе приемы.

Подкожное впрыскиваніе — новость для многихъ врачей и требуетъ все-таки нѣкоторой сноровки, а потому весьма рѣдко употребляется. Туземцы еще не подвергались опытамъ и потому неизвѣстно, какъ они отнесутся къ этому средству. Скорѣе, впрочемъ, можно ожидать недовѣрія. Я убѣдился на дѣлѣ, что такому непосредственному человѣку, какъ киргизъ, кураминецъ и даже сартъ, больше всего внушаютъ довѣрія «чувствительныя» средства: горькая хина, выжимающій слезы нашатырный спиртъ, обжигающій паршу растворъ ѣдкаго кали, несмываемый ничѣмъ адскій камень, моментально дѣйствующія рвотныя, слабительныя и проч. Когда дѣйствіе лекарства скоро и замѣтно — дикому человѣку лучше ничего и не надо. Онъ доволенъ будетъ даже и однимъ впечатлѣніемъ вкуса, обонянія, осязанія: горько, воняетъ, щиплетъ — вотъ это и лекарство! Къ хинѣ сразу получили довѣріе ужъ за одно то, что она горька, «какъ желчь», хуже!

По всему этому я полагаю, что туземцевъ еще долго придется лечить одними внутренними приемами, а въ этомъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть кавказскій способъ: за два часа до пароксизма дать 15—20 гранъ (это взрослому).

Лихорадки, *бизекъ*, переходятъ часто въ горячки, *сузекъ*. Туземные лекаря «таубы», «хакимы» (первое по-киргизски, второе по-сартовски) — лечатъ горячку отваромъ *сана* — какой-то желтоватой травы, запрещаютъ мясо и даютъ пить *сары-су* (желтая вода), т.-е. сыворотку отъ коровьяго молока. Возвратная горячка, *кайталамакъ*, рѣдко излечивается. Больного пользуютъ животными ваннами: убьютъ лошадь, снимутъ съ нея кожу и завертываютъ въ нее больного. Каждый разъ надобно свѣжую шкуру. Если ужъ ничто не помогаетъ, то, по древнему обычаю, въ обмѣнъ за человѣка предлагаютъ Богу бѣлаго барана: обведутъ его три раза вокругъ больного и затѣмъ прирѣжутъ, причитывая такое обращеніе: «вотъ тебѣ душа за душу — оставь больному жизнь!»

Болѣзни припадочнаго характера обыкновенно сваливаются у киргизовъ на «нечистую силу». Но противъ *шайтана*, чорта, и противъ *албасты*, домового, всегда найдется средство: *бакса*, знахарь, сейчасъ научитъ что дѣлать. Можетъ понадобится лошадь съ большими бѣлыми глазами, филинь, беркутъ, сорока, наконецъ колючка (кустарникъ чингиль) или сабля. Всего этого

нечистая сила не переносить! Крикъ филина распугиваетъ цѣлыя стаи чертей, перышко его на шапкѣ или гдѣ-нибудь на платьѣ, а не то и въ гривѣ лошади—прекрасное средство отогнать дьявола... Набросивъ на голое тѣло больного пучокъ колочки, можно исколотъ и чертей... Воткнутая въ землю, остриемъ вверхъ, обнаженная сабля служитъ грознымъ сторожемъ...

Можно и предотвратить болѣзни: для этого стѣбать только носить на шеѣ какой-нибудь *тумаръ*, талисманъ. Его обыкновенно зашиваютъ въ шелковую или же бумажную матерію. На шеѣ лошади также вѣшается тумаръ, какая-нибудь нашептанная буса или раковина. Для путника лучшій талисманъ: *яда-ташъ* или безоаръ—камень синяго, зеленаго желтаго, бѣлаго, тѣлеснаго или и чернаго цвѣтовъ. Его находятъ въ желудкѣ коровъ и лошадей. Если надобенъ дождь, стѣбать только привязать яда-ташъ къ прутику и поставить его въ чистую воду; для вѣдра—привязать къ хвосту лошади; для прохлады—заткнуть его за поясъ, — тотчасъ явятся облака...

Въ большомъ ходу также разныя заклинанія и молитвы. Разрѣзавъ бумагу на узкія полосы и склеивъ ихъ въ длинную хартию, мулла тщательно исписываетъ ее красными и черными строками. Тутъ не забыта ни сабля, ни пика, ни ружье, ни пушка, ни *чокмаръ* (палица съ мѣднымъ или чугуннымъ граненымъ шаромъ), ни штыкъ, ни стрѣла, ни *айбалта* (топоръ на длинной рукояти), словомъ, ни одинъ инструментъ, сокращающій дни человѣка. Владѣлецъ такого талисмана не можетъ никогда погибнуть насильственной смертію, поэтому онъ не скупится съ муллою и затѣмъ, скатавъ хартию въ трубочку, зашиваетъ ее въ каннаусъ и вѣшаетъ себѣ на шею. Такіе талисманы, конечно, весьма дѣйствительны: въ моей коллекціи есть одинъ экземпляръ, снятый съ убитаго!

Бываютъ и спеціальныя заговоры противъ одной какой-нибудь болѣзни; они служатъ не только какъ «наружное» средство для ношенія на шеѣ, но и какъ «внутреннее»: туземцы вѣрятъ, что если разжевать бумагу и проглотить, то святыя слова или, вѣрнѣе, чернила, которыми эти слова написаны, исцѣляютъ недугъ не хуже заправскаго лекарства ¹⁾. Туземные лекаря любятъ въ особенности одно специфическое средство, *сынеть*, ртуть.

¹⁾ Чернила, *смяи*, готовятся слѣдующимъ образомъ: зажигаютъ въ небольшой чашкѣ льняное масло и держатъ надъ пламенемъ другую чашку, на которую и садится копоть. Сажу эту смѣшиваютъ съ рисомъ, прибавляютъ воды и развариваютъ въ клейстеръ—получается тушь, которую кусочками заворачиваютъ въ бумагу и для употребленія разводятъ водою.

Правда, что венерическая болѣзнь не рѣдкость, но сынетъ дается при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не стѣсняясь разглагольствовать болѣзнь!

До какой степени шарлатанять туземные «таубы», можно судить изъ того, что они, пощупавъ только пульсъ и не разспрашивая ни о чемъ больного, прямо назначаютъ уже лекарство. Не трудно угадать, что это будетъ чаще всего любимое сынетъ. Народъ до такой степени привыкъ къ подобному способу распознаванія болѣзней, что подробныя разспросы нашихъ врачей кажутся ему явнымъ признакомъ незнанія. Во время моей рекогносцировки къ Буканъ-тау, въ 1869 году, съ нашимъ докторомъ, Исихановымъ, разыгралась слѣдующая сцена:

— Зачѣмъ я тебѣ буду рассказывать, вотъ тебѣ моя рука—узнавай самъ!—говоритъ, иронически поглядывая на нашего доктора, скептикъ киргизъ.

— Голова болитъ?—спрашиваетъ докторъ.

— Эхъ, тюря,—смѣется киргизъ:—голова болитъ, сердце болитъ, брюхо болитъ; если все тебѣ скажу, не трудно будетъ узнать, а ты самъ узнай!

Только узнавъ, что докторъ ничего не беретъ ни за совѣты, ни за лекарства—киргизы перестали потѣшаться и съ недоумѣніемъ посматривали другъ на друга. На возвратномъ пути, когда уже лекарства на нѣкоторыхъ подѣйствовали,—доктору не было отбою отъ больныхъ. Многіе пріѣхали изъ сосѣднихъ ауловъ, а нѣсколько больныхъ, нуждавшихся въ продолжительномъ леченіи, собирались двинуться за отрядомъ, въ Джизакъ—это за 400 верстъ! Дѣло въ томъ, что туземные знахари за свои хартии-заклинанія, а лекаря за разныя таинственныя пилюли берутъ иногда по золотому за штуку! Правда, что и пилюли золоченыя,—съ гордостію замѣчаетъ пациентъ.

— Да помогало ли хоть немного?—спрашиваемъ.

— Я мало съѣлъ, денегъ не хватило, а то бы совсѣмъ былъ здоровъ, слюна такъ и бѣжала, такъ и бѣжала!

Туземные лекаря передаютъ свои знанія въ наслѣдство дѣтямъ. Впрочемъ, въ Бухарѣ существуетъ медицинская школа, *Даръ-шишфа* на 50—60 студентовъ. При школѣ есть и лазаретъ на 80 больныхъ. Таубы хорошо лечатъ только раны—это ужъ у всѣхъ азіатовъ, такъ-сказать, врожденное искусство: практика большая!

Потертую спину лошади лечатъ, между прочимъ, сочнымъ стеблемъ «вонючки», изъ рода асса-фетидъ (*fegulaeae*). Это однолѣтнее растеніе, высотой иногда въ ростъ человѣка, имѣетъ тол-

стый прямой стебель и зонтичную верхушку. Издали, въ особенности при миражахъ или рѣяннн нижнихъ слоевъ нагрѣтаго воздуха, кустъ воюючки кажется цѣлымъ деревомъ и чрезвычайно оживляетъ голую, голодную степь, гдѣ это растеніе изобилуетъ. Солдаты прозвали ее «бухарскою капустой»; молодые побѣги ея кочевники употребляютъ въ пищу. Старые стебли такъ отвратительно пахнутъ, что на бивуакахъ не привыкшіе люди не знаютъ куда дѣваться отъ запаха. Я даже просыпался ночью, когда вдругъ вѣтромъ потянетъ со стороны, гдѣ еще остались на корню кусты этой капусты; я обыкновенно вырубалъ ее шашкой, подъ самый корень, по крайней мѣрѣ, шаговъ на тридцать во всѣ стороны отъ своей бурки и сѣдла, служившихъ мнѣ постелью.

Изъ другихъ растеній туземцы знакомы съ золототысячникомъ (*erythraea centaureum*), который употребляютъ въ лихорадкахъ, какъ равно и гранатную корку *наръ-пустъ* («пустъ» — значитъ жожа). *Кизилъ-юуриукъ* — мелкія бурья сѣмена, привозимыя изъ горъ, употребляютъ противъ поноса и рвоты; *сафистанъ*, сушеные плоды въ родѣ вишень, привозятся изъ Индіи, употребляютъ въ грудныхъ болѣзняхъ. Тамарандовыя яблоки также употребительны. *Седана* (*semina nigellae*), *суфа* — какія-то маленькія сѣмена, разбухающія въ водѣ и покрывающіяся слизью, такъ что глотаются легко; *спуулъ* — тоже сѣмена — все это отъ головной боли и расстройства желудка.

Весьма развиты также всевозможныя кожные болѣзни: чесотка, короста, лишай, такъ называемая «сартовская язва» и проч.

Все это, несмотря на кажущуюся чистоплотность народа, обязаннаго религіей совершать ежедневныя омовенія, — всѣ эти болѣзни развиты въ неутѣшительныхъ размѣрахъ. Рѣдкій туземецъ уйдетъ отъ парши и сартовской болѣзни. Первая, какъ растительный паразитъ, распространяется, конечно, путемъ прикосновенія, путемъ переноса споръ (зародышей грибовъ). Выражаясь проще, болѣзнь эта «прилипчива» — грибки прилипаютъ ко всему, что до нихъ коснется. Переносъ этихъ споръ совершается чаще всего кистью цирюльника, брѣющаго головы и больныхъ, и здоровыхъ, затѣмъ тюбетейкой (ермолка), попадающей буквально «съ больной головы на здоровую». Почва для произрастанія растенія во всякомъ случаѣ готовая и восприимчивая, такъ какъ ноги правобѣрнаго чаще знакомятся съ водою, чѣмъ голова. Тюбетейка, нескладываемый головной уборъ, задерживаетъ испарину и, благодаря развитію при этомъ теплоты и влажности — какъ нельзя болѣе способствуетъ разнымъ произрастаніямъ, если бритва не весьма часто ихъ соскабливаетъ.

За отсутствіемъ или болѣзною врача мнѣ, какъ любителю, приходилось часто возиться съ больными, конечно, «невинными», каковы, напримѣръ, лихорадочные и пораженные разными наружными изъязвленіями. Чесотка скоро уступала простому керосину, а парша — раствору фдкаго кали. Что касается «сартовской болѣзни», то она для самихъ туземцевъ составляетъ загадку и, повидимому, не поддается мѣрамъ предупредительнымъ. Названіе «сартовской» дано русскими, сами сарты называютъ ее «аванъ-яра», афганская язва, или еще *паша-хурда*, злая муха, но это свидѣтельствуетъ только о попыткѣ объяснить какъ-нибудь происхожденіе болѣзни. Афганцы называютъ ее «индійской язвой»; не знаю, какъ называютъ индійцы. Ясно только, что это отъ кого позаимствовалъ болѣзнь, тотъ такъ и зоветъ. Что касается до названія «паша-хурда», то здѣсь сказывается предположеніе, будто язва является слѣдствіемъ переноса «трупнаго яда» — мухой, сидѣвшей прежде на падали. Въ особенности опасно, когда муха лизала мертвую змѣю...

Отвергать участіе насѣкомыхъ въ распространеніи разныхъ заразительныхъ болѣзней нельзя — по крайней мѣрѣ фактъ переноса мухами сибирской язвы съ животныхъ на людей считается доказаннымъ. Тѣмъ не менѣе, я не могу согласиться безусловно съ такимъ предположеніемъ и относительно сартовской язвы. Я допускаю только одно: муха дѣйствительно можетъ перенести на лапкахъ заразительную матерію съ больного человѣка на здорового, но трупный ядъ тутъ не причемъ, потому что на здоровую, непорѣзанную кожу онъ не дѣйствуетъ, а мухи кусающіяся садятся только на живыхъ кормильцевъ, ибо изъ трупа крови ей не насосать. Нѣкоторые врачи считаютъ сартовскую язву тождественной съ гвинейскимъ прыщомъ, алепскою язвой и т. п.; но во всякомъ случаѣ это, кажется, одинъ изъ видовъ лепры (проказы). Извѣстенъ фактъ, что «сартовская» посѣщаетъ преимущественно лицо и руки, т. е. именно тѣ части тѣла, которыя чаще всего знакомятся съ водою.

Въ Ташкентѣ, между русскими, населяющими *удру*¹⁾, язва имѣла нѣсколько жертвъ, тогда какъ въ другихъ частяхъ города она почти не встрѣчалась. Это наводитъ на мысль, что больные были обязаны болѣзнию водѣ. Приписывать болѣзнь неопрятности нельзя уже потому, что она часто поражала людей, наиболѣе опрятныхъ: нѣсколько весьма изящныхъ дамъ имѣли эту болѣзнь на лбу, щекахъ, переносѣ — а ужъ какъ онѣ заботятся о лицѣ!

¹⁾ Часть города, построенная на мѣстѣ бывшей коканской цитадели.

Замѣчено также, что болѣзнь распространяется по арыкамъ: если перебрать всѣхъ больныхъ—окажется, что они берутъ воду изъ одного арыка. Вода, проходя черезъ весь городъ и омывая въ каждомъ дворѣ всякую дрянь, несетъ ее далѣе и, чистая на видъ, все-таки заражаетъ употребляющихъ ее для умыванія. Какъ небрежно и безсовѣстно обращаются съ водой сами русскіе—трудно себѣ вообразить. Однажды у меня во дворѣ перестала течь вода; хозяинъ, замѣтивъ, что подъ стѣной отъ сосѣдняго двора, гдѣ проходилъ арыкъ, что-то завязло, протолкнулъ это что-то. Въ его бассейнъ ¹⁾ торжественно приплыла женская рубашка и затѣмъ дѣтскія пеленки—не скажу, въ какомъ видѣ! Каждый заботится только о себѣ, точно онъ сидитъ на краю свѣта и за нимъ никто уже не живетъ. Наблюдать за честностію отношеній къ сосѣдямъ въ дѣлѣ пользованія водою—невозможно. Единственное средство дать всѣмъ хорошую воду—провести закрытые водопроводы.

Краснота, припухлость кожи, затвердѣніе, затѣмъ, изъязвленія поверхности и бурая корка—вотъ теченіе язвы. Она медленно уступаетъ леченію. Туземцы лечатъ ее разными ѣдкими мазями изъ мѣднаго купороса, укуса и меда. Русскіе врачи пробовали и прижиганія ляписомъ, и іодистые препараты—все невѣрно, все медленно и все оставляетъ по заживленіи безобразный шрамъ, напоминающій оспенную рябику, только въ увеличенномъ масштабѣ (величиною иногда въ двугривенный, а то и больше). Одинъ изъ старшихъ врачей туркестанскаго края болѣе года ходилъ съ перевязанными руками—такъ онъ былъ пораженъ «сартовскою». Несмотря ни на знанія, ни на обиліе средствъ, язва не поддавалась. Кажется, единственное предохранительное средство противъ «сартовской» заключается въ томъ, чтобы не употреблять для умыванія воды не кипяченой или, по крайней мѣрѣ, не колодезной. Въ колодезь все-таки вода фильтруется черезъ значительную толщу земли.

Изъ прочихъ видовъ проказы, достойна вниманія еще *махао*, но пораженные ею тщательно скрываются отъ глазъ постороннихъ и ничѣмъ не лечатся. Въ трехъ верстахъ отъ Ташкента есть кишлакъ *Махао*, куда сорокъ лѣтъ тому назадъ были выселены всѣ прокаженные, изолированные такимъ образомъ отъ остальнаго общества и лишенные почти всѣхъ гражданскихъ правъ. Кишлакъ этотъ напоминаетъ скитъ: изъ высокихъ глиняныхъ

¹⁾ Здѣсь почти въ каждомъ дворѣ вырыта яма для запаса воды. Въ ней купається, полощутъ бѣлье, а нѣкоторые послѣ этого еще и берутъ воду для самоваровъ.

стѣнъ, окружающихъ четверугольное пространство, ничего не видно. Внутри къ стѣнамъ прислонены грязныя и темныя кельи. Я посѣщала этотъ кишлакъ нѣсколько разъ, посылая оттуда больныхъ въ ташкентскій госпиталь (собственно съ цѣлью доставленія врачамъ случая ознакомиться съ болѣзнію), раздавала поскорѣе милостыню и торопилась уѣхать.

Видъ ужасный. Ни одинъ туземецъ добромъ сюда не заглянетъ, и мой проводникъ и старшина сосѣдняго кишлака старались оставаться внѣ прибѣжища махаоновъ въ окружающемъ его саду. Все населеніе кишлака Махао состоитъ изъ 31 души; они влачатъ свое горькое существованіе, питаются милостынею, производя на свѣтъ такихъ же горемыкъ, пораженныхъ проказою иногда со дня рожденія.

Въ 1869 году между махаонами было 29 взрослыхъ, пораженныхъ въ разной степени: почти всѣ они были покрыты злокачественною сыпью, у 12-ти человѣкъ уничтожены носовые хрящи, причѣмъ у 5-ти человѣкъ уничтожены также мягкое нѣбо и язычокъ... У *двоихъ* поражены и глаза... Затѣмъ одинъ съ трудомъ раскрывалъ ротъ, вслѣдствіе рубцовъ на лицѣ, у другого была большая язва на ногѣ, у третьяго—пальцы сведены на рукахъ и ногахъ. Кромѣ того, у 4-хъ чел. отпали пальцы на конечностяхъ и, наконецъ, у одной женщины отвалилась вся стопа... Общіе признаки махао таковы: кромѣ изуродованій на лицѣ (рубцы, язвы, шишки, отсутствіе носовыхъ хрящей, поражение глазъ и проч.) и пораженій нѣба, гортани и языка—все тѣло больного, и въ особенности конечности, покрыты сыпью (*psoriasis*) съ атрофіей мускуловъ, худосочными язвами, сведеніями и искривленіями пальцевъ, а иногда и совершеннымъ отпаденіемъ ихъ.

Уѣздный врачъ опредѣлилъ болѣзнь сифилисомъ, осложненнымъ цингою. Такъ смотрятъ и нѣкоторые другіе. На мой взглядъ эта болѣзнь кажется тождественною съ *чапли* у астраханскихъ киргизовъ, съ *урусъ-нотуръ* у ногайцевъ, съ *крымскою болѣзнію*, обнаружившейся у донцевъ еще въ половинѣ прошлаго вѣка, съ *черною немочью*, свирѣпствовавшей въ остальной Россіи, со шведскою *spedalshed* и т. д., словомъ, съ *elephantiasis* грековъ. Докторъ Козловскій, изслѣдовавшій эту болѣзнь въ Терской области на Кавказѣ, помѣстилъ замѣчательную монографію ея на страницахъ «Военно-Медицинскаго Журнала» за 1869 г.

Проявленія этой болѣзни совершенно тождественны съ туркестанскою махао: сначала на кожѣ появляются пятна, пузырьки,

узлы, бугры—въ особенности на лицѣ и конечностяхъ. При этомъ названныя части тѣла до того обезображиваются отѣкомъ и буграми, что посторонній глазъ невольно ищетъ сравненій: лицо кажется львинымъ, ноги—слоновыми. Отсюда и названіе «слоновая болѣзнь», элифантіазисъ. Затѣмъ, вторая стадія: начинаютъ крошиться ногти; потомъ бугры изъязвляются—впрочемъ, это не всегда; слизистыя оболочки носа, рта и глазъ поражаются также утолщеніями, буграми и, наконецъ, изъязвленіями; затѣмъ кости носа, твердаго нѣба, суставовъ пальцевъ поражаются каріознымъ процессомъ (костоѣдою) и въ послѣднемъ случаѣ, то-есть при костоѣдѣ пальцевъ, когда послѣдній суставъ выкрошится, ноготь переходитъ нерѣдко на второй суставъ, а затѣмъ и на первый,—оказывается тогда, что у больного всѣ пальцы въ два и даже въ одинъ суставъ. Далѣе, мускулы атрофируются, т.-е. худѣютъ, чахнутъ; лимфатическія железы припухаютъ; нервная система разстраивается, а чувство осязанія притупляется до того, что, напримѣръ, больной, грѣясь у огня, не чувствуетъ боли отъ обжоговъ, не замѣчаетъ, что руки или ноги у него поджариваются; отдѣленія кожи прекращаются—больной не потѣетъ; являются разстройства органовъ дыханія, что выражается *жаждою воздуха* и вонючимъ выдыханіемъ; разстраивается и пищевареніе. Затѣмъ рожа, цынга, лишай, лихорадки—суть только осложненія этой мучительной болѣзни.

Въ ходжентскомъ уѣздѣ, въ трехъ верстахъ отъ Ура-Тюбе, есть свой кишлакъ Махао, состоящій изъ 7-ми дворовъ, въ которыхъ помѣщалось въ 1870 году: 15 мужчинъ, 5 женщинъ и двое дѣтей—всего 22 человекъ. Прежде этотъ кишлакъ былъ подъ самыми стѣнами Ура-Тюбе, но въ двадцатыхъ годахъ перенесенъ тогдашнимъ бекомъ на новое мѣсто, подальше отъ города.

Въ известномъ сочиненіи доктора Шимановскаго: «Операцин на поверхности человѣческаго тѣла», помѣщено описаніе одного субъекта, до чрезвычайности схожаго съ однимъ ура-тюбинскимъ. Субъектъ этотъ былъ латышъ, изъ окрестностей Вендена, въ Курляндіи. Шимановскій приводитъ его какъ курьёзъ, подъ характеристичнымъ названіемъ *тыквенной головы*. Но тамъ это уродство было слѣдствіемъ разѣдающаго лишая (*lupus*). Весьма возможно, что и здѣсь, въ Средней Азии, нерѣдко за махао принимается *lupus*, такъ что можетъ быть нѣкоторые больные попадаютъ въ отшельники, въ махаоны, не совсѣмъ справедливо.

Комплектованіе лепрозныхъ кишлаковъ и, слѣдовательно, наблюденіе за выдѣленіемъ больныхъ изъ среды здоровыхъ, лежитъ

на самихъ махаонахъ: какъ только слухи о вновь заболѣвшемъ достигли до лепрознаго кишлака, тотчасъ же снаряжается депутация, которая и требуетъ больного въ свою общину. Богатые откупаются ежегоднымъ взносомъ отъ 50 до 100 рублей, а бѣдные—покоряются, если не убѣжденіямъ, то силѣ, и волей-неволей водворяются въ средѣ махаоновъ.

Трудно сказать положительно: заразительна ли эта болѣзнь въ настоящее время? Прежде она дѣйствовала эпидемически и передавалась прикосновеніемъ; поэтому удаленіе больныхъ изъ среды общества было совершенно основательно и справедливо. Теперь многіе примѣры доказываютъ, что лепра переходитъ только въ наслѣдство; а, напримѣръ, здоровый супругъ не заражается отъ больного. Спросятъ пожалуй: какъ же рискуетъ женщина выдти замужъ за прокаженнаго или, наоборотъ—здоровый мужчина жениться на больной? Дѣло весьма простое и потому неотвратимое: болѣзнь проявляется болѣею частью въ зрѣломъ возрастѣ, а молодежь часто навзглядъ совершенно здорова и потому храбро женится.

Проказа, можетъ быть, гнѣздится въ крови многихъ изъ тѣхъ, у кого мы видимъ изуродованные ногти, исковерканное буграми и пупырами лицо и прочее. Но это уже можетъ быть ослабѣвшій отъ времени типъ, пугающій гораздо менѣе, чѣмъ, напримѣръ, золотуха.

Изъ другихъ не эпидемическихъ, а занесенныхъ со стороны, болѣзней, можно упомянуть о *сифилисѣ* и *риштѣ*¹⁾. Множество туземныхъ хакимовъ, практикующихъ въ типичны и неизвѣстности, не позволяетъ статистикѣ добыть цифры заболѣвающихъ сифилисомъ. Но значительная пропорція такихъ больныхъ въ населеніи очевидна... Сынеть, ртуть, какъ уже сказано, есть любимое средство туземныхъ лекарей.

Что касается ришты, то зародыши этого червя водятся преимущественно въ стоячей водѣ *аузовъ*, бассейновъ, а къ текучей водѣ рѣчекъ и арыковъ чувствуютъ природное отвращеніе. По наблюденіямъ покойнаго Федченки²⁾ зародыши эти попадаютъ въ воду бассейновъ при омовеніяхъ. Ришта есть круглый тонкій червь (*filaria medinensis*) бѣловатаго цвѣта, длиною въ 1½ аршинна. Если ее перервать или даже проколоть, то вытекаетъ густая бѣловатая жидкость, въ которой уже подъ лупой можно видѣть множество весьма мелкихъ зародышей, двигающихся весьма

1) Ришта, по-персидски значить нитка.

2) Извѣстія Имп. Общ. Люб. Естествозн. Т. VIII и Русскій Туркестанъ, выпускъ 2-й.

быстро. Зародышъ имѣетъ видъ микроскопическаго червя, длиною въ 0,65 миллим., а толщиною въ 0,02 миллим. Если ршита какъ-нибудь перервана, то зародыши (а ихъ миллионы), при омываніи равы, попадаютъ въ арыкъ, а затѣмъ и въ бассейнъ, куда арыкъ входитъ. Здѣсь въ стоячей водѣ обыкновенно множество *циклоповъ*—водяныхъ вшей, какъ называютъ русскіе. Зародыши обвиваются около мохнатыхъ ножекъ циклоповъ и пробуравливаются черезъ брюшные покровы ихъ внутрь, гдѣ и развиваются, теряя при этомъ свой хвостъ и становясь короче на двѣ-десятыхъ миллиметра. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ вода въ бассейнахъ рѣдко освѣжается—тамъ и циклоповъ больше, а слѣдовательно и ршита чаще встрѣчается. Знамениты въ этомъ отношеніи Джизакъ, Бухара и Карши. Циклопъ едва замѣтенъ для глазъ и человѣкъ, не употребляющій фильтры или довѣряющійся сырой некипяченой водѣ, проглатываетъ тысячи этихъ животныхъ. При кипяченіи все водяное населеніе умираетъ и тонетъ на дно сосуда—вода безвредна. Хорошая фильтра не пропуститъ этого населенія въ вашъ стаканъ, и это пока *единственныя* средства, предохраняющія отъ зараженія ршитой. Для очищенія самихъ прудовъ Федченко рекомендуетъ развести въ нихъ рыбъ, которыя будутъ поѣдать циклоповъ миллионами.

Попавъ въ желудокъ, оттуда въ кишки, млечный протокъ и наконецъ въ артеріи, зародыши разносятся кровью по всему тѣлу и остаются въ подкожной клетчаткѣ, а иногда и въ клетчаткѣ между мускулами. Здѣсь червь начинаетъ расти, питаясь сосаніемъ. Порошица у него заростаеъ, вѣроятно, какъ не нужная. Чаще всего ршита встрѣчается въ нижнихъ конечностяхъ, но бываетъ и въ другихъ частяхъ тѣла—даже подъ кожей головы. Лежитъ она обыкновенно вытянувшись во всю длину, иногда же, особенно, когда ихъ нѣсколько экземпляровъ, то и клубкомъ, величиною съ дѣтскій кулакъ. Въ Ташкентѣ у одного, чуть ли не самаго богатаго въ краѣ туземца, извлечено было однажды двѣнадцать штукъ изъ разныхъ частей тѣла.

Окончательнаго развитія ршита достигаетъ въ теченіе жаркихъ мѣсяцевъ, съ мая по августъ. Въ это время, на томъ мѣстѣ кожи, гдѣ приходится головка ршиты, образуется краснота и маленькій зудящій пупырышъ. Больной часто расчесываетъ это мѣсто и тогда въ отверстіи, при давленіи на окружающую кожу, видна бываетъ головка ршиты.

Раздраженіе и красноту Федченко приписываетъ прекратившемуся росту и смерти ршиты, но тогда отчего же эти явленія не обнаруживаются на противоположномъ концѣ, т.-е. у хвоста,

который къ тому же заворачивается крючкомъ? Кажется, вѣрнѣе предположить, что при остановкѣ роста ршита сосетъ все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а это, вѣроятно, и раздражаетъ на концѣ кожу до степени маленькаго нарыва.

Туземцы извлекаютъ ршиту двумя способами: въ разстояніи дюйма отъ ранки приподнимаютъ иголкой кожу и срѣзаютъ ее бритвой, круглая ранка углубляется послѣдовательными срѣзами, пока не обнаружится тѣло ршиты. Тогда подъ нее запускаютъ иголку и вытаскиваютъ передній конецъ паразита. Конецъ этотъ, длиною въ дюймъ, легко захватывается пальцами и червя тянутъ, нажимая другою рукою на задній его конецъ. На все это требуется минута времени, во при этомъ иногда случаются разрывы, и тогда-то начинается самый болѣзненный процессъ: во всемъ каналѣ, занятъ ршитой, начинается нагноеніе, и если она проходила черезъ сочлененія, то больной не можетъ двигать конечностью за сильною болью. Сведеніе конечностей, постоянная хромота, а иногда и смерть бывають исходомъ неудачной операціи. Говорять, впрочемъ, что такой исходъ случается только тогда, когда операторъ, вмѣсто ршиты, вытянетъ и оборветъ кусокъ нерва. Сходство между нервомъ и ршитою дѣйствительно существуетъ: не даромъ ее назвали *vena medinensis*, *pervus medinensis*.

Другой способъ состоитъ въ томъ, что выставившуюся изъ ранки головку ущемляютъ въ расщепъ палочки и осторожно наворачиваютъ ршиту, какъ веревку на воротъ. Когда почувствуется нѣкоторое затрудненіе, операцію прекращаютъ и палочку приклеиваютъ пластыремъ у самой ранки, а сверху обвязываютъ тряпочкой. Такой процессъ повторяется ежедневно, и потому на всю операцію извлеченія ршиты понадобится нѣсколько дней. Это ~~хотя~~ и медленно, за то вѣрно. Русскіе врачи предпочли послѣдній способъ, какъ безопасный... Ршита встрѣчается еще въ Индіи, Аравіи и Африкѣ; изъ этой послѣдней она завезена съ неграми на острова Южной Америки. Африканская ршита достигаетъ иногда до пяти съ половиною аршинъ. Наша туркестанская сходна съ индійскою.

Изъ остальныхъ болѣзней заслуживають упоминанія еще *султане*, иначе *кухча*, *куйдура*. Состоитъ она въ томъ, что на кожѣ появляется бѣлый пупырышекъ; воспаленная вокругъ кожа темнѣетъ, пятно растетъ и также темнѣетъ, окружность припухаетъ; наконецъ, пятно дѣлается чернымъ, величиною съ четвертакъ; больной впадаетъ въ горячку и умираетъ. Туземцы излечиваються пржиганіемъ каленымъ желѣзомъ; операцію повторяють пять

или шесть разъ. Кора, образовавшаяся на мѣстѣ прижиганія, лупится и сходитъ сама собой—тѣмъ дѣло и оканчивается.

Мнѣ не приходило наблюдать этой болѣзни, но, кажется, она имѣетъ сходство съ сибирской язвой. Уральцы, издавши всякіе виды, расправляются съ этою язвой весьма рѣшительно: какъ только пупырышекъ зудитъ—сейчасъ ему дѣлается проба: втыкаютъ въ него иглу, и если больно, то значить не «сибирская», а если не больно, то ее выковыриваютъ ножомъ и затираютъ нашатыремъ. Въ Ташкентѣ, въ 1871 году, три обойщика изъ рядовыхъ стрѣлковаго батальона заразились отъ непромытой ими шерсти, которою набивали мебель, и двое поплатились жизнью. Владѣлецъ мебели рѣшился—было предать ее огню, но ветеринарный врачъ З—чъ предложилъ окурить вынутую изъ-подъ обивки шерсть хлоромъ и затѣмъ, въ доказательство ея безвредности, вытеръ себѣ этою шерстью руки и шею.

О числѣ больныхъ, выздоровѣвшихъ и умершихъ, нельзя дать и гадательной цифры. Да и число заболѣвавшихъ, можно сказать, совершенно неизвѣстно. Къ русскому врачу, живущему въ центрѣ уѣзда, обращаются развѣ только изъ ближайшихъ кишлаковъ, да и то еще при условіи, что врачъ сумѣлъ внушить къ себѣ довѣріе. — За 1868—1869 годы къ кураминскому врачу обращалось едва-едва 200 человекъ—явный знакъ, что врачъ не пользовался довѣріемъ туземцевъ. То же явленіе повторилось и въ ходжентскомъ уѣздѣ, гдѣ врачомъ былъ также старый, все перзабывшій лекарь.

Какъ шло дѣло въ остальныхъ уѣздахъ—видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1868 году къ уѣзднымъ врачамъ являлось 2562 больныхъ; въ 1869 — 7040.

Правда, что врачи не имѣли почти никакихъ средствъ къ подаію *дѣйствительной* помощи: назначенная для этого отъ казны сумма въ 200 р. была удерживаема въ медицинскомъ управленіи округа для выписки оптомъ лекарствъ изъ Петербурга. Врачамъ оставалось только 40 р. на спиртъ, уксусъ, перевязочные матеріалы и прочее. Съ этимъ, конечно, много не сдѣлаешь. Что касается до удержанной суммы, то ее довѣрили отвезти по назначенію (почтъ для денежной корреспонденціи устроено еще не было) какому-то чиновнику. Сумма пропала, никѣмъ пополнена не была, и врачи лечили два года одними *совѣтами!*

Оспопрививаніе въ народѣ извѣстно издавна и кажется заимствовано изъ Индіи, судя по мѣсту, гдѣ производится операція: на тыльной поверхности кисти у большого пальца.

Наши врачи получаютъ оспу изъ воспитательнаго дома въ

герметически запаянныхъ стеклянныхъ трубочкахъ. Матерія, впрочемъ, не всегда дѣйствительна, да, кромѣ того, нашъ кураминскій врачъ долго не зналъ какъ съ ней быть: размачивать ли ее, если она въ трубочкѣ подсохла, или нѣтъ?

За два года онъ не привилъ оспу ни разу, да туземцы и не давали ему дѣтей. — Принуждать же мы не рѣшались, и кажется хорошо сдѣлали; въ ходжентскомъ уѣздѣ принужденіе вышло въ 1871 году открытое возстаніе, имѣвшее, правда, кромѣ того, еще одну причину—постоянное возрастаніе налоговъ. Пушени были, ханжами, конечно, фразы о наложеніи русскаго клейма, о привитіи мусульманскимъ дѣтямъ крови кяфировъ и проч. Въ Сырѣ-Дарьинской области оспа привита была въ 1869 году только 1163 дѣтямъ; изъ этого числа на долю Ташкента приходится 700 пациентовъ и затѣмъ на долю Перовска 376, остальныхъ 87 пациентовъ приходится раздѣлить на *шесть уѣздовъ!*

Въ Семирѣченской области это дѣло шло гораздо успѣшнѣе: въ 1868 г. привито 2158 лицамъ, а въ 1869 году—23,754¹⁾. Цифра увеличилась въ 11 разъ. Изъ этого числа Вѣрное беретъ 64,4%, затѣмъ токмакскій уѣздъ 25,4%. Въ Сырѣ-Дарьинской области, такъ сказать подъ глазами медицинской власти округа, дѣло это даже и въ 1870 году двигалось весьма тихо: въ Ташкентѣ привита оспа 849 дѣтямъ (тутъ 49 русскихъ), въ казалинскомъ уѣздѣ 516, а въ остальныхъ по одному!

Неспособность нашего врача къ дальнимъ переѣздамъ верхомъ подала туземцамъ мысль *нанять себѣ другаго врача изъ русскихъ*. Съ просьбами въ этомъ смыслѣ они неоднократно обращались къ уѣздному начальнику, но онъ могъ добиться только того, что въ помощь къ доктору былъ присланъ фельдшеръ. Впослѣдствіи, когда старый штабъ-лекаръ выслужилъ срокъ къ пенсіи, на его мѣсто поступилъ молодой докторъ медицины, который, конечно, поведетъ дѣло какъ слѣдуетъ. ✓

Въ концѣ 1868 года выборные отъ населенія кураминскаго уѣзда, сознавая всю пользу новаго устройства, только-что введеннаго при ихъ содѣйствіи организационною комиссіею, просили разрѣшенія открыть подписку на сооруженіе въ Той-Тюбе какого-нибудь памятника. Тогдашній уѣздный начальникъ, полковникъ Колзаковъ, отклонилъ это предложеніе, указавъ другое, болѣе сообразное употребленію пожертвованію: онъ предложилъ устроить вмѣсто памятника больницу. Мысль эта была сочувственно принята выборными. Военный губернаторъ разрѣшилъ подписку,

1) Въ томъ числѣ 22,61 кыргызовъ.

и къ 25 августа 1869 г. собрано было около 1740 р. На первыя же деньги была выписана изъ Петербурга довольно полная аптека и затѣмъ, съ мая 1869 г., начата постройка больницы. ✓ Сверхъ единовременнаго взноса, волостные управители и члены хозяйственныхъ управлений обязались вносить три процента изъ жалованья, что составляло въ годъ 2400 р.

✓ Къ зимѣ 1870 г. больница была окончена. Вся постройка вмѣстѣ съ мебелью обошлась около 6500 р. Больница одноэтажная, состоитъ изъ 8 комнатъ, кухни и сѣней. Отдѣльно во дворѣ еще необходимыя пристройки.

На этомъ дѣло и стало. Медицинская власть области потребовала составленія штата больницы, и вотъ пошла переписка. Зданіе стоитъ пустымъ вотъ уже пятый годъ: ни особаго врача, ни повивальной бабки до сихъ поръ не назначаютъ, приходившихъ больныхъ пользуется все тотъ же фельдшеръ, произведенный уже въ чиновники; одна изъ палатъ занята подъ аптеку, другая назначена на случай проѣзда чиновныхъ особъ, а комната врача занята фельдшеромъ-чиновникомъ.

Уѣздная администрація, наконецъ, и сама сложила руки, такъ какъ противъ необходимости вести дѣло «законодательнымъ порядкомъ» — ничего подѣлать невозможно, а торопить всѣ вышестоящія инстанціи кто имѣетъ силу? — Ко всему это присоединилось еще то обстоятельство, что сел. Той-Тюбе перестало быть административнымъ центромъ уѣзда и теперь рѣдко посѣщается властями.

Что касается до аптеки, то медикаменты, выписанные изъ С.-Петербурга, прибыли въ нѣсколькихъ большихъ ящикахъ въ декабрѣ 1869 г. Приѣхавъ въ Той-Тюбе въ апрѣлѣ 1870 года, я нашелъ эти ящики не раскупоренными и сваленными въ пустой квартирѣ прежняго помощника. Врачъ заявилъ, что въ фармацевтикѣ онъ не силенъ и потому не рѣшается приступить къ разбору медикаментовъ. — Я когда-то занимался этимъ дѣломъ въ аптекѣ одного моего пріятеля, и пріобрѣтенныя тогда свѣдѣнія пришлись теперь весьма кстати. Всякое, самое скромное знаніе, при отсутствіи специалистовъ, всегда пригодится и принесетъ свою пользу. Это испытывается здѣсь на каждомъ шагѣ.

Много медикаментовъ оказалось попорченными; нѣсколько банокъ разбилось, и такъ какъ въ одной изъ нихъ была еулема, то я вынужденъ былъ выкинуть и зарыть въ землю нѣкоторую часть тѣхъ пакетовъ, которые пострадали. Слѣдуетъ обратить вниманіе петербургскихъ дрогистовъ и на цѣташъ: сколькими листами бумаги его ни завертывай — все-таки онъ

сырѣеть, проѣдаетъ бумагу и портитъ сосѣдніе пакеты. Кислоты прибыли благополучно, въ особенности тѣ, у которыхъ пробки были залиты гипсомъ.

Когда все было устроено, я пригласилъ, собравшихся по какому-то случаю, членовъ всѣхъ хозяйственныхъ управлений и показалъ имъ нашу русскую *дару-хана* (лекарственный домъ). Туземцы обращали особенное вниманіе только на цвѣтныя вещества: сѣрный цвѣтъ, плауновое сѣмя, синій и зеленый купоросъ, испанскія мушки, разнохарактерный рядъ тинктуръ и проч. Я знакомилъ ихъ со свойствами нѣкоторыхъ веществъ, сыпалъ на пламя зажженной бумаги плауновое сѣмя, давалъ нюхать дымящуюся крѣпкую водку (азотная кислота), соляную кислоту и нашатырный спиртъ. Превращалъ имъ холодную воду въ горячую прибавленіемъ сѣрной кислоты, дѣлалъ шипучую содовую воду и наконецъ роздалъ по нѣскольку щелчковъ электро-магнитнымъ аппаратомъ Румкорфа.

Надобно было откомендовать наши врачебныя средства съ перваго разу — и это мнѣ удалось какъ нельзя болѣе. Туземцы были сильно заинтересованы и не скрывали своего удовольствія. Тѣ же, которые старались-было сохранить равнодушный видъ, теряли всякое самообладаніе, когда имъ давали въ руки цилиндры Румкорфа. Гости потѣшались надъ безплодными усилиями своего товарища разжать руку и выпустить «шайтана», а когда всѣ переиспытали на себѣ эту невиданную штуку, то выскакивали на улицу и тащили всякаго встрѣчнаго, надъ которымъ и потѣшались. Впослѣдствіи мнѣ еще не разъ приходилось показывать «шайтана въ сундукъ» — людямъ, пріѣзжавшимъ нарочно Богъ знаетъ откуда.

Съ этихъ поръ больные стали прибывать все болѣе и болѣе. Тогда-то и явилась настойчивая необходимость имѣть фельдшера, на котораго бы можно было возложить завѣдываніе аптекой. Присланный къ намъ фельдшеръ, изъ сибирскихъ казаковъ, оказался личностію весьма почтенною и достаточно знакомою съ дѣломъ. Скоро онъ пріобрѣлъ большую практику.

Запасомъ своимъ кураминская аптека не разъ выручала изъ нужды ташкентскую казенную, и многіе ташкентскіе врачи зачастую обращаются къ этому запасу, такъ какъ въ немъ имѣются и средства, не полагающіяся по казенному каталогу. Нѣтъ надобности и говорить, что запасъ этотъ ежегодно пополняется новыми выписками. Это обиліе средствъ заставляеть еще болѣе жалѣть о невольномъ бездѣйствіи больницы.

Въ 1868 году, до свѣдѣнія администраціи дошелъ только

одинъ случай насильственной смерти: во время затѣянной киргизами игры *козъ-бури* (сѣрый волкъ¹⁾), одинъ изъ участвующихъ заскакалъ въ Чирчикъ, да тамъ и утонулъ.

Въ 1869 году случаевъ насильственной смерти было 6, — всѣ отъ несчастныхъ случаевъ.

Въ 1870 году въ уѣздѣ насильственныхъ смертей, вслѣдствіе убійства, произошло 5. Самоубійствъ 1, случайныхъ 16 (утонуло 4, задавлено при земляныхъ работахъ 3). Всего 22 случая. Въ сосѣдномъ ходжентскомъ уѣздѣ такихъ случаевъ было 130; изъ этого числа жертвами убійства были: 18 мужчинъ и 2 женщины. Такая значительная цифра происходитъ, конечно, вслѣдствіе со-сѣдства съ независимымъ ханствомъ Коканскимъ, куда легко могъ укрываться каждый разбойникъ. Всего въ Сыръ-Дарьинской области произошло 210 случайныхъ смертей. Изъ этой цифры 48 случаевъ приходится на убійства.

Санитарный очеркъ уѣзда заключимъ данными по эпизоотіи. До сихъ поръ была только одна, въ 1870 году, отъ голода, по случаю занесенныхъ буранами тебеневокъ. Пало 225,000 овецъ, 16,200 лошадей, 6,400 верблюдовъ, 6,000 рогатаго скота и 800 ословъ. Всего 254,600 штукъ на 1.575,000 р. Въ другихъ уѣздахъ случалась и чума рогатаго скота. Въ 1868 г. въ токмакскомъ уѣздѣ палъ *весь* скотъ — до 70,000; затѣмъ чума перешла въ вѣрненскій уѣздъ и т. д., а всего пало до 260,000 головъ на 3 милліона рублей. Весною 1869 года трупы были зарыты, а частію и сожжены — чума и прекратилась.

Казенныхъ учебныхъ заведеній въ уѣздѣ не имѣется, а частныхъ школъ, содержимыхъ на вакуфы (завѣщанныя для этой цѣли и вообще на благотворительныя учрежденія имущества), или при мечетяхъ, или наконецъ частными лицами, считается 215. Изъ нихъ 209 низшихъ, или *мактубъ-хана*, и 6 *медресе*, или высшихъ. Учениковъ считалось въ 1869 году 1795 человекъ, что даетъ по 8,3%, на каждую школу. Отношеніе же числа учащихся къ общей массѣ населенія составляетъ только 1,6%.

Мечетей въ уѣздѣ считается 365, а муллъ до 813 человекъ. Муллы болѣею частію занимаются и учительствомъ.

¹⁾ Игра состоитъ въ томъ, что кто-нибудь изъ участвующихъ беретъ на сѣдло зарѣзаннаго козла и скачетъ въ поле, за нимъ гонятся остальные, отнимаютъ козла, рвутъ его въ руки другъ друга и дѣйствительно иногда разрываютъ на части, какъ волки.

Учители-муллы мало чѣмъ отличаются отъ своихъ учениковъ; многіе изъ нихъ даже не рѣшились записаться въ списокъ муллъ, когда организаціонная комиссія собирала свѣдѣнія. Въ нѣкоторыхъ школахъ даже не учатъ ни читать, ни писать, ограничиваясь заучиваніемъ съ голоса двухъ-трехъ молитвъ.

Почти всѣ мечети бѣдны, а которыя и были когда-то великолѣпны — тѣ нынѣ въ развалинахъ и запустѣніи. Киргизская мечеть чаще всего состоитъ изъ ветхаго камышеваго шалаша, устроеннаго по образу и подобию кибитки. Муллы при нихъ обыкновенно изъ сартовъ и, конечно, изъ такихъ, которые въ своемъ кишлакѣ, между сартами же, врядъ ли удостоились бы даже званія простаго азанчи, замѣняющаго колоколъ въ призывѣ на молитву. Понятное дѣло, что такіе муллы, какъ незнакомые съ ученіемъ своей религіи, не могутъ и сами быть слишкомъ требовательными отъ другихъ. Это ведетъ къ полному равнодушію киргизовъ къ дѣлу религіи: они почти всѣ безъ исключенія довольствуются только однимъ наружнымъ благочестіемъ и соблюденіемъ обрядовъ. Между сартами иногда встрѣчаются и такіе лицемѣры, что разстилаютъ свои халаты и творятъ намазъ даже на какихъ-нибудь пирушкахъ во время пляски бачей, на вечерахъ у русскихъ начальниковъ, и т. д. Въ простодушныхъ людяхъ это, конечно, возбуждаетъ нѣкоторое къ нимъ уваженіе, а ханжа изъ всего сдумаетъ извлечь выгоду.

Въ низшихъ школахъ довольствуются обученіемъ чтенію и письму. Ученики ведутся параллельно и никому не дозволяется забѣгать впередъ. Разсидѣвъ на полу свою академію, мулла заставляеть всѣхъ выкрикивать за собою названія буквъ: алифъ, бей, пей, тей и т. д., точь-въ-точь наше старинное: азъ, буки, вѣди, глаголь... Азбуку заучиваютъ серіями по нѣскольку буквъ въ урокъ, затѣмъ переходятъ къ складамъ и т. д. До тѣхъ поръ, пока *всѣ* не будутъ знать твердо заданнаго, мулла не пойдетъ дальше. Ему легко слѣдить за успѣхами, потому что при выкрикиваніи складовъ сейчасъ слышно, если кто вреть. За то одинъ плохой, невнимательный или тупой ученикъ задерживаетъ весь классъ. Такимъ образомъ лучшіе ученики вынуждены идти не болѣе успѣшно, какъ и худшіе: въ школѣ равняются не по переднимъ, а по отсталымъ. Въ этомъ надобно искать объясненія тому факту, что многіе никакъ не могутъ научиться читать и писать даже въ теченіи 8—9 лѣтъ! Правда, что азбука арабская, со своими 114 знаками, нѣсколько сбивчива: отдѣльно буква пишется иначе, чѣмъ въ началѣ слова, иначе пишется въ срединѣ, иначе въ концѣ. Такимъ образомъ 32 буквы персидскаго

алфавита пишутся на 114 манеръ, и то еще потому, что 7 изъ нихъ не соединяются съ послѣдующими. Кромѣ того, много буквъ отличаются другъ отъ друга только лишней точкой *надъ* или *подъ* строкой. Точки не всегда ставятся на мѣстѣ и для красоты относятся въ сторону, группируются съ сосѣдними, а не то и вовсе пропускаются. Это затрудняетъ даже и опытнаго чтеца.

Въ высшихъ школахъ обученіе ведется такъ же самымъ несложнымъ, убивающимъ всякое развитіе, способомъ. Учениковъ сажаютъ за коранъ, чаще всего казанскаго изданія, и начинается громогласное выкрикиваніе.

Заучивъ въ-долбяжку нѣсколько суръ корана, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ при совершеніи намазовъ, да подъ конецъ подкрасивъ свой запасъ свѣдѣній нѣсколькими стихотвореніями Фердусси и Гафиза, туземецъ выходитъ изъ школы съ тѣмъ возрѣніемъ на міръ, какое существовало 1200 лѣтъ назадъ, при Магометѣ!

Никакой прогрессъ въ мусульманской школѣ невозможенъ, пока она держится на одномъ коранѣ, ибо никто не смѣетъ отступать отъ буквы корана, никто не смѣетъ толковать его непознаннымъ способомъ! Степень успѣшности занятій въ медресе выразится развѣ только въ меньшемъ или большемъ числѣ лѣтъ, употребленныхъ на зубреніе корана: студенты медресе учатся не всегда табуномъ, но иногда и врознь. Во всей Сыръ-Дарьинской области въ 1870 году было только 4 русскихъ школы со 150 учениками. Въ Казалинскѣ и Перовскѣ существовали еще двѣ смѣшанныя школы для русскихъ и киргизскихъ дѣтей; тамъ считалось 133 ученика. Народныхъ мусульманскихъ школъ считалось 545 съ 10,300 учениковъ. Изъ этого числа на одинъ Ташкентъ приходилось 130 школъ съ 3,390 учениками, да въ Курамѣ 215 школъ съ 1795 учениками, такъ что на долю остальныхъ городовъ и *шести* уѣздовъ остается только 200 школъ съ 5,118 учениками. Когда-то наука процвѣтала въ Средней Азіи: тутъ были и геометры, и астрономы; въ Самаркандѣ до сихъ поръ еще можно различить мѣсто, гдѣ была обсерваторія. Теперь математическія науки передаются развѣ только отъ одного *мастера* къ другому, и то въ извращенномъ видѣ. Площади треугольниковъ и трапецій вычисляются не по основанію и высотѣ, а по двумъ сторонамъ, отчего цифра выходитъ всегда значительно больше. Цифирная мудрость здѣсь облекается мантией кабадистивы, и я самъ видѣлъ въ Той-Тюбе такъ-называемаго *ученаго*, облеившаго свою комнату разными кабадистическими рисунками и чванившася тѣмъ, что онъ умѣетъ писать до *милліона*.

Мы сказали уже, что основа всему обученію, краеугольный камень знанія мусульманина—есть коранъ. Эта священная книга заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію правовѣрныхъ, мудрость всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ. Вѣ корана—все вздоръ, все суемудріе. Если анекдотъ объ Омарѣ, приказавшемъ сжечь Александрійскую бібліотеку, можетъ быть и вымышленъ, то онъ все-таки весьма характеристиченъ и какъ нельзя лучше рисуетъ взглядъ истаго мусульманина на все ему чуждое. Всѣ басни и чудеса, рассказанныя пророкомъ, принимаются до сихъ поръ какъ непреложная истина. Самый ученый человекъ будетъ вести съ вами бесѣду о семи-этажныхъ небесахъ и подкрѣплять свои доводы ничѣмъ инымъ, какъ кораномъ. Что луну можно разсѣчь саблей—это не подлежитъ сомнѣнію, ибо сдѣлано было пророкомъ.

Самый сильный и естественный врагъ всѣхъ допотопныхъ теорій и легендъ о первыхъ дняхъ земного шара—это геологія. Земной шаръ есть раскрытая книга, по которой читается исторія мірозданія. Глубокія трещины, разсѣлины горныхъ массъ, обга-ружившая тайны напластованій, даютъ ключъ къ разгадкѣ таинственныхъ писемъ природы. Отсюда разладъ, двойственность школьнаго преподаванія: геологія насчитываетъ цѣлые милліоны лѣтъ существованія земли, а хранители преданій, записанныхъ три тысячи лѣтъ назадъ, отстаиваютъ свой счетъ. Казалось бы, согласить всѣ противорѣчія не трудно: стоить только вспомнить, что для Предвѣчнаго нѣтъ времени и пространства, а потому нашъ мелкій счетъ на дни и годы совершенно не пригоденъ по отношенію къ нему: то, что мы называемъ *днемъ*, въ эпоху мірозданія занимало милліоны лѣтъ!

Закопѣлость послѣдователей Магомета, усвоившаго, какъ известно, и еврейскія преданія, дѣлаетъ невозможнымъ никакое усовершенствованіе въ дѣлѣ образованія. Мѣстная администрація, не желая, изъ понятной осторожности, касаться этого вопроса и вводить что-либо новое въ туземныхъ школахъ, рѣшилась предоставить ихъ на волю судьбы, какъ-бы не замѣчая ихъ существованія. Должность *раиса*, обязаннаго наблюдать за неуклоннымъ посѣщеніемъ дѣтьми школы, была упразднена. Народъ увидѣлъ въ этомъ облегченіе, такъ какъ раисы были строги, и считалъ, что отнынѣ обученіе грамотѣ перестало быть *обязательнымъ*, какъ прежде. Отсюда объясненіе того факта, что на школу приходилось, въ 1869 году, только по восьми учениковъ. Теперь же многія школы стоятъ и вовсе пустыми. Безсодержательность и рутинная закопѣлость туземной школы, не давая ученику ничего живого, ничего пригоднаго въ житейскомъ быту,

притупляла только способности дѣтей. Народная масса давно знавала это и ходила въ школу только изъ-подъ палки. Довольно было убрать эту палку, и совершенно обезпеченныя вакуфами школы запусѣли.

Съ другой стороны, генераль фонъ-Кауфманъ надѣялся по дѣйствовать примѣромъ русскихъ школъ.

Туземцы въ сущности не фанатики (я говорю о массѣ): они, напримѣръ, находятъ, что Богъ, очевидно, полюбилъ русскихъ и потому во всемъ имъ помогаетъ, значить, сопротивляться имъ все равно, что сопротивляться волѣ Божіей. Изъ этого уже само собой вытекаетъ, что надобно присматриваться къ русскимъ порядкамъ, учиться у нихъ. Въ массу стало проникать сознание о необходимости для своихъ дѣтей, какъ русскихъ гражданъ, такой подготовки, которая бы давала имъ возможность идти въ уровень съ новыми требованіями и быть полезными какъ себѣ, такъ и обществу.

Въ 1871 году, по инициативѣ одного ташкентскаго купца, нѣсколько богатыхъ туземцевъ подали заявленіе о желаніи своемъ дать дѣтямъ воспитаніе, болѣе соответствующее современному быту и нуждамъ края. Просители указывали на запусѣлое ишанкульское медресе, которое напрасно пользуется только вакуфомъ и которое легко можно бы было приспособить къ новымъ требованіямъ. (Упомянутой купецъ пожертвовалъ на случай какихъ-нибудь передѣлокъ 2,500 р. сер.)

Генераль-губернаторъ весьма сочувственно отнесся къ этому дѣлу и немедленно сформировалъ комиссію изъ нѣсколькихъ переводчиковъ и почетныхъ туземцевъ для составленія правилъ примѣненія русскаго алфавита къ письменной передачѣ туземныхъ нарѣчій, а также для составленія краткой хрестоматіи въ русской транскрипціи. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ пишущій эти строки.

Къ сожалѣнію, между переводчиками нашей комиссіи не было ни одного, знающаго основательно таджинское нарѣчіе, а всѣ знали татарскій языкъ, навязываемый туземцамъ нашими толмачами-чиновниками. Кромѣ того, всѣ толмачи были очень заняты по службѣ; почетные туземцы посѣщали комиссію только два раза. Такое отношеніе туземцевъ къ дѣлу можно было объяснять, пожалуй, охлажденіемъ, а не то и полнымъ отступленіемъ: начатое сгорая, подъ вліяніемъ разговоровъ съ нѣкоторыми русскими знакомцами, дѣло это успѣло вызвать въ средѣ туземнаго духовенства нѣкоторое неудовольствіе. Спохватившіеся муллы поскорѣе подновили обреченное на реформу медресе, набрали

учениковъ и давно молчаливые своды снова огласились мусульманскимъ ученіемъ.

Требовать отъ членовъ комиссіи какихъ-нибудь работъ я не могъ, потому что единственное свободное ихъ время была ночь. Поэтому, мнѣ оставалось только заняться самому. Я составилъ руководство для учителей и азбуку по методу Столпянскаго, для одновременнаго обученія письму и чтенію. Оба эти руководства уже изданы въ началѣ нынѣшняго года.

Руководства эти составлены собственно для осѣдлыхъ узбековъ, а не для киргизовъ. Я имѣлъ въ виду, что европейскіе алфавиты, требующіе письма отъ лѣвой руки къ правой, — не годятся для кочевника, у котораго нѣтъ никакой мебели. Когда не на что положить бумагу, то лучше всего держать ее на ладони лѣвой руки, а при этомъ писать слѣва направо далеко не такъ удобно, какъ наоборотъ, справа налево или сверху внизъ. Всѣ первобытныя восточныя письмена такъ и принаровлены: или столбцами сверху внизъ, или справа налево. При этомъ большой палецъ лѣвой руки удобно подвигаетъ бумагу по мѣрѣ движенія *калема* (тростниковое перо) и писать можно во всѣхъ положеніяхъ: сидя, лежа или стоя. Я полагалъ, поэтому, что нашъ алфавитъ привьется скорѣе между *осѣдлыми*, а тогда ему уже легче будетъ проникнуть и къ кочевымъ. Въ столь важномъ дѣлѣ я не хотѣлъ пренебречь и самымъ незначительнымъ условіемъ, которое бы могло вліять на успѣхъ при самомъ началѣ.

Въ февралѣ 1872 года учреждено было нѣсколько комиссій, для разработки новаго проекта положенія, въ томъ числѣ явилась и комиссія по устройству учебной части: но такъ какъ члены этой комиссіи были вообще отвлекаемы другими занятіями¹⁾, то я одинъ и доканчивалъ работу. Въ представленномъ мною проектѣ предполагалось учредить *начальныя* школы по ауламъ и кишлакамъ, *уѣздныя* — для образованія учителей въ начальныя школы и, наконецъ, *учительскую семинарію* — для приготовленія учителей въ уѣздныя школы. На первый разъ, конечно, приходилось бы открывать прямо учительскую семинарію, такъ какъ готовыхъ учителей ни для начальныхъ, ни для уѣздныхъ школъ пока не имѣлось. Въ программу преподаванія введенъ былъ и русскій языкъ. Проектъ этотъ былъ переданъ

¹⁾ По недостатку людей, годныхъ для работы, многіе были въ одно и то же время членами двухъ и болѣе комиссій. Я самъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ въ четырехъ комиссіяхъ: 1) по устройству казачьихъ полковъ; 2) по устройству почетовой части; 3) по устройству учебной части, и 4) по введенію городского положенія, да еще предсѣдательствовалъ у переводчиковъ.

одному старому кавказскому полковнику, назначенному дѣлопроизводителемъ *центральной* комиссіи и, говорятъ, потерпѣлъ значительныя измѣненія. Затѣмъ, подвергся окончательной чисткѣ, и въ концѣ 1873 года, наконецъ, представленъ въ особый комитетъ, учрежденный въ С.-Петербургѣ для обсужденія всѣхъ туркестанскихъ проектовъ. Что изъ всего этого выйдетъ — вопросъ будущаго.

Однимъ изъ главныхъ основаній проекта народныхъ школъ было принято обученіе русскому языку; для *киргизскихъ* школъ русскій алфавитъ долженъ былъ замѣнить арабскую азбуку. Вотъ соображенія, которыми комиссія наша руководилась: 1) труды Ильминскаго, Григорьева и другихъ ясно доказали, что нашъ алфавитъ не только *можетъ* замѣнить арабскій для писанія словъ тюркскаго корня, но онъ еще и лучше его, потому что проще; 2) киргизы поголовно народъ неграмотный, а для неграмотнаго конечно все равно, какой значокъ называть какимъ звукомъ или наоборотъ, все равно, какой звукъ изображать какимъ значкомъ, и потому вопросъ объ алфавитѣ въ этомъ случаѣ не существенъ; 3) если сказать, что коранъ печатается арабскими буквами и что поэтому слѣдовало бы, въ видахъ доказательства своей вѣротерпимости, обучать въ школахъ и этому алфавиту, то необходимо принять въ соображеніе, что киргизы вообще плохіе мусульмане, что коранъ у нихъ большая рѣдкость, что, наконецъ, коранъ печатается у насъ въ Казани и потому никто не мѣшаетъ печатать его русскими буквами. [Въ половинѣ настоящаго столѣтія были приняты оренбургскими властями нѣкоторыя мѣры для охраненія киргизовъ отъ нашествій бухарскихъ проповѣдниковъ, какъ-бы въ противовѣсъ нашей крайней вѣротерпимости, устроившей прежде мечети и школы для пропаганды исламизма, печатавшей на казенный счетъ коранъ, ставившей экзаменованныхъ, *указныхъ* муллъ и даже преслѣдовавшей расколы въ мусульманствѣ, вмѣсто того, чтобы по крайней мѣрѣ *терпѣть* ихъ, хотя бы ради послѣдовательности: при этомъ, между прочимъ, коменданту форта № 1, или Казалинска, предписано было ловить муллъ въ аулахъ и задавать имъ острастку. Комендантъ объявилъ киргизамъ, что за cadaго представленнаго къ нему муллу онъ будетъ платить по три рубля. — Киргизы сразу оказали величайшее усердіе въ доставкѣ муллъ! Мулламъ задана «острастка» (у козаковъ есть для этого годный инструментъ) и объявлено, что если попадутся въ другой разъ, то порція острастки будетъ увеличена... Усердіе киргизовъ нисколько не охладѣло

даже и тогда, когда комендантъ понизилъ цѣну до полтинника за штуку.

Мѣра эта была принята для охраненія чистоты мусульманскаго ученія: проповѣдывать разрѣшалось только *указнымъ* мулламъ, а не всякому побродягѣ. Желающій получить дипломъ на званіе муллы долженъ былъ выдержать установленный экзаменъ въ оренбургскомъ магометанскомъ духовномъ собраніи, и затѣмъ утверждался указомъ областного правленія. Комендантъ форта № 1 такъ усердно охранялъ интересы «указныхъ» муллъ, что киргизы, которымъ бухарскіе ханжи порядкомъ таки-надоѣли, считали себя уже свободными отъ стѣснительныхъ намазовъ, длинныхъ правоученій и — дани названнымъ проповѣдникамъ. Теперь ловля муллъ хотя и не практикуется, но официально еще не отмѣнена и потому все дѣло зависитъ отъ взгляда уѣзднаго начальника: явится какой-нибудь Диоклетіанъ — и киргизамъ снова откроется источникъ дохода!

Другое основное правило нашего проекта было: отнюдь не допускать къ дѣлу воспитанія нашихъ татаръ, выходцевъ изъ Казани и Оренбурга. Учителемъ долженъ быть только киргизъ, казмыкъ, башкиръ, таджикъ, но никакъ не татаринъ. Наблюденія показали, что наши *указные* муллы учатъ народъ вовсе не въ духѣ вѣротерпимости; и притомъ они не рѣдко подавали поводъ къ беспорядкамъ своими живыми толкованіями, въ особенности во время какихъ-либо реформъ. Участіе уфимскихъ муллъ въ беспорядкахъ и волненіяхъ киргизовъ Малой Орды въ 1869 году, по поводу введенія новаго положенія — дѣло также доказанное. Муллы не довольствуются своей паствой, они весьма дѣятельно ведутъ пропаганду и между крещеными татарами, чувашами и черемисами. По однѣмъ только *официальнымъ* свѣдѣніямъ такихъ «крещеныхъ» отпало въ мусульманство въ 1862 г. въ одномъ чистопольскомъ уѣздѣ (казанской губерніи) болѣе 3,000 чел. Въ 1866 г. во всей губерніи отпало до 10,000; отпадаютъ цѣлыя деревни.

При наборѣ 1855 года множество рекрутъ-татаръ бѣжало изъ партій въ Бухару и Ташкентъ, такъ-какъ сражаться съ единовѣрцами имъ нельзя... Послѣ войны, вслѣдъ за крымскими татарами потянулись и казанцы...

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго; это, напротивъ, совершенно законное явленіе — иначе и быть не можетъ въ виду усердія, съ каковымъ мы старались распространять между мусульманами книги религіознаго содержанія. Первый разъ казна

напечатала только 3.600 экзempl. корана въ 1797 году, но у мусульманъ печать считалась «грѣхомъ» и книги обыкновенно переписывались. Мы побѣдили предубѣжденіе своихъ татаръ — сначала тѣмъ, что такова «царская воля», а затѣмъ дешевизною казенныхъ изданій. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія мусульманская типографія была перенесена изъ Петербурга въ Казань. Каково идутъ дѣла типографіи, можно судить изъ того, что въ теченіе 7-ми лѣтъ (съ 1853 по 1859) разошлось до 326.000 экземпляровъ книгъ, въ томъ числѣ корана 82,300 экз., *гафтіека* (извлеченіе изъ корана) 165,900, *шераитъ-эль-имана* или катехизиса—77,500. Эта послѣдняя продается по 2^{к.} за книжку. Есть и такія брошюры, которыя продаются по 1/4 коп. — Дешевизна изумительная!..

Государство, конечно, можетъ смотрѣть на вещи иначе, чѣмъ онѣ могутъ казаться частному человѣку, но все-таки какъ-то странно непривычному человѣку, когда въ книгѣ, напечатанной на казенный счетъ онъ вычитаетъ: «О вѣрующіе! убивайте невѣрныхъ всюду, гдѣ бы ихъ ни встрѣтили, если они откажутся принять мусульманство. Сражайтесь за исламъ — религію Бога. Онъ осыплетъ васъ за то милостями, и пошлетъ вамъ счастье. Не ты убиваешь невѣрнаго, а Богъ: когда пускаешь стрѣлу — не ты пускаешь, а Богъ».

Мы не только распространяли мусульманскія книги, но и строили мечети, — которыя приходилось иногда охранять русскими часовыми отъ нападеній самихъ мусульманъ. Таковъ былъ случай разрушенія построенной русскими мечети (на Кавказѣ) изъ-за того, что русскіе мастера бѣлили стѣны кистями, а кисти были изъ свиной щетины! Кто-то шепнулъ, что мечеть съ умысломъ осквернена — каша и заварилась. Въ Иркутскѣ у мусульманской мечети тоже весьма долго стояли русскіе часовые... ✓

Отъ простыхъ російскихъ мусульманъ мы ничего и не ждемъ особеннаго, но отъ мусульманъ *чиновныхъ*, конечно, можно бы было требовать болѣе дружелюбнаго и просвѣщеннаго отношенія къ русскимъ дѣламъ. Между тѣмъ мы знаемъ случаи, гдѣ этого отношенія не было.

Татаринъ, сколько-нибудь знающій свои книги, не упуститъ ни одного случая потолковать съ киргизомъ с вѣрѣ, уличить его въ равнодушія, въ невѣжество, посмѣяться надъ его не-мусульманскимъ именемъ и прочее.

— Что такое *Итъ-аякъ*? — пристааетъ поборникъ ислама къ сконфуженному киргизу.

— Итъ-аякъ — собачья нога! — развѣ прилично называться

такъ вѣрному мусульманину? — Отчего не назвали тебя Магометомъ въ честь пророка, а не то Омаромъ, Гаруномъ, Сулейманомъ? Твоего сына зовутъ *Кара-кутакъ* — зачѣмъ ты далъ такое позорное имя? вѣдь при женщинѣ и сказать-то стыдно?

— Это не я далъ, а жена — тутъ не моя вина... мать даетъ имя, а не отецъ, — оправдывается киргизъ.

— Не баба должна давать имя, а мулла; баба дура — что ей въ мальчишкѣ понравится, она такъ и бухнетъ: будь молю ты Кара-кутакъ, а ты Куте-баръ! Тьфу! мерзость какая!

Дѣйствительно, киргизскія имена весьма часто заимствуются изъ окружающей природы, каковы *Тюльки-бай* — богатая лиса, *Джугъ-барсъ* — тигръ и т. п., или же служатъ точно ярлыкомъ, указывающимъ на скрытыя тѣлесныя достоинства или недостатки... 1) Но что-жъ дѣлать, когда таковъ обычай, и когда дѣти природы понимаютъ приличія по-своему, а чувства стыдливости не знаютъ! — Киргизская дѣвушка, какъ начнетъ прибирать рюхмы для своихъ загадокъ, импровизаций и тому подобнаго, можетъ нерѣдко удивить балованное ухо! — Живя цѣлой семьей въ одной тѣсной кибиткѣ и ничѣмъ не стѣсняясь другъ передъ другомъ, киргизы съ дѣтства привыкаютъ къ большой житейской простотѣ не только на словахъ, но и на дѣлѣ... Въ сущности, они не только не мусульмане, но даже и вовсе не держатся никакой религіи, а это во всякомъ случаѣ удобнѣе и для нихъ и для насъ: дикій кочевникъ сохранился въ первобытной простотѣ, и представляетъ дѣвственную почву, годную для какихъ угодно насажденій.

Эту-то первобытную простоту и желательно было бы сохранить подалѣе отъ растлѣвающаго прикосновенія мусульманства. Средство тутъ одно: беречь киргизовъ отъ татаръ, какъ отъ волковъ овецъ.

Я уже говорилъ выше, какъ относимся мы къ религіи туземцевъ: мы до сихъ поръ не только не проповѣдывали христіанства, но были случаи, когда даже *отвергались* просьбы туземцевъ, которые хлопотали о принятіи ихъ въ православіе.

— Ваша вѣра лучше, — говоритъ туземецъ: — все вамъ удастся; Аллаху вы очень понравились, любить онъ васъ.

— Это все такъ, — отвѣчаетъ нашъ священникъ: — но вѣдь

1) Не напоминаетъ ли это американскіе: соколиный глазъ, вѣрная рука, красный волкъ и проч. Цѣлые под-отдѣленія киргизскихъ родовъ носятъ иногда замисловатая названія. Таково, напр., *Клюскансызъ*, безъ пахвей, у кунградцевъ. У запорожцевъ: нечось, перебий носъ, полтора-кожуха и т. п.

наша вѣра трудная, законъ строгій, ты по-русски ничего не знаешь—значить и законъ не поймешь, — научись прежде нашему языку и тогда приходи.

Попытка одного изъ членовъ алтайской миссиі, въ 1870 году, завязать сношенія съ Туркестаномъ и положить здѣсь начало миссіонерской дѣятельности, не увѣнчалась успѣхомъ. Всѣ доводы идеалиста были разбиты практическою мудростію опыта. Вѣдь англичане пріобрѣли за свои проповѣди всеобщую ненависть, развили въ народѣ религіозный фанатизмъ, какъ реакцію своей затѣѣ, и создали, такимъ образомъ, для себя неисчислимыя затрудненія въ будущемъ. Честный мусульманинъ, не преступающій ни въ чемъ нашихъ *гражданскихъ* законовъ, на мой взглядъ лучше тѣхъ плохихъ полу-христіанъ, полуязычниковъ, которые не извлекаютъ изъ новой религіи лучшихъ правовъ, и какіхъ часто производятъ неудачное миссіонерство.

Зачѣмъ же держались у насъ такой политики воздержанія отъ проповѣди? Зачѣмъ отталкиваемъ всякаго мусульманина, и если дѣлаемъ исключеніе, то развѣ для китайцевъ и калмыковъ?

Не потому ли, что здравая политика требуетъ крайней осторожности въ дѣлѣ распространенія христіанства въ средѣ завоеванныхъ народовъ; не потому ли, что христіанству неприлично воздвигать свое зданіе на успѣхахъ *оружія*, и что «слово» должно покорять сердца независимо отъ оружія? Не потому ли, наконецъ, что у насъ нѣтъ миссіонеровъ, что наша собственная вѣра оскудѣла, что въ проповѣданіи «слова» нуждается еще болѣе какая-нибудь своя великорусская губернія?

Китайцы и калмыки, спасшіеся къ намъ изъ Кульджи отъ ножа разнузданныхъ фанатиковъ-мусульманъ, сотнями переходили въ православіе, но вѣдь это идолопоклонники, которымъ сурѣты (портреты, образы) не запрещались религіей, а даже употреблялись въ храмахъ вмѣстѣ съ ладаномъ и восковыми свѣчами. Наши обряды не были для нихъ чѣмъ-нибудь необычайнымъ, неожиданнымъ ¹⁾. Радужный пріемъ у насъ еще ярче выставилъ предъ несчастными китайцами весь ужасъ грозной участи, ожидавшей ихъ въ лицѣ изувѣровъ-таранчей, подстерегавшихъ ихъ на границѣ. Какъ бы ни было, что бы ни руководило кульджинскими переселенцами, но они толпами шли въ православіе. Что же касается мусульманъ, то они давно уже

¹⁾ Лассенъ, Ремюза и Лоранъ считаютъ буддизмъ—христіанствомъ Востока или, по крайней мѣрѣ, весьма схожимъ съ нимъ. Полная вѣротерпимость и равноправіе (отнѣна еастъ)—вотъ единственныя начала, общія обѣимъ религіямъ. Всѣ остальныя, носятъ чисто случайный характеръ.

успокоились относительно свободы своей совѣсти, своего религіознаго міровоззрѣнія.

Но дѣйствительно ли мы бездѣйствуемъ, не проводимъ христіанскихъ началъ въ бытъ средне-азіатцевъ? Нѣтъ. Вмѣстѣ съ завоеваніемъ, вносимъ мы сюда наши *гражданскіе* законы, а это уже шагъ къ христіанству. Запрещая и карая воровство, убійство, лжесвидѣтельство, самоуправство, месть и прочее — законы наши караютъ то, что запрещено и христіанствомъ. Искореняя рабство, мы приготавливаемъ нашему закону и нашей религіи незыблемый памятникъ. Но самое сильное наше средство — это *равноправность*; передъ такимъ, искони усвоеннымъ нами христіанскимъ космополитизмомъ не существуютъ: «ни рабъ, ни свободъ, ни грекъ, ни варваръ». Наша политика стносительно покоренныхъ народовъ есть политика гражданскаго равноправія, которое дѣлаетъ жителя Кульджи, Ташкента, Самарканда сразу такимъ же русскимъ гражданиномъ, каковъ, на примѣръ, житель Москвы, да еще, пожалуй, и съ разными льготами.

Политика наша есть политика самопожертвованія, болѣе тратящая на покоренныхъ, чѣмъ пріобрѣтающая отъ нихъ. Нашъ великорусскій крестьянинъ платитъ чуть не втрое болѣе, чѣмъ, на примѣръ, полякъ, а получаетъ назадъ, въ видѣ школъ, дорогъ, мостовъ, больницъ — чуть не вдесятеро менѣе. Объ азіатскихъ подданныхъ нашихъ, платящихъ всего до 1 р. 10 коп. съ души и не несущихъ ни постоянной, ни рекрутской повинностей, и говорить нечего. Эта политика проведена по всей нашей исторіи и составляетъ одно изъ ея блистательныхъ отличій. Если этотъ путь ведетъ къ тому, что теперь истый мусульманинъ начинаетъ держаться относительно своего ближняго, какъ подобаетъ доброму христіанину, то я готовъ простить ему его мусульманство!

Нашъ христіанскій космополитизмъ есть наша сила, наша слава и наша будущность! ¹⁾.

М. Терентьевъ.

¹⁾ Авторъ касается вопроса чрезвычайно важнаго и любопытнаго; въ сущности это—вопросъ о самой нашей исторіи и цивилизації. Понятно, что онъ предполагаетъ много различныхъ рѣшеній, и въ особенности допускаетъ и весьма различную постановку фактовъ. Не дѣла въсѣхъ взглядовъ автора, мы думаемъ, что читатель найдеть любопытными его мнѣнія.—Ред.

ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ

Окончаніе.

III *).

Введенное нами «положеніе» не тронуло у туркестанцевъ народнаго судопроизводства. Учрежденіе должности уѣзднаго судьи, руководствующагося во всемъ тѣми же законами, что и наши мировые судьи — не поразило туземцевъ какъ какая-нибудь новость неслыханная и невиданная. Основная идея мирового суда та же, что и въ судѣ казіевъ и биевъ: гласность, изустность, характеръ посредничества, третейскаго разбирательства и склоненіе сторонъ къ соглашенію къ миру. Нашъ судья оказался такимъ образомъ знакомымъ народу лицомъ, только съ новою рѣчью и съ новыми законами, болѣе прежнихъ мягкими и справедливыми.

Большая кротость въ отправленіи правосудія, внесенная нами въ бытъ народа, сглаживаетъ понемногу переходъ къ чисто русскому суду и подрываетъ грозную когда-то власть мусульманскаго духовенства, имѣвшаго право изречь устами казія даже смертные приговоры.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, практиковавшихся здѣсь самымъ роскошнымъ образомъ, — отъ палокъ до отсѣченія руки, — отмѣна смертной казни (туземный способъ состоитъ въ перерѣзаніи горла: преступника рѣжутъ какъ барана, безъ дальнихъ разговоровъ и безъ всякой церемоніи) — рѣзкій переходъ отъ драконовой строгости къ мягкости христіанскаго законодательства — все это нисколько не разнуздало, привычнаго къ виду крови, на-

*) См. выше: сент., 55; окт., 498 стр.

рода и всѣ опасенія многихъ доморощенныхъ криминалистовъ оказались напрасными. Число преступленій, по признанію самихъ казіевъ, — а это чего-нибудь стоитъ, — даже уменьшилось противъ времени владычества хановъ, и уменьшилось не на малую долю, а чуть не вчетверо! Если ужъ люди, менѣе всего желавшіе отмѣны тѣлесныхъ наказаній и смертной казни, должны сознаться, что предсказанія ихъ не сбылись, то мы можемъ положиться на ихъ показаніе относительно уменьшенія цифры преступленій.

Впрочемъ, это вовсе не исключительное явленіе и нисколько не относится къ добронравію туземцевъ — то же самое повторялось во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.

Зимою, когда всѣ работы по хозяйству уже окончены, въ народѣ просыпается страсть къ сутяжничеству: цѣлыми эскадронами тянутся конные истцы въ уѣздное управленіе и къ уѣздному судѣ. Но не одна страсть къ кляузамъ тянетъ ихъ сюда, не сутяжничество, какъ думаютъ нѣкоторые русскіе, а стремленіе познакомиться съ новымъ закономъ. Наши слѣдственные и судебныя разбирательства служатъ для народа прекрасными лекціями гражданскаго и уголовнаго права. Издалека, чуть не изъ за пятисотъ верстъ плетется другой любопытный, въ свитѣ какого-нибудь истца, единственно чтобы послушать, какъ будутъ разбирать русскіе. Мнѣ кажется, плохо дѣлаютъ тѣ, кто старается отдѣлаться отъ докучающей толпы и выпроводить ее поскорѣе вонъ — это значитъ отказать въ поученіи, отказать отъ случая бросить нѣсколько здоровыхъ сѣмянъ въ тучную и благодатную почву.

Предоставивъ народу полную свободу выбора своихъ судей, мы не впали на этотъ разъ въ ошибку, давно уже тяготящую надъ Оренбургомъ и Сибирью: мы не ввели экзаменованныхъ, или *указныхъ* муллъ. Что за бѣда, что народныя судьи будутъ невѣждами въ коранѣ? Намъ нѣтъ никакого резона указывать народу на коранъ, какъ на якорь спасенія — это разъ. Неофициальный, негарантированный, какъ знатокъ, казіи будетъ даже лучше для дѣла, потому что волей-неволей ему придется руководствоваться не столько закономъ — шаріатомъ, сколько обычаемъ, здравымъ смысломъ и совѣстію, а это, конечно, вдесятеро лучше. Наконецъ, если допустимъ, что выборъ народа былъ неудаченъ и казіи плететъ Богъ вѣсть что — это нисколько не повредитъ дѣлу, при возможности апелляцій, и, конечно, подниметъ значеніе русскаго суда еще и по сравненію съ неудачнымъ казіемъ. Возможность апелляціи къ русской власти и къ русскому суду, другими словами: возможность непосредственнаго контроля

повела къ болѣе справедливому отношенію народныхъ судей къ тяжущимся. Все чаще и чаще приходится такому судѣ искать рѣшенія дѣла въ своей совѣсти, въ области безусловной справедливости, а не шаріата, подорваннаго уже силою «русскаго права».

Всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ казіями и біями кураминскими въ 1870 году, было 1213. Больше всего, по обыкновенію, было дѣлъ по долговымъ претензіямъ—а именно: 478. Затѣмъ, слѣдуютъ дѣла по расторженію браковъ—ихъ 229; по кражамъ—185; по тяжбамъ о наслѣдствѣ рѣшено 110; по нарушенію договоровъ о сватовствѣ—84; поземельныхъ споровъ—55; личныхъ оскорбленій—45; потравы хлѣба—22; по убійствамъ—5.

Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, какимъ авторитетомъ пользуются русскіе и въ особенности *тюри*, т.-е. офицеры и чиновники, въ глазахъ среднеазиатцевъ, которые охотно обращаются къ русскому для третейскаго разбирательства своихъ споровъ. Знаменитый «аксакъ-майоръ», простой рыбакъ, бралъ даже обычный *бѣльмъ* за каждое рѣшенное имъ дѣло.

Къ русскому суду туземцы могутъ обращаться только до разбора дѣла у казіевъ или біевъ, а послѣ этого не иначе, какъ съ согласія *обѣихъ* сторонъ. Понятно, что кому выгоднѣе вѣдаться у своего казія или бія, тотъ и не соглашается переносить дѣло къ русскому судѣ. Кляузникъ всегда предпочтетъ шаріатъ, а случаи, когда обѣ стороны считаютъ себя правыми—непремѣнно, въ концѣ-концовъ, приведутъ ихъ къ судебнымъ уставамъ 20-го ноября 1864 года. Другой случай, когда дѣло должно поступить непременно къ русскому судѣ—это, когда истецъ и отвѣтчикъ принадлежатъ къ разнымъ народностямъ: напримѣръ, одинъ изъ нихъ сартъ, а другой киргизъ. Первый долженъ бы судиться у казія, второй у бія; чтобы помирить ихъ интересы—самое лучшее послать ихъ къ русскому судѣ. Точно также, если между тяжущимися есть русскій, кураmineцъ, индеецъ, еврей—дѣло должно идти къ русскому судѣ.

Незнаніе нашими судьями туземныхъ нарѣчій ведетъ, конечно, къ тому, что участь дѣла въ значительной степени зависитъ отъ вольнонаемнаго переводчика. Переводчики здѣсь болѣею частію татары,—люди безъ всякаго образованія; все знаніе ихъ ограничивается только грамотностію, умѣемъ читать и писать, а еще чаще только говорить по-русски и татарски—это такъ-называемые «словесные» переводчики. И такая-то личность играетъ роль непремѣннаго члена русскаго суда. Переводчикъ

дополняетъ судью. Судья въ отсутствіе переводчика остается глухъ и нѣмъ.

Если въ судьи у насъ выбираютъ людей съ оглядкой, то необходимо установить какой-нибудь нравственный цензъ и для переводчиковъ. Судья, которому предоставляется нанимать переводчиковъ отъ себя, на счетъ суммъ, отпускаемыхъ ему на канцелярію—весьма естественно принужденъ лавировать между двумя обстоятельствами: чтобы это было недорого, и чтобы это было удовлетворительно. Совмѣстить и то и другое почти никогда невозможно.

Представьте же себѣ, что въ судьи у насъ назначаютъ офицеровъ изъ строя, а то и отставныхъ, а если и чиновниковъ, то ничѣмъ не лучше офицеровъ, то-есть безъ всякой юридической подготовки. Дополните такого судью «словеснымъ» татаринномъ, и тогда легко будетъ представить себѣ, какъ идетъ у нихъ судъ! Пова не введены судебныя палаты, апеллировать приходится въ областное правленіе, а это, во-первыхъ, не *гласное* учрежденіе, во-вторыхъ, находится далеко отъ крайнихъ пунктовъ области (Ташкентъ, напримѣръ, въ доброй тысячѣ верстъ отъ границъ казалинскаго уѣзда), въ-третьихъ, требуетъ *письменныхъ* прошеній, а наконецъ, туземцы не всѣ еще усвоили себѣ значеніе апелляціи: они думаютъ, что это будетъ *жалоба* на своего судью и что судья будетъ недоволенъ, будетъ мстить, когда нужда приведетъ къ нему снова за какимъ-нибудь дѣломъ.

Этими мотивами объясняется то обстоятельство, что, несмотря на неопытность судей и невѣжество «словесныхъ» переводчиковъ, апелляцій все-таки было до сихъ поръ сравнительно немного.

Туземцы отлично понимаютъ, *въ комъ* сила, и въ случаѣ нужды отправляются на поклонъ къ «тильмачъ-тюрь». Являются на сцену разные *силлау*—подарки, завязывается тамырство—дружба; переводчикъ щеголяетъ и платьемъ и лошадьми.

Нашъ судъ представляется точно какимъ-нибудь элевзинскимъ таинствомъ; судья—это оракуль, изрекающій по временамъ таинственные «глаголы»; переводчикъ—это жрецъ, вопрошающій оракула, передающій ему молитвы просителей и разъясняющій послѣднимъ отвѣты оракула. То ли передаетъ жрецъ оракулу, что ему сказано истцомъ или отвѣтчикомъ, такъ ли толкуетъ онъ отвѣты оракула—это повѣркѣ никакой не подвергается, и потому естественно, что приговоръ судьи не всегда бываетъ впопадъ.

Наше право представляетъ однако же такую силу, что даже и неумѣлые, даже зловредные слуги подорвать его не могутъ.

Кромѣ судьи, туземцы обращаются нерѣдко и къ уѣздному начальнику. Если онъ не гонитъ ихъ къ судьямъ, если онъ чловѣкъ доброжелательный и терпѣливый, то его даже предпочитаютъ судьямъ за большую авторитетность его приговоровъ. Уѣздный начальникъ, сверхъ того, часто разъѣзжаетъ по уѣзду по какимъ-нибудь надобностямъ, а это для просителей весьма важное удобство. Еслибы судья не сидѣлъ сиднемъ въ центральномъ пунктѣ, а разъѣзжалъ періодически и въ назначенное для того время, то это было бы, конечно, еще лучше.

Принимая къ своему разбирательству разныя (конечно, не важныя) дѣла, уѣздный начальникъ врывается, такъ сказать, въ область судьи, а это подчасъ ведетъ къ столкновеніямъ. Но есть одна категорія дѣлъ, которыя до сихъ поръ предоставлены были вѣдѣнію уѣздныхъ начальниковъ — это бракоразводныя. Сторона, недовольная рѣшеніемъ казія или бія, имѣла право обращаться къ русской власти. Судьи назначены были и приступили къ обязанностямъ долго спустя послѣ уѣздныхъ начальниковъ. Кромѣ того, судья долженъ былъ руководствоваться уставами 20 ноября 1864 года, долженъ былъ, такъ сказать, пропагандировать русское право, а ни одна статья этихъ уставовъ не разрѣшаетъ ему расторгать браки; напротивъ, есть статьи, положительно воспрещающія всякія мѣры къ нарушенію святости и неразрывности брака.

Свѣтскій судъ можетъ вмѣшаться между мужемъ и женою только съ измѣненіемъ соотвѣствующихъ законовъ, а до тѣхъ поръ общество должно довольствоваться простымъ полицейскимъ распоряженіемъ о выдачѣ женѣ отдѣльнаго вида на жительство. Известно, какое участіе въ судьбѣ женъ принимали у насъ шефъ жандармовъ, нѣкоторые генераль-губернаторы и наконецъ оберъ-полицеймейстеры. Благодаря ихъ заступничеству положеніе многихъ женъ сдѣлалось сноснымъ.

Такой, выработанный нашею житейскою практикой, порядокъ думали ввести и въ русскомъ Туркестанѣ, уѣздный начальникъ получилъ право давать притѣсняемой женѣ отдѣльный видъ. При легкости развода по мусульманскому закону ¹⁾ — такой отдѣльный видъ, обыкновенно, принимался народомъ за формальный разводъ; женщина вступала нерѣдко въ новый бракъ и тѣмъ дѣло оканчивалось. Труднѣе было согласить стороны относительно мате-

¹⁾ Если въ спорѣ или ссорѣ мужъ скажетъ женѣ *талакъ* или „ты для меня, какъ спина моей матери“, то между ними все кончено, жить вмѣстѣ они не могутъ, а если помирятся, то должны опять идти къ муллѣ для совершенія новаго брака. *Учъ талакъ*, три раза сказанное, дѣлаетъ новый бракъ невозможнымъ.

ріальнаго вознагражденія. Обычай вносить за жену калымъ и расходы жениха при заключеніи брака значительно усложняли дѣло разными вычисленіями: что стоилъ батманъ риса, употребленный на пловъ гостямъ, что могли стоить бараны, халаты и т. д.

Я расскажу здѣсь, какъ велось у насъ, въ Курамѣ, это дѣло.

Начать съ того, что при уѣздномъ управленіи былъ составленъ, такъ-сказать, *постоянный съездъ* казіевъ и біевъ. По проекту положенія съезды должны были собираться по мѣрѣ надобности, т.-е. по мѣрѣ накопленія апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія казіевъ и біевъ. Время съезда и члены его назначались уѣзднымъ начальникомъ. Такъ какъ съ самаго начала оказалось множество дѣлъ, подлежащихъ перерѣшенію, и какъ аппеляціи поступали каждый день, то съездъ, собранный однажды, не могъ окончить всѣхъ дѣлъ ни къ какому сроку и самъ собою обратился въ *постоянный*. Вышло нѣчто въ родѣ маленькаго сената. Члены, впрочемъ, перемѣнялись поочереды. Первоприсутствующимъ нашего сената былъ назначенъ почтенный старикъ, мулла Назаръ, изъ киргизскихъ біевъ, знавшій довольно изрядно и коранъ. Замѣчательно, что этотъ киргизъ мулла былъ выбранъ въ казіи сартами. Ко всякому рѣшенію *мулла Назаръ* легко подыскивалъ соотвѣтствующую цитату и закрѣплялъ приговоръ буквой шаріата. Если бы представителю русской власти вздумалось назвать бѣлое желтымъ, а потомъ чернымъ, то мулла Назаръ насколько бы не затруднился доказать по корану, что это не бѣлое, а, слѣдовательно, желтое и наконецъ даже и не желтое, а самое черное! Всякій изъ насъ, кто зналъ секретъ мoulлы Назара, не могъ при встрѣчѣ съ нимъ сохранять серьезный видъ. Какъ римскіе авгуры, мы улыбались другъ другу!

Какъ киргизъ, мулла Назаръ былъ не только не фанатикъ, но даже и просто считалъ коранъ годнымъ только для запугиванія профановъ, для приданія себѣ ученаго вида и проч. Мулла сознавалъ безъ всякаго спора, безъ всякаго внушенія, что коранъ, какъ сводъ законовъ, уже устарѣлъ и если былъ когда-нибудь годенъ, то развѣ у арабовъ, а къ здѣшнимъ сартамъ и въ особенности къ киргизамъ — онъ совершенно почти непримѣнимъ. Видя въ русскихъ полную доброжелательность и отдавая нашимъ законамъ должное преимущество, мулла Назаръ всегда старался подводить рѣшенія съезда подъ русскія начала.

За нерѣдкими отлучками уѣзднаго начальника, мнѣ, какъ старшему помощнику, часто приходилось присутствовать при

вершеніи бракоразводныхъ дѣлъ. Я именно присутствовалъ или, пожалуй, и предсѣдательствовалъ, но обыкновенно, выяснивъ допросами сторонъ ихъ обоюдныя претензіи и счеты, самое рѣшеніе я представлялъ съѣзду, причемъ высказывалъ и свое мнѣніе. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ членахъ съѣзда замѣтно было сочувствіе къ мужу, я доводилъ дѣло до конца и затѣмъ только спрашивалъ мнѣнія членовъ, доказывалъ неправильность ихъ взглядовъ, и когда въ пользу жены составлялось большинство—объявлялъ постановленіе.

Просили о разводѣ всегда женщины—оно и понятно: вѣдь разводъ зависитъ отъ мужа, и если ему въ тягость брачныя узы—онъ самъ и дастъ себѣ разводную. Иногда мужъ и соглашается на разводъ, но требуетъ назадъ калымъ—женщинѣ опять приходится идти въ судъ.

У насъ принято было, что всякая женщина, являясь передъ судомъ, непременно открываетъ лицо. Члены съѣзда не находили въ этомъ ничего оскорбительнаго для женской чести, а мулла Назаръ доказалъ, что въ коранѣ ничего нѣтъ о покрывалахъ¹⁾, что этотъ обычай введенъ здѣсь насильно какимъ-то завоевателемъ.

Итакъ, мужчины относятся къ открытому на судѣ лицу женщины довольно безразлично. Нельзя того же сказать о самихъ женщинахъ: привычка ли, жеманство, кокетство или и въ самомъ дѣлѣ чувство стыдливости играетъ тутъ роль, но не *всѣ* охотно подчиняются правилу. Упорнѣе всего отстаиваютъ свое покрывало старушки, но когда покрывало будетъ наконецъ снято—громкій хохотъ развеселившихся судей служить наградою ея стыдливости.

— Чего боялась?—спрашиваютъ ее. — Слава Богу, мы всѣ остались живы, никто отъ красоты твоей не померъ!

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ я въ сотый разъ пояснялъ, почему мы требуемъ открытаго лица. Члены съѣзда это уже знали, но мнѣ казалось необходимымъ, чтобы и женщина знала: тогда у ней не останется воспоминанія о *ненужномъ* насиліи, да и другимъ она расскажетъ, почему русскій судъ не терпитъ покрывала.

Почему я знаю, что истица, свидетельница, отвѣтчица—именно тѣ лица, за кого себя выдаютъ? Развѣ не бывали при-

мѣры, что подъ женскимъ платьемъ, подъ ея покрываломъ, скрывались и мужчины?

Понятно впрочемъ, что если женщина рѣшилась наконецъ обратиться къ нашему суду—значить, ей плохо, значить, у *своихъ* она защиты не находитъ. Мужья такъ деспотически и подчасъ такъ жестоко обращаются со своими женами, что я принялъ за правило всегда поддерживать женщину. Скажутъ, что это не безпристрастно, что судья не долженъ руководствоваться предвзятыми взглядами и т. д. Но вѣдь моя поддержка только что уравнивала шансы, потому что члены съѣзда обыкновенно симпатизировали мужу.

— Какъ пришла къ вамъ баба жаловаться—вы ужъ за нее горой,—замѣнилъ разъ одинъ изъ судей.

— Эльбете (конечно),—отвѣтилъ я, и рассказалъ побасенку, какъ овца пришла на судъ къ волкамъ. — Кто же ее защититъ здѣсь, если и я буду молчать?

— Такъ-то такъ, да вѣдь этакъ, пожалуй, отъ насъ разбѣгутся всѣ жены!

— А ты обращайся съ женой по-человѣчески—вотъ и не поидетъ въ судъ. У тебя же три жены, а вѣдь ни одна до сихъ поръ не жаловалась. Хорошій человѣкъ ласковъ и добръ къ женѣ, а дурному не надо давать воли... Какъ обращаются подчасъ туземцы съ женами можно судить, напримѣръ, хотъ изъ того, что девять-десять жалобъ возникаютъ изъ-за побоевъ. Одна показываетъ разсѣченную серпомъ руку, другая пробитую камнемъ голову, третья натертая кандалами раны на рукахъ и ногахъ и т. д. Прибавьте къ этому, что одинъ ревнивецъ выжигаетъ раскаленнымъ желѣзомъ дѣтородныя части у двоихъ своихъ женъ; другой совсѣмъ убиваетъ жену за то, что она не такъ *лѣжно* его любитъ, какъ его покойнаго брата¹⁾. Ко всему этому надобно вспомнить, что за истязанія, увѣчья и даже за убійство жены туземецъ не несетъ почти никакой отвѣтственности. Мнѣ всегда тяжело было отказать женщинѣ въ просьбѣ о разводѣ: я боялся дурныхъ для нея послѣдствій со стороны оскорбленнаго ея жалобою мужа. Въ такихъ случаяхъ я обыкновенно требовалъ письменнаго поручительства старшинъ и родственниковъ мужа, которые обязывались наблюдать за поведеніемъ его въ семьѣ, а за увѣчья и за жизнь жены отвѣчали куномъ. Если

¹⁾ По мусульманскому закону, вдова можетъ выйти только за брата покойнаго мужа или ужъ вовсе не выходить ни за кого.

¹⁾ Женщины закрываютъ лицо густою, черною волосаной сѣткой и затѣмъ на голову накидываютъ воротникъ халата безъ рукавовъ. Рукава, пожалуй, и есть, но они сшиты вмѣстѣ и болтаются назадъ, достигая до полу.

родственники отказывались ручаться за мужа, то это былъ лучший для него приговоръ, и жена освобождалась.

Фактъ простыхъ побоевъ, при замкнутости семейнаго быта осѣдлыхъ туземцевъ, рѣдко могъ быть подтвержденъ свидѣтельскими показаніями. Если никакихъ слѣдовъ побоевъ не сохранилось, то мужъ обыкновенно отрицалъ этотъ фактъ; сосѣди рѣдко выскажутся не въ пользу мужа, деревенскія власти тоже, и бѣдную женщину приходится возвратитъ мужу, въ ожиданіи на будущій разъ боевыхъ знаковъ или увѣчья. Когда эти знаки и увѣчья на лицо, когда отрицать факта невозможно—мужъ обыкновенно увѣряетъ, что жена его не слушается, не чинитъ ему халата, не моетъ бѣлья, бранится съ нимъ или заглядывается на чужихъ...

Именно такими доводами оправдывался одинъ сартъ, чуть не убившій жену камнемъ.

— Если твоя лошадь заупрямится, что ты съ нею сдѣлаешь?—спрашиваю.

— Стегну нагайкой.

— А не лучше-ли зарѣзать?

— Денегъ стѣбить.

— Ну, а если лошадь лягнетъ?

— А я ее палкой.

— Отчего не серпомъ, не саблей?

— Денегъ стѣбить.

— Итакъ, съ лошадью ты лучше обращаешься, чѣмъ съ женой—жена, значитъ, ничего не стѣбитъ. Ну, если ты ею не дорожишь—зачѣмъ отказываешь въ разводѣ, зачѣмъ не отпускаешь?

— Да я согласенъ отпустить, только пусть она калымъ возвратитъ.

— Какъ великъ калымъ?

— Сорокъ тиллей деньгами, двѣ лошади хорошихъ, пять халатовъ адрасовыхъ да на угощеніе пошло два батмана бринчу (рисъ и шесть барановъ).

Присутствующіе оцѣнили примѣрно лошадей въ 120 р., халаты въ 40 р., рисъ въ 12 р. и барановъ въ 18, а все въ 190 р. Съ сорока тиллями это составляетъ 3½2 р.

Жена не отрицаетъ того, что она не заботится о мужниной одеждѣ, но оправдывается тѣмъ, что мужъ ее не одѣваетъ, кормитъ какъ собаку, бьетъ, и все изъ-за того, что задумалъ взять еще другую жену.

Жена дѣйствительно была одѣта въ разорванномъ до-нѣльзя халатѣ,—но этой вывѣскѣ я уже не вѣрилъ: одна бойкая ста-

руха, жившая не подалеку отъ управленія, снабжала такими халатами всѣхъ просительницъ, въ расчетѣ разжалобить русскихъ.

Мужъ отвѣтилъ, конечно, что онъ и кормитъ и одѣваетъ жену какъ слѣдуетъ, а такой халатъ, какъ теперь на ней—ему и самому стыдно было бы позволить надѣть, вѣрно, достала у какой-нибудь нищей. Что касается до другой жены, то это его дѣло, и позволенія у первой жены ему спрашивать не приходится.

— Прекрасно, значитъ, ты нарочно мучишь жену, чтобъ заставить ее хлопотать о разводѣ, а самъ думаешь взять съ нея назадъ калымъ и на эти деньги достать новую жену помоложе? Этакъ ты и будешь все мѣнять женъ—за одинъ калымъ пере-мѣнишь ихъ хоть десять!

Мужъ не могъ удержаться отъ улыбки: такъ ему показалось это заманчиво.

Дѣло казалось мнѣ достаточно яснымъ: мужу приглянулась другая, онъ задумалъ взять ее въ жены. Старая жена отступаетъ на второй планъ и, какъ постылая, не видитъ больше ласки. Она обижена, ревнуетъ и мститъ по-своему: небреженіемъ о хозяйствѣ. Начинаются ссоры, открытая война и побои... Мужу невыгодно отпустить даровую работницу, и развода онъ ей не даетъ. Жена понимаетъ, что ее удерживаютъ только для работы, и рѣшается сложить руки, чтобы потерять цѣну и въ смыслѣ работницы—авось мужъ прогонитъ какъ дармоѣдку! Побои усиливаются. Жена, наконецъ, не въ силахъ терпѣть долѣе и съ помощію родныхъ, тайкомъ, спасается въ Той-Тюбе подъ защиту русскихъ. Ясное дѣло, что возвратитъ ее мужу—все равно, что отдать на казнь. Я уговариваю упрямаго сарта дать самому разводъ и, въ виду рѣшительнаго отказа, выдаю женщинѣ отдѣльный видъ.

Въ другомъ случаѣ, когда обстоятельства дѣла склонили членовъ сѣзда присудить въ пользу мужа возвращеніе калыма (жена, по сварливости характера, всегда первая начинала ссору, мужъ неистово ее колотилъ), я нашелъ это несправедливымъ. Сварливость жены, по отзыву самого мужа и сосѣдей, проявилась только въ послѣдніе два года. Замужемъ она 15-ть лѣтъ и все время жила съ мужемъ согласно. Работницы у нихъ никогда не было. Я думаю, что бѣдная женщина просто устала. На судѣ она съ воплями и слезами объявляетъ, что къ мужу ни за что не пойдетъ—довольно онъ ее билъ.

Мужъ соглашается отпустить ее, но безъ жены ему никакъ нельзя, а денегъ у него на это нѣтъ, и потому онъ требуетъ возвращенія калыма.

— Ты хочешь, чтобъ жена вмѣсто себя поставила тебѣ другую?

— Зачѣмъ, и самъ найду.

— Хорошо; ты найдешь себѣ другую жену, а взгляни: можетъ ли твоя жена найти себѣ другого мужа? Она уже стара ¹⁾, непосильная работа и нужда сгубили ея красоту прежде времени. Кто ее возьметъ? Будетъ она жить у родныхъ... тамъ работницъ много... она отдохнетъ—вотъ и весь ея барышъ. Откуда ей взять денегъ? Если бы она была помоложе—можетъ быть кто-нибудь и нашелся бы внести за нее твой калымъ, да и то за *женщину*, самъ знаешь, цѣна не та, что за дѣвушку.

— Ну, хорошо, сбавлю, такъ и быть, пять тиллей (19 руб.),—объявляетъ мужъ.

— Сколько же всего тебѣ придется?

— Да вотъ считайте: калыму двадцать тиллей (76 рублей), лошадь, два адрасовыхъ халата и три простыхъ, три барана, батманъ брѣнчу.

— Хорошо: 76 да 40—вѣдь лошадь не то, чтобы очень уже хорошая? да 22 за халатъ, да 9 за барановъ, да 6 за рисъ—всего 153 рубля. — Пять тиллей ты сбавляешь—остается 134. Сочтемъ теперь сколько ты ей долженъ.

— Я ничего не долженъ.

— Вотъ сейчасъ посмотримъ. Сколько стоить нанять работницу на мѣсяць?—обратился я къ казіямъ.

— Смотря какая—дешевле пяти кокановъ (коканъ равенъ 20 копейкамъ) нельзя.

— Миѣ кажется, это вы сказали дешево: вѣдь у насъ простой мердекаръ (чернорабочій) получаетъ въ день не менѣе кокана, значитъ въ мѣсяць до 6-ти рублей, а по вашему счету бабѣ придется за весь день только 3 копейки!—Но, хорошо—положимъ и такъ. Въ годъ значитъ 12 рублей.—Ты вѣдь до сихъ поръ не жаловался на лѣность жены?—спросилъ я мужа.

— Да что-жъ—ничего, работала, что нужно.

— Я вѣдь знаю, какъ у васъ работаетъ женщина: ты толчешься на базарѣ, а приѣхалъ домой—сейчасъ на-бокъ, отдыхать отъ великаго труда; жена толчетъ въ ступѣ просо тяжелымъ пестомъ, а ты и не пошелохнешься помочь.

— Мужчинѣ это неприлично.

¹⁾ Дѣвушки выходятъ замужъ нерѣдко 12—13-ти лѣтъ. Немудрено, что въ 25 лѣтъ онѣ уже старухи.

— Такъ, вотъ если ужъ считать твою жену *женою*, то какъ *работницю* ты долженъ бы ей платить 12 р. въ годъ, а въ 15 лѣтъ это выйдетъ 180 рублей. Скинемъ два года, что ты не доволенъ ею, остается 156 рублей. Молодость ея, красота, которую ты у нея взялъ—это все не въ счетъ. За одну работу ея ты уже долженъ 156 рублей. Она же должна только 134—значитъ за тобой остается еще 22 рубля.

Поручивъ муллѣ Назару покончить дѣло такъ, чтобы женѣ ни въ какомъ случаѣ не пришлось приплатить, я вышелъ на свѣжій воздухъ.

Черезъ полчаса старикъ разыскалъ меня въ саду и показалъ листокъ, покрытый печатями членовъ съѣзда; самая крупная и выше всѣхъ приложенная—это его собственная.

— Десять тиллей рѣшили въ пользу мужа... пусть ему половину калыма вернуть...—несмѣлымъ голосомъ заговорилъ мулла.

— Дай-ка сюда приговоръ,—протянулъ я руку; пойдя теперь въ мехеме, да и скажи казіямъ, чтобы составили другой—жена не должна платить за свои пятнадцать лѣтъ службы и за побой.

Такъ и сдѣлано.

Были и такіе случаи, что мужъ и самъ не хотѣлъ оставлять у себя жену, за ея благосклонность ко всѣмъ холостымъ, и требовалъ только возврата ему калыма. Если показанія сосѣдей подтверждали доводы мужа, то обыкновенно дѣло рѣшалось въ его пользу, и родственники жены присуждались къ уплатѣ (почти всегда съ разсрочкой) болѣе или менѣе значительной части калыма, смотря по числу прожитыхъ супругами лѣтъ. Чѣмъ дольше *служила* жена, тѣмъ меньше она платитъ мужу при разводѣ.

Разъ въ улицахъ Той-Тюбе съ утра пошла суматоха, слышалась перебранка, шумъ и крики. Прибѣжалъ курбанъ и объявилъ, что народъ волнуется и что дѣло идетъ о какой-то женщинѣ, уведеной ночью изъ сакли мужа русскими...

Обстоятельство не изъ всеневныхъ. Предупредивъ караулъ и казачью сотню, чтобы держали ухо востро, я вышелъ къ толпѣ и вызвалъ обиженныхъ и ихъ свидѣтелей въ мехеме. Оказалось, что потерпѣвшій—молодой и красивый сартъ, служившій джигитомъ при уѣздномъ начальникѣ. Джигитъ этотъ всего мѣсяць какъ женился, и говорили, на красивой дѣвушкѣ. Виновниками всей суматохи оказались два татарина, служившіе вольнонаемными писцами въ уѣздномъ управленіи.

Одинъ изъ этихъ писцовъ титуловался княземъ ¹⁾ и (законно: такъ значилось и въ паспортѣ) получивъ образование въ какомъ-то кантонистскомъ батальонѣ, былъ довольно бойкій малый. Этотъ-то князь и наблудилъ. Живя по сосѣдству съ Али-берды (имя джигита), князь видѣлъ черезъ недоконченный заборъ его жену и какъ-то такъ условились. Мужъ рѣдко ночевалъ дома и проводилъ ночи въ чай-ханѣ своего отца. Воротившись ранѣе обыкновеннаго онъ не нашелъ жены, разбудилъ домашнихъ, обыскалъ весь садъ и съ толпою проснувшихся сосѣдей приступилъ къ дому, гдѣ жили татары, но тѣ заперлись. Улучивъ минуту, когда толпа отошла, жена проскользнула въ свою саклю и тамъ сплела исторію: какъ она вышла въ садъ за «дѣломъ», какъ ее подсторожили татары, завязали ротъ и утащили къ себѣ...

Въ рассказѣ не было ничего неправдоподобнаго, а мужу и роднымъ пріятнѣе было вѣрить въ фактъ насилія, чѣмъ обоюднаго согласія...

Татары сознались въ «грѣхѣ», но ни похищенія, ни насилія, по ихъ словамъ, тутъ не было. Надобно было отправиться на мѣсто дѣйствія. Замять дѣло не было никакого резона, да я и не хотѣлъ, чтобы не прибавить еще раздраженія въ народѣ. Героиня оказалась весьма сконфуженною и путала показанія. Я удалилъ ее мужа и родныхъ, указавъ ей несообразности въ ея рассказѣ (зачѣмъ ночью она выходила за дѣломъ не туда, куда ходитъ днемъ; отчего не крикнула; отчего подъ деревомъ близъ арыка трава сильно примята и тутъ ея шелковый платокъ; зачѣмъ ночью она выходила въ лучшемъ своемъ платьѣ и въ шелковомъ платкѣ и т. п.), обнадежилъ ее, что не дамъ ее въ обиду и, наконецъ, вызвалъ обстоятельный рассказъ всего происшествія.

По ея словамъ, мужъ долго былъ бачей въ разныхъ чайныхъ и въ томъ числѣ у своего отца... Женясь на ней, чтобъ имѣть въ домѣ помощницу для его матери, онъ почти весь день проводитъ на базарѣ, а ночью спитъ въ лавкѣ, балагуритъ съ гостями и вспоминаетъ холостую жизнь... Ей всего пятнадцать лѣтъ, и она желала бы видѣть въ мужѣ побольше нѣжности.... Онъ

¹⁾ Въ Казани цѣлая слобода теляхъ князей. Въ народѣ слово князь сдѣлалось синонимомъ татарина. Когда хотятъ сдѣлать ему любезность, называютъ княземъ. „Эй князь, что покупаешь?“—Наиболѣе сообразительные изъ нихъ принимали крещеніе, женились на русскихъ купчихахъ и клали основаніе русскимъ, уже княжескимъ родамъ.

пропустилъ уже не одну *пятницу* ¹⁾... Быть замужемъ и спать одной ей тяжело...

Вотъ почему она пошла на свиданіе съ сосѣдомъ; да она и совсѣмъ уйдетъ, потому что жить съ мужемъ не хочетъ: бачи никогда не бываютъ хорошими мужьями... Оставалось теперь, чтобы женщина повторила весь рассказъ при судѣ. Для этого ее надобно было изъять изъ семьи мужа, поставить ее внѣ вліянія обиженной стороны. Курбашъ охотно согласился взять женщину къ себѣ на поруки, а я послалъ въ Ташкентъ нарочнаго къ уѣздному начальнику, который прискакалъ немедленно и тотчасъ посадилъ подъ арестъ татарскаго донъ-жуана. На другой день женщина подтвердила всѣ свои показанія и просила развода. Мужъ охотно согласился на это и получилъ, по приговору суда, весь свой калымъ и всѣ свои издержки. Часть этого штрафа долженъ былъ внести злополучный князь, котораго затѣмъ и выпроводили въ Ташкентъ съ джигитомъ. Тѣмъ и кончилось дѣло, грозившее сначала большими непріятностями.

Иногда на судѣ вдругъ, и совершенно случайно, открывались самыя сокровенныя подробности, помимо желанія самихъ сторонъ. Явилась, напримѣръ, очень молодая женщина (лѣтъ пятнадцати), бывшая уже годъ замужемъ, съ жалобой, что мужъ приковываетъ ее къ ножкѣ кровати, когда уходитъ изъ дому. На рукахъ и ногахъ ея дѣйствительно видны слѣды отъ натертыхъ кандалами ранъ. Мужъ оправдывается тѣмъ, что жена безпрестанно отъ него бѣгаетъ, то къ матери, то къ кому-нибудь изъ родныхъ знакомыхъ, иногда и просто прячется въ саду.

Что за причина такого необыкновеннаго отвращенія? Мужъ — статный, красивый и еще молодой человѣкъ, характера по видимому вовсе не суроваго. Сосѣди и старшины отзываются о немъ одобрительно. Жена сознается, что она дѣйствительно бѣгала нѣсколько разъ, но объясняетъ это простымъ нерасположеніемъ. Виноваты, значить, обѣ стороны — какъ же рѣшить вопросъ о калымѣ? Мужъ считаетъ себя совершенно правымъ, но не обвиняетъ жену ни въ распутствѣ, ни въ сварливости. Очевидно, что осталось что-то недосказаннымъ. Теряясь въ догадкахъ и бесплодныхъ разспросахъ, я однако же освѣдомился на всякій случай: когда жена убѣжала въ первый разъ? Оказалось, что въ первую же ночь...

Одинъ изъ присутствовавшихъ старшинъ замѣтилъ при этомъ,

¹⁾ Если мужъ небрежно исполняетъ свои обязанности, то уже въ пятницу онъ долженъ быть исправенъ, а не то жена можетъ жаловаться казію.

что и мать ея, сидѣвшая тутъ же рядомъ съ дочерью, постоянно бѣгала отъ мужей, семь разъ разводилась и теперь замужемъ уже за восьмымъ.

— Да что она?—спросилъ я.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то—сама даже отказывалась отъ брака, да родные уговаривали, а мужа хорошій калымъ давали... сами дураки за нею ухаживали.

— Что такъ?—обратился я къ этой матери.

— Да такъ,—съ улыбкой отвѣчала она.

— Ты не знаешь, что за причина?—снова обратился я къ словоохотливому старшинѣ.

— Правду сказать, такъ она только красива, а то не годится...—отвѣтилъ тотъ съ усмѣшкой.—У пятерыхъ мужей она все была дѣвкой, а не бабой,—добавилъ онъ.

Женщина, о которой шла рѣчь, бойко поглядывала на присутствующихъ и весело улыбалась. Она все еще довольно красива и одѣта опрятно и даже нарядно.

— Можетъ быть, и твоя жена не годится?—спросилъ я мужа истицы.

Тотъ улыбнулся и взглянулъ на жену. Бѣдная покраснѣла, опустила голову и закрылась длиннымъ рукавомъ рубашки.

Понемногу, слово за словомъ, мужъ рассказалъ, наконецъ, что жена его до сихъ поръ еще дѣвица, что она плачетъ, кричитъ, кусается; что ее бралась *лечить* какая-то знахарка, такъ же, какъ «лечили» ея мать, но что жена все боится «леченія».

Дѣло шло, очевидно, о какомъ-то физическомъ недостаткѣ...

Я спросилъ мужа: знали ли онъ, сказали ли ему родные жены объ ея недостаткѣ?

— Нѣтъ, не знали и никто ничего не сказалъ... обманули кругомъ..

Мнѣ казалось справедливымъ рѣшить дѣло въ пользу мужа, который, съ своей точки зрѣнія, купилъ не то, что торговалъ, или «за свои гроши, да купилъ себѣ бѣду». Къ тому же еще, жена возвращалась къ своей матери дѣвушкою.

Такъ съѣздъ и постановилъ: мужъ получилъ назадъ калымъ, а издержки его пропали даромъ за то, что онъ надѣвалъ на жену кандалы.

Замѣчательно, что тутъ же нашелся любопытный, который потомъ предложилъ матери внести за нее прежнему мужу калымъ, и на другой или третій день праздновалъ свадьбу... Молодая ушла и отъ этого любителя... Тотъ однакоже не унывалъ, отшучивался, какъ умѣлъ, отъ своихъ друзей, и наконецъ,

уговорилъ-таки жену согласиться на какую-ту операцію. Послѣ этого молодые жили уже весьма согласно.

Обычай жениться по наслѣдству, на вдовѣ брата, приводитъ иногда также къ разнымъ семейнымъ несогласіямъ. Мы уже говорили выше, что одинъ такой мужъ убилъ свою, «унаслѣдованную» отъ брата, жену изъ ревности къ покойному. Совершивъ преступленіе, несчастный ревнивецъ бросился бѣжать изъ кибитки (дѣло происходило во время уборки хлѣба); зоркіе сосѣди замѣтили въ этомъ обстоятельствѣ что-то необычайное и навѣдались въ его кибитку, а затѣмъ верхами поскакали за преступникомъ.

Блѣдный, съ блуждающимъ взоромъ и нервическою дрожью во всемъ тѣлѣ—стоялъ передо мною убійца.

— За что ты убилъ жену?

— Это не я.

— Твоя рубашка въ крови, твой серпъ въ крови, кибитка твоя стоитъ отдѣльно и всѣ были на работѣ—ты одинъ ушелъ съ поля и всѣ это видѣли; затѣмъ ты бѣжалъ и прятался отъ людей. Значить, это ты...

— Это не я...

— Кто же?

— Не знаю—можетъ быть, шайтанъ.

— Ты ли, шайтанъ ли—мнѣ все равно. Если шайтана не поймаютъ, то отвѣчать будешь одинъ ты.

Убійца нервически улыбнулся и, успокоившись нѣсколько разрѣшеніемъ сѣсть, предложеніемъ стакана воды и вообще ободряющею обстановкой нашего судилища, сталъ понемногу отвѣчать на вопросы: на комъ былъ женатъ, хорошая ли была жена, все ли дѣлала, что нужно по хозяйству и т. п. Сосѣди отзывались о преступникѣ, какъ о смирномъ и кроткомъ человѣкѣ. Со времени женитьбы онъ сталъ задумчивъ болѣе обыкновеннаго, но съ женой былъ ласковъ и шума у нихъ никогда не слышали.

— Вотъ, всѣ твои знакомые отзываются о тебѣ, какъ о хорошемъ человѣкѣ,—обратился я къ преступнику;—теперь я вижу, что тутъ не твоя вина... вижу, что виноватъ одинъ шайтанъ... Расскажи же намъ, какъ онъ тебя подвелъ?

— Жена меня не любила, все плакала по братѣ. Что я ни дѣлалъ—все не помогало, все она плакала, все вспоминала о прежнемъ мужѣ... Обидно это... Думалъ, думалъ я,—ничего не придумалъ... Смотрю, а на мнѣ кровь... я испугался и побѣжалъ...

— Когда ты воротился съ поля, что ты сказалъ женѣ?

— Я просилъ ее не вспоминать мнѣ о братѣ и любить меня хоть немного...

— Что же она?

— Она опять заплакала... Смотрю, а на мнѣ кровь... я испугался и побѣжалъ...

Причина этого несчастія была ясна. Но все же пришлось передать дѣло судебному слѣдователю, и «несчастный» пошелъ въ каторгу.

Женщинамъ большею частью не легко переходить по наследству отъ брата къ брату. Если даже о любви не было и помину, что при закрытыхъ лицахъ весьма возможно, то все-таки легко могла явиться хоть простая привычка, да, наконецъ, быть вещью, переходить, какъ халатъ, съ одного плеча на другое, служить, какъ лошадь, поочередно всякому, кто взялъ нагайку— все это, конечно, не можетъ пройти безъ протеста, хотя бы и затаеннаго въ глубинѣ души. Менѣе терпѣливыя протестуютъ вслухъ и нерѣдко обращаются къ суду. Разъ мнѣ пришлось разбирать дѣло о насильственномъ совершении брака съ такою вдовою. Истица, по обыкновенію, явилась въ отрепьяхъ и жаловалась, что братъ ея покойнаго мужа держалъ ее взаперти, морилъ голодомъ, грозилъ всячески и, наконецъ, принудилъ согласиться на бракъ. Мулла, призванный для этого, зналъ о насиліи, но поддержалъ мужа.

Доказать все это, конечно, было нечѣмъ: и мужъ и мулла увѣряли, что истица сама желала вступить въ бракъ и просила ихъ о томъ. Жена возразила стереотипною фразою, что мужъ ее не кормитъ, не одѣваетъ и въ подтвержденіе сослалась на то, что она «вторая» и потому въ загонѣ; а кромѣ ихъ семья состоитъ еще изъ матери и младшаго брата—всего изъ пяти членовъ, поэтому мужъ не въ силахъ содержать ихъ всѣхъ какъ слѣдуетъ.

Мужъ отвѣтилъ, что все это ложь и что онъ достаточно богатъ, чтобы содержать семью. Это подтвердилъ и аксакаль.

Со стороны истицы былъ только ея братъ, который, конечно, ее и поддерживалъ. Скромный костюмъ мужа и вообще какой-то угнетенный видъ его давали скорѣе право заключить объ его бѣдности, чѣмъ излиштвахъ, но какъ удостовѣриться? Не ѣхать же къ нему въ гости за 70 верстъ. Тутъ мнѣ пришла мысль рѣшить задачу съ опредѣленія цифры дохода мужа.

— Исправно платитъ онъ подати?—спросилъ я аксакала.

— Очень исправно.

— Торговлей не занимается?

— Нѣтъ, только земледѣліемъ.

— Сколько платитъ въ годъ хераджа и танапа? ¹⁾

— Рублей шесть.

— Подать составляетъ одну десятую съ урожая. Если подать всего въ *шесть* рублей, значить урожай цѣнился въ шестьдесятъ. Итакъ, на шестьдесятъ рублей надобно кормиться пятерымъ, надобно имъ одѣться, да надобно держать лошадь, корову... Большое ли это богатство?

— Пять рублей въ мѣсяцъ, какое же богатство!—воскликнулъ мулла Назаръ.

— Я и самъ полагаю, что тутъ о второй женѣ нечего и думать. Двѣ жены—это роскошь, которую можетъ позволить себѣ только богатый, а на пять рублей и одну-то жену дай Богъ продержатъ безъ нужды... Поэтому я вѣрю женщинамъ: мужъ дѣйствительно *не можетъ* ее ни кормить, ни одѣвать, какъ слѣдуетъ, а по мусульманскому закону это совершенно достаточно для развода.

— Друствъ (правда),—подтвердилъ мулла Назаръ.

— Получивъ жену по наследству, мужъ не платилъ калыма и потому вопросъ упрощается: счетовъ никакихъ, и отнынѣ жена свободна,—заключилъ я.

Кажется, я исчерпалъ уже всѣ случаи, ведущіе здѣсь къ жалобамъ и разводу. Скажу въ заключеніе, что новый проектъ напрасно изыалъ семейныя дѣла изъ вѣдѣнія уѣздной администрации. Судья до сихъ поръ весьма рѣдко выѣзжалъ изъ своей резиденціи, тогда какъ уѣздный начальникъ волей-неволей *долженъ* разъѣзжать по уѣзду, а въ семейныхъ распряхъ именно важно, чтобы третейскій судья (настоящая роль уѣзднаго начальника въ этомъ случаѣ) самъ являлся, гдѣ онъ нуженъ, а не ждалъ, когда къ нему пріѣдутъ просители. Женщинѣ уйти отъ деспота-мужа да еще за двѣсти-триста верстъ—дѣло трудное, и я увѣренъ, что, съ передачей бракоразводныхъ дѣлъ вѣдѣнію уѣздныхъ судей, число самыхъ дѣлъ уменьшится и, значить, уменьшится и благотворное вліяніе русскихъ на семейный бытъ туземцевъ, на положеніе женщины и смягченіе нравовъ.

Составителями проекта, конечно, руководило желаніе провести до конца идею о раздѣленіи судебной и административной вла-

¹⁾ *Хераджъ*—десятое зерно зернового хлѣба (пшеница, рисъ, горохъ и т. д.); *танапъ*—десятая часть остальныхъ произрастаетей, не сыпучихъ, напримѣръ, арбузы, виноградъ, хлопокъ, табакъ и т. д.

стей; но вѣдь это — послѣднее слово цивилизаціи, а здѣсь мы едва только заикнулись на первомъ!

Именно, заикнулись...

Говорятъ въ отвѣтъ, что судьямъ будетъ поставлено въ непремѣнную обязанность: разъѣзжать по уѣздамъ въ назначенные сроки. Это, конечно, было бы хорошо, но едва ли будетъ въ точности исполняться.

Если боятся, что уѣздные начальники, какъ не-юристы, будутъ судить вкривь и вкось, каждый молодецъ на свой образецъ, то вѣдь и судьи туркестанскаго края почти всѣ изъ фронта или изъ чиновниковъ, никогда прежде не мечтавшихъ о судейской карьерѣ, никогда не подозрѣвавшихъ, что они тоже юристы!

При третейскомъ разбирательствѣ нужны главнымъ образомъ здравый смыслъ и добросовѣстность. Если этихъ качествъ не замѣчаютъ въ уѣздныхъ начальникахъ, то зачѣмъ ихъ терпятъ на службѣ? Третейскимъ судьей можетъ быть каждый, къ кому обратятся стороны, и я полагалъ бы нисколько не вреднымъ, чтобы семейныя распри могли улаживать не только судьи, но также и администрація. Вѣдь на обязанности послѣдней лежить *предупрежденіе* преступленій, а что же это, какъ не предупреденіе, если я отниму у палача его жертву?

Много кровавыхъ трагедій можетъ остановить власть, являющаяся во-время. Я полагалъ бы даже, что нѣкоторую дозу ответственности за каждое несчастіе долженъ бы нести аульный старшина у киргизовъ и аксакаль у сартовъ. Въ деревнѣ каждому извѣстно, кто какъ живетъ, какъ обращается съ женой. Старшина долженъ принимать мѣры противъ несчастій, долженъ увѣдомлять волостного о жестокомъ обращеніи мужей, долженъ содѣйствовать женѣ, желающей принести жалобу на мужа, долженъ покровительствовать ей. Когда такой порядокъ установится, когда къ нему привыкнутъ, тогда станетъ безразлично, уѣздный ли начальникъ, судья ли или даже его письмоводитель будутъ вершить бракоразводныя дѣла. Надо полагать, что и самыхъ дѣлъ возникать будетъ мало, потому что узда, наложенная на мужей возможностью потерять и жену и свои деньги, конечно, заставитъ ихъ быть справедливей къ женамъ, а женщина по-немногу сброситъ съ себя цѣпи рабства.

Чтобы народъ видѣлъ въ нашемъ судѣ действительно судъ скорый, какъ уже видитъ въ немъ судъ правый и милостивый — надобно имѣть побольше органовъ суда въ уѣздахъ. Здѣшніе уѣзды не то, что въ европейской Россіи, а пожалуй будутъ и вчетверо больше. Если еще принять въ соображеніе, что судопроизводство

затрудняется необходимостью вести каждое дѣло на двухъ языкахъ, что по меньшей мѣрѣ требуетъ *вдвое больше* времени, то недостаточность одного судьи на уѣздѣ будетъ очевидна.

Что же сказать о такомъ ненормальномъ явленіи, какъ *общій судья* для города Ташкента и для Кураминскаго уѣзда? Судебный слѣдователь также общій. Обиліе занятій по городу ведетъ къ тому, что слѣдователя иногда ничѣмъ не вызовешь на производство слѣдствія, и дѣло, «не терпящее отлагательства», съ горячими слѣдами и т. д., *откладывается* въ долгій ящикъ и *стынетъ* вмѣстѣ съ довѣріемъ къ нашей энергіи...

Кромѣ того, одна пересылка свидѣтелей, а также отвѣтчиковъ съ окраинъ уѣзда въ Ташкентъ — стоитъ и времени, и денегъ, и немалой переписки, и нарядовъ войскъ въ конвой (къ арестованнымъ отвѣтчикамъ). Отдаленность резиденціи русскаго судьи заставляеть стороны обращаться къ своимъ биямъ и казіямъ, значеніе, вліяніе которыхъ и замѣтно, въ особенности на окраинахъ. Такимъ образомъ, кругъ дѣятельности народныхъ судей расширяется здѣсь въ ущербъ значенію и вліянію русскаго права. Главное условіе судопроизводства — простота и незатѣйливость обрядовъ, а слѣдовательно и скорость. Хитрая процедура и разныя инстанціи способны охладить къ суду даже и не такихъ первобытныхъ людей, какъ туземцы. Безпрестанная пересылка тяжущихся отъ одного лица къ другому, при разстояніяхъ, мало располагающихъ къ прогулѣ, поневолѣ заставитъ народъ предпочесть свой домашній судъ, несмотря даже на нѣкоторые его недостатки.

Главную заботу уѣздной администраціи составляетъ пока сборъ податей, зачѣмъ «отписка» по входящимъ номерамъ, и наконецъ тишина и спокойствіе въ народѣ. Благосостояніе народа, нужды его — послѣднее, о чемъ здѣсь думаютъ.

Безнедоимочный и своевременный сборъ податей — это «злота дѣя» и мѣрило степени годности уѣзднаго начальника. Не мудрено поэтому, что это дѣло стоитъ на первомъ планѣ. Система податей — въ видѣ процента съ дохода, а не съ капитала — въ сущности весьма справедлива (и большой капиталъ можетъ не давать никакого дохода, — какъ, на примѣръ, не дѣйствующая фабрика), но когда дѣло идетъ о доходѣ съ земледѣлія, то вопросъ значительно усложняется.

Какъ опредѣлить, раньше уборки хлѣба десятую часть урожая? Надобно, во-первыхъ, знать: сколько засеяно земли, какимъ продуктомъ, сколько пошло зерна на посѣвъ, а во-вторыхъ, какъ

хороши всходы, полонъ ли колосья, можно ли ожидать до уборки особенной засухи. Чтобы по урожаю опредѣлить доходъ, надобно еще вычестъ расходы по обработкѣ земли, сообразить, какъ хорошъ урожай во всемъ краѣ и какія могутъ быть, поэтому, цѣны. Сборщики податей изъ туземцевъ едва въ состояніи справиться и съ одною какою-нибудь частью этой обширной задачи. Вычислить площадь даннаго участка не всегда подъ силу и знающему топографу, а тутъ еще поля разбиты на такія неправильныя клѣтки, треугольнички, транеціи, что, какъ говорится, «чортъ ногу сломить». Плановъ никакихъ, времени для оцѣнки урожая и раскладки податей сообразно съ нимъ весьма мало, участки сборщиковъ велики—что тутъ дѣлать?

А глазомѣръ на что?

Такъ «на глазъ» опредѣляются площади обработанной земли, на глазъ же прикидывается урожай, на глазъ вычисляется доходъ, на глазъ назначается цифра хераджа и танапа!

Сборщики всегда жили хорошо, благодаря глазомѣру: сколько именно слѣдуетъ сдать въ казну,—они отлично умѣли прикинуть на глазъ.

Для отчетности, вмѣстѣ съ деньгами, представлялась обыкновенно длинная хартія, изъ склеенныхъ въ видѣ ленты листовъ бумаги: это былъ списокъ земледѣльцевъ, противъ каждаго изъ которыхъ представлялось число обработанныхъ имъ танаповъ земли и количество внесенной имъ подати. Рассказываютъ, что пока хартія переходила, бывало, по инстанціямъ изъ рукъ въ руки, то кто-нибудь и удосужится вырѣзать въ серединѣ нѣсколько листовъ, затѣмъ склеить концы и передаетъ «сокращенную» хартію слѣдующему... Казна, послѣ этой стрижки, конечно, получала «нѣсколько» менѣе. Не знаю, насколько этотъ рассказъ достоверенъ, но, принимая во вниманіе, что хартіи писались на туземныхъ нарѣчіяхъ, что переводить ихъ было некому, значить и контролировать не было возможности,—принимая все это во вниманіе, невольно повѣришь правдоподобному рассказу. Тутъ еще на подкрѣпленіе являются такія цифры, какъ 82 тысячи, внесенныя кураминцами въ 1867 году, то-есть до реформы и 224 тысячи, внесенныя въ 1868, *послѣ* ея. Какъ же собирались деньги, какъ сдавались и полностью ли,—поневоля возьметъ раздумье.

Теперь сборы сдѣлались *окладными*: каждая волость знаетъ, сколько она должна доставить. До организаціи же все зависѣло отъ сборщика: онъ представлялъ только то *меньшее*, чего ужъ не могъ не представить. Значить, если начальникъ былъ строже,

требовательнѣе, сердитѣе—то сборы возрастали, а нѣтъ, то и держались на минимумѣ. Сами туземцы удивлялись нашему неумѣнью брать все, что слѣдовало: Ташкентъ при бекахъ, говорятъ, давалъ чуть не вдесятеро больше, чѣмъ при Сѣровѣ¹⁾... Для надзора за сборщиками въ кураминскомъ уѣздѣ была принята слѣдующая мѣра: члены одной думы посылались въ районъ другой, а члены этой въ районъ третьей, такъ что обмана тутъ не происходило, обманъ былъ затрудненъ. Члены разъѣзжали по чужимъ волостямъ, гдѣ они нисколько не заинтересованы потворствовать ради будущихъ выборовъ и подмѣчали неправильности раскладки, утайку податей и пр.

Съ этою же цѣлью посылались и джигиты, служившіе по найму при уѣздномъ начальникѣ. Казалось бы, что за находка служить за 20 рублей на всемъ своемъ, да еще коннымъ? А между тѣмъ охотниковъ являлось много и за цѣну въ половину меньшую: весь секретъ въ томъ, что джигитъ, такъ сказать, «чиновникъ особыхъ порученій» и въ своемъ муравейникѣ пріобрѣтаетъ значеніе. Посланный съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ уѣзднаго начальника, джигитъ вездѣ почетный гость, распросамъ нѣтъ конца, угощеніямъ тоже. Хорошо исполненное порученіе приноситъ халатъ, денежную награду, а тамъ, впереди, мерещатся: почетные халаты съ галунами, медаль въ петлицу, медаль на шею... вотъ и «почетный туземецъ»!

Быть честнымъ, хоть на первое время, гораздо выгоднѣе, чѣмъ плутовать. Это отлично подмѣтили туземцы, и пользуются случаями отличиться. Многіе изъ насъ, по законно пріобрѣтенной недовѣрчивости, никакъ не могутъ допустить мысли, чтобы человекъ, получающій ничтожное вознагражденіе, устоялъ отъ соблазна. Можно ли нанять честнаго человека въ конные разсылные за 20 рублей?

Да, можно. Джигитъ идетъ не за 20 р., а за маленькій почетъ и за большія надежды. Плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ—плохъ тотъ джигитъ, который не надѣется быть волостнымъ! Нѣсколько примѣровъ уже есть, что джигиты дѣлались членами думы и волостными, а шагнуть «изъ ничего въ люди»—хоть кого заставить поразмыслить. Всѣ преступники—плохіе счетчики: не разочтеть всѣхъ шансовъ и бухнетъ. Честнымъ быть не только спокойнѣе, но и выгоднѣе. Порядочный джигитъ поступаетъ съ расчетомъ, и глядишь, не ошибся.

Такихъ джигитовъ уѣздный начальникъ держалъ шесть, полу-

¹⁾ Знаменитый по иванскому дѣлу офицеръ уральскаго войска.

чая на нихъ и отъ казны (въ общей суммѣ на канцелярію) и отъ хозяйственныхъ управленій. Два джигита назначались къ старшему помощнику. Каждый волостной получалъ деньги на двухъ джигитовъ, изъ нихъ одинъ командировался черезъ два мѣсяца въ третій къ уѣздному начальнику. Значить, треть года джигитъ волостного въ отсутствіи. Изъ 28 волостей ежемѣсячно доставлялся, значить, контингентъ въ 9 джигитовъ, смѣнявшихъ предшествовавшую серію.

Полицейскій надзоръ въ большихъ селеніяхъ поручался такъ-называемымъ *курбашиамъ*, имѣвшимъ также по два джигита. Курбаши поставлены были: въ Той-Тюбе, въ Бискентѣ, въ старомъ Ташкентѣ и въ старомъ Чиназѣ.

На канцелярскіе расходы отпускается въ мѣсяць 66 р. 66 к. Переписка же доходитъ теперь до четырехъ тысячъ исходящихъ нумеровъ въ годъ. Цифра росла прогрессивно: въ 1868 году входящихъ нумеровъ было 1,487, исходящихъ 1,597, а въ 1869 — первыхъ было 1,940, а вторыхъ — 2,160. Прибавьте къ этому веденіе журналовъ, отчетности и т. п., то окажется, что менѣе трехъ писцовъ держать нельзя. Затруднительность имѣть вообще что-либо порядочное, да еще на мизерныя средства, которыми расплачивается уѣздный начальникъ — ставить канцелярію подъ часъ въ весьма непріятное положеніе, и дѣлопроизводство, конечно, должно прихрамывать.

Всѣ управленія наперерывъ стараются сманить одно отъ другого порядочнаго писца. Сманить можно, конечно, увеличеніемъ жалованья, и вотъ нѣкоторые ташкентскіе писцы получаютъ до 35 р. въ мѣсяць. Другіе, служа гдѣ-нибудь въ казенномъ управленіи (штабъ, интендантство и т. п.), ходятъ еще «на вечернія занятія» въ какую-нибудь палату и за это получаютъ до 25-ти рублей. Понятно, что съ богатыми палатами уѣздный начальникъ тягаться не можетъ и потому поневолѣ довольствуется «бракомъ» — какими-нибудь запивохами. Такой молодецъ занимается, конечно, періодически: день работаетъ — день *боленъ*.

Въ виду такого порядка вещей является необходимость увеличить сумму, отпускаемую на канцелярскіе расходы. Казенные писаря и безъ того отнимаютъ у государства множество рукъ, и потому желать ихъ для уѣздныхъ управленій едва ли слѣдуетъ.

На пониженіе цѣнъ можетъ, конечно, вліять и болѣе правильное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ; но это правильное отношеніе само собою не явится, потому что на писарское амплуа въ такую даль никто добромъ не поѣдетъ. Здѣсь

было бы для всѣхъ безразлично: добромъ ли, зломъ ли приведенъ сюда человекъ — лишь бы работалъ исправно.

Для простой ссылки на житье туркестанскій край совершенно удобенъ. Спросъ на писцовъ, прислугу, мастеровыхъ — обезпечиваетъ порядочному ссыльному вѣрный кусокъ хлѣба. Мало ли какія обстоятельства стащатъ человека съ прямого пути. Новая обстановка, новые люди, которые не знаютъ, да и не интересуются знать его прошлое — все это въ состояніи поставить на ноги потерпѣвшаго крушеніе чиновника, свихнувшагося мастера и прочихъ.

Въ обществѣ впрочемъ привыкли смотрѣть на Ташкентъ (въ смыслѣ нарицательномъ), какъ на мѣсто ссылки, но это — другое дѣло. Разныя «непокорныя дѣти» посылаются сюда отцами «на исправленіе». Запутавшіеся въ сѣтяхъ собственныхъ векселей, разныя «несостоятельные офицеры» обрекаютъ себя на добровольное изгнаніе, отправляясь въ ссылку въ Ташкентъ же. Семейныя неудачи, «несчастіе въ товарищахъ» (понимайте: остракизмъ) — все это такъ и тянетъ въ Ташкентъ!

Насколько «исправляются» непокорныя дѣти, пусть скажутъ отцы. Мы не станемъ перечислять всѣхъ бѣдныхъ «дѣтей», заплатившихъ жизнью за это исправленіе, но предостережемъ отцовъ отъ такой мѣры.

Люди, не способные къ труду, не приученные къ нему, люди привыкшіе къ «компаніи», промотавшіе на своемъ вѣку не одну тысячу маменькиныхъ денегъ — такіе люди въ Ташкентѣ не исправляются. Правда, расходы ихъ значительно сокращаются, но единственно потому, что шампанское замѣняется спиртомъ.

Зато кто труда не боится, а главное *не стыдится*, тотъ легко найдетъ здѣсь работу. Кто не слышалъ въ Ташкентѣ объ извозчикѣ съ титуломъ барона?..

Мы знаемъ теперь средства уѣзднаго начальника по отношенію къ сборамъ податей, поддержанія порядка и «отписки». Пусть не думаютъ, что «отписка» — вздоръ, что дѣльному человеку некогда тратить время на «казенную литературу». У насъ были такіе уѣздные начальники, которые пробовали отмалчиваться, но это удавалось только сначала — теперь всѣ неопустительно «спускаютъ» нумера: — отвѣтилъ, и правъ.

Посмотримъ же, какъ приходится *управлять* уѣздомъ нынѣшнему начальнику.

Территорія уѣздовъ болѣею частью громадны. Кураминскій уѣздъ не изъ самыхъ крупныхъ, а въ немъ 520 квадр. миль! Для наглядности укажемъ только, что московская губернія только

немногимъ больше — въ ней 596 кв. миль. Тульская имѣетъ 552 кв. м. Эстляндская меньше Курамы на 165 кв. м. Каждая изъ польскихъ губерній если не на треть, то въ половину меньше. О мелкихъ княжествахъ и герцогствахъ Германіи нечего и говорить. Даже Баденъ, Гессенъ, Мекленбургъ, Ольденбургъ, наконецъ Саксонія и Виртембергъ и тѣ меньше Курамы. Сравнить же сколько тамъ чиновниковъ заправляютъ дѣломъ и сколько здѣсь!

Даже и по числу жителей кураминскій уѣздъ сильнѣе многихъ финляндскихъ губерній, а между тѣмъ весь губернаторъ помѣщается здѣсь въ какомъ-нибудь майорѣ! Обширность территоріи дѣлаетъ непосредственный личный надзоръ при помощи объѣздовъ почти невозможнымъ: за разъѣздами пришлось бы бросить все остальное. Разъѣзды, кромѣ того, влекутъ за собою неодолимые для небогатаго человѣка расходы: не говоря о прогонныхъ деньгахъ (да на почтовыхъ уѣзда и не объѣдешь) еще приходится содержать неизбежную свиту изъ джигитовъ и должностныхъ, сопутствующихъ по ихъ участкамъ, наконецъ расплачиваться за встрѣчи и угощенія, дарить халаты наиболѣе усердствующимъ и проч.

Не уступая нѣмецкимъ королевствамъ по величинѣ территоріи, туркестанскіе уѣзды управляются администраціей едва соответствующей, по составу ея и содержанию, большому русскому селу. Уѣздный начальникъ, старшій помощникъ, младшій изъ туземцевъ и, пожалуй, еще письмоводитель — вотъ и всѣ.

Уѣздные начальники получаютъ содержаніе совершенно недостаточное, въ виду расходовъ, сопряженныхъ съ должностью. Жалованья и столовыхъ по тысячѣ, разъѣздныхъ 500, экстраординарныхъ 600. Всего 3100. Кураминскому хуже всѣхъ: куда бы начальство ни выѣхало, откуда бы ни приѣхало — провожать его и угощать на станціяхъ придется ему, такъ какъ Ташкентъ лежитъ внутри кураминскаго уѣзда. Конечно, годъ на годъ не приходится, но двѣ встрѣчи вещь обыкновенная; а если принять во вниманіе вошедшую въ обычай торжественность встрѣчъ — триумфальныя арки, пушечную пальбу, «приглашеніе» народовъ къ личному участию и роскошныя угощенія — то взвѣсить расходы будетъ не трудно. Надобно еще сказать, что уѣздный начальникъ встрѣчаетъ всегда на границѣ уѣзда, — понятно, что угощеніе среди степи, въ необитаемомъ пунктѣ, требуетъ еще болѣе расходовъ вслѣдствіе необходимости везти все издалека. Наконецъ, не было до сихъ поръ примѣра, чтобы ожидаемый приѣхалъ въ назначенный имъ самимъ день. Разныя серьезныя

обстоятельства всегда задержать выѣздъ до «счастливаго» дня. Летучка за летучкой¹⁾ бѣгутъ по тракту, разнося «фальшивыя тревоги». Обѣды приготовленъ, столъ накрытъ, всѣ въ парадной формѣ, ждутъ не дождутся. Но вотъ видна пыль... Бѣжить летучка... «Остались ночевать въ городѣ». Что-жъ, господа, надо порѣшить обѣдъ — не держать же его два дня, приглашаетъ уѣздный начальникъ, прикидывая въ умѣ: во сколько же обойдется встрѣча?

Иногда такихъ «встрѣчныхъ» обѣдовъ приходится порѣшить не два, не три — встрѣча-то и станетъ въ копейку.

О народѣ, «приглашенномъ» встрѣтить начальство за десятки верстъ отъ своихъ жилищъ — и говорить нечего. Ташкентцы до сихъ поръ помнятъ одну встрѣчу въ 1869 году. Продавъ цѣлую недѣлю и не имѣя возможности уѣхать назадъ, люди сильно нуждались въ самомъ необходимомъ. Начальникъ города не догадался организовать правильный подвозъ съѣстныхъ припасовъ, которые страшно вздорожали. Пришлось довольствоваться дынями, арбузами... — явилась дизентерія, произошло нѣсколько смертныхъ случаевъ.

— Это все отъ дынь, — успокоивается попечительный начальникъ. Къ довершенію всего халаты, взятые многими на прокатъ для встрѣчи, порядкомъ поистрепались и за нихъ пришлось расплачиваться. Лавочники тоже считали себя въ убыткѣ за время отсутствія изъ пивнигѣ... Говорили еще, что аксакалы, на которыхъ возложено было *приглашать* народъ, сумѣли соединить пріятное съ полезнымъ, и потому участниками встрѣчи оказались преимущественно люди не особенно богатые... Такъ ужъ вышло.

Уѣздному начальнику отпускается 600 р. на угощеніе туземцевъ и на подарки имъ. Извѣстно, какое угощеніе: чай, пловъ, сласти. Но и на это всегда найдется много охотниковъ, въ особенности у *хакима*. И домашнимъ пріятно похвастаться: «очень ужъ просилъ полковникъ — надо было зайти».

Сначала наши *хакимы* горячо принялись «угощать» туземцевъ, но, обжегшись на первыхъ же порахъ — притихли. Теперь кромѣ чаю, да и то не каждый разъ, туземецъ уже не дожидается, а между тѣмъ ежемѣсячно въ контрольную палату посылается свидѣтельство о томъ, что: «на угощеніе туземцевъ употреблено столько-то, на подарки — столько-то, а всего 50 рублей», то-есть какъ разъ мѣсячная сумма.

На угощеніе туземцевъ получаютъ и губернаторы и генераль-

¹⁾ Такъ, перевели казаки слово *эстафета* — характерно и удачно.

губернаторъ, получаютъ также помѣсячно и также должны посылать счета въ контроль.

Очевидно, что это совершенно ненужная формальность, а между тѣмъ всякому понятно чувство, съ которымъ подписываютъ эти лица свои счета. Все это слѣдовало бы отмѣнить. Деньги не расходуются иногда нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ, а потомъ сразу уйдутъ на какое-нибудь торжество.

Какъ бы то ни было, а матеріальное благосостояніе уѣздныхъ начальниковъ не изъ блестящихъ. Не въ этомъ ли искать объясненія того факта, что многіе изъ нихъ уходили, какъ говорится, «со скандаломъ»?

Если уѣздный начальникъ поставленъ въ грустную необходимость бороться съ нуждой, если его преслѣдуетъ подавляющая мысль о томъ, какъ бы свести концы съ концами, какъ бы урѣзать фалды, чтобъ вышли рукава—не ждите отъ него ни особой энергіи, ни особой любви къ дѣлу, потому что эти двѣ вещи, т.-е. энергія и любовь къ дѣлу влекутъ за собою лишніе расходы, а на это капиталовъ не хватаетъ. Благоразуміе и простая выкладка на счетахъ заставятъ хоть кого поприжаться и, вмѣсто самостоятельнаго администратора, выйдетъ простой чиновникъ, болѣе или менѣе удачно отписывающійся по входящимъ нумерамъ!

Если всякая жалоба, всякій уголовный случай, прежде перехода къ суду или судебному слѣдователю, должны быть достаточно разъяснены, достаточно разслѣдованы уѣздною администраціею, то она должна имѣть къ тому всѣ средства. Нельзя остаться при томъ личномъ составѣ, какой существуетъ въ настоящее время. Если быстрота дѣйствій можетъ цѣниться гдѣ-нибудь, то ужъ конечно здѣсь, гдѣ каждый проказникъ въ состояніи уйти отъ глаза и руки администраціи въ одинъ день—благо есть хорошій конь и степь по сосѣдству.

Быстрота и разстояніе—два начала несовмѣстныя. Онѣ обратно пропорціональны: чѣмъ меньше разстояніе, тѣмъ быстрее его пройдешь. Отсюда: чѣмъ меньше уѣздъ, тѣмъ дѣйствительнѣе надзоръ, тѣмъ легче управленіе, тѣмъ замѣтнѣе дѣятельность власти, тѣмъ быстрее исполняются распоряженія, тѣмъ сильнѣе вліяніе администраціи—значитъ тѣмъ лучше.

Если по какимъ бы то ни было причинамъ невозможно перекроить уѣзды, образовать нѣсколько новыхъ, то остается только одно средство: раздѣлить уѣзды на участки или станы. Становой приставъ вовсе не дурное изобрѣтеніе, и если теперь это слово рѣжетъ ухо, то единственно вслѣдствіе неудачной практики древ-

нихъ станovýchъ. Но вѣдь на Руси и всѣ низшія административныя, судебныя и фискальныя должности—обыкновенно опопливались вслѣдствіе мизернаго казеннаго содержанія и ненасытимой потребности «жевать». Приказный, подъячій, цѣловальникъ сдѣлались синонимами грабителя и бранными словами.

Понятное дѣло, что при нѣкоторой щедрости въ содержаніи, при должномъ вниманіи къ службѣ—всегда можно привлечь къ дѣлу порядочныхъ людей. Громкія фразы о «безкорыстномъ служеніи государственнымъ цѣлямъ», о безнравственности самой мысли о вознагражденіи, пропорціональному количеству труда—мнѣ приводилось слышать только отъ людей, получающихъ большое содержаніе или живущихъ «воспоминаніями» о своемъ доблестномъ завѣдываніи казеннымъ хозяйствомъ, о своихъ полкахъ и т. д.

Положимъ однакоже, что новое вино не захочетъ вливаться въ старыя сосуды, что не найдется людей, согласныхъ носить кличку станovýchъ—замѣните ее исправниками, участковыми. Опасеніе это, конечно, вздорное, и я привелъ его, только чтобъ не выкинуть слова изъ пѣсни.

Кураминскій уѣздъ можно бы было раздѣлить по его арычнымъ системамъ на станы: ангреновскій, чирчикскій и карасуйскій. Приставовъ пришлось бы назначить только двухъ, потому что чирчикскимъ могъ бы завѣдывать теперешній старшій помощникъ.

Содержаніе становымъ можно бы назначить по 1200 р., да 200 р. на разъѣзды, 300 р. на переводчика и 500 р. на канцелярію, всего одному 2200 р., а двумъ 4,400 р. Старшему помощнику, какъ начальнику канцеляріи уѣзднаго начальника, можно дать только на переводчика 300, да разъѣздныхъ 400, (онъ завѣдываетъ уѣздомъ въ отсутствіе уѣзднаго начальника), что съ получаемыми имъ 1500 рублями составитъ 2200. Всего потребуется 5100 р. новаго расхода, который конечно не можетъ быть сочтенъ непроизводительнымъ, въ виду достиженія болѣе основательнаго знакомства съ населеніемъ, болѣе бдительнаго надзора за сборщиками податей, за благочиніемъ и порядкомъ. Расходъ этотъ, конечно, окупится не только въ нравственномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи: близкій и, слѣдовательно, болѣе дѣйствительный надзоръ за правильною раскладкою и сборомъ податей—непремѣнно выразится соответствующимъ плюсомъ.

Необходимость этой реформы была заявлена мною еще въ 1870 году въ «общихъ видахъ и предположеніяхъ» касательно уѣзда. Меня утѣшаетъ теперь мысль, что не я одинъ пришелъ

къ высказаннымъ выводамъ: комиссія, разработывавшія новый проектъ положенія, нашли нужнымъ ввести раздѣленіе уѣздовъ на участки, общество любителей естествознанія (въ Москвѣ) представило проектъ образцовыхъ фермъ и мастерскихъ при нихъ, на началахъ, общихъ съ моими. Что касается до необходимости мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ, то заявленія объ этомъ я встрѣчалъ нѣсколько разъ въ печати.

Исходя изъ той мысли, что администрація не должна ограничиваться ролью только сборщика податей и полицейскаго надзирателя, но должна принять на себя и роль проводника цивилизаціи, я считалъ необходимымъ совершенствовать всѣ отрасли народнаго хозяйства, промышленности и быта. Для этого необходимо отказаться хоть на время отъ старой финансовой политики: собирать съ народа какъ можно больше и возвращать ему какъ можно меньше. Надобно освоиться съ истиной, что безъ обновленія и усовершенствованія *источниковъ* дохода, мы всегда будемъ собирать гроши тамъ, гдѣ легко могли бы найти рубль. Грошъ, кинутый въ почву сегодня—дастъ завтра же рубль барыша.

Для улучшенія земледѣлія и хозяйства придется прежде всего ввести улучшенныя орудія, испытавъ предварительно, какія наиболѣе удовлетворяютъ мѣстнымъ условіямъ? Для этихъ опытовъ, а также для примѣра, необходимо учредить нѣсколько образцовыхъ фермъ и садовъ. Эти фермы и сады послужатъ школами, гдѣ воспитается поколѣніе агрономовъ. Ремесленныя и механическія мастерскія, гдѣ бы можно было исправлять или даже и дѣлать новыя земледѣльческія орудія по выписаннымъ изъ европейской Россіи образцамъ—поставятъ дѣло на твердую почву. Изъ орудій могли бы быть полезными: плуги, бороны, земледробилки, сѣялки, грабли; изъ машинъ: жатвенныя, молотильныя, вѣялки, соломорѣзки, зернодробилки, переносныя мельницы, гидравлическія прессы, джинны для очистки хлопка и пр.

Жителямъ должно быть предоставлено право брать на прокатъ орудія и машины за самую умѣренную плату, обеспечивающую только ремонтъ и процентъ погашенія.

При фермахъ и механическихъ заведеніяхъ должны быть устроены ремесленныя школы, преимущественно для русскихъ дѣтей.

Что касается до фабрикъ, то это самое выгодное предпріятіе, какое только можно придумать. Въ то же время это единственное пока средство вести борьбу съ англійскими фабрикатами, водворяемыми нами самими при посредствѣ безпошлиннаго кавказскаго транзита отъ Поти черезъ Тифлисъ и Баку на Астрабадъ.

Удешевить собственные товары можно, во-первыхъ, удешевленіемъ провоза—для чего нужна желѣзная дорога; во-вторыхъ, учрежденіемъ фабрикъ на мѣстѣ. Желѣзная дорога хотя и составляетъ общее желаніе, но едва ли осуществится ранѣе десяти лѣтъ, да и тогда не подорветъ мѣстныхъ фабрикъ.

Люди, смотрящіе на среднеазиатскую Россію, какъ на русскую колонію, хотятъ, чтобы и все общество раздѣляло ихъ древнія колониальныя теоріи: Туркестанскій край пусть доставляетъ Россіи хлопокъ, шелкъ и вообще сырье, а Россія будетъ все это выдѣлывать на своихъ фабрикахъ и посылать назадъ.

Мы смотримъ на Туркестанскій край, какъ на часть Россіи, имѣющую такое же право на попеченіе о себѣ, какъ и воронежская губернія. Разъ, что признали край русскимъ, надобно и заботиться о немъ, какъ о Россіи. Пасынковъ не должно быть въ государствѣ, которое хочетъ быть сильнымъ. Къ сожалѣнію, эти старыя истины нуждаются еще въ повтореніи, такъ какъ значеніе ихъ не всѣми сознается.

Въ чемъ же выгода русскаго Туркестана? Высылать ли все сырье въ европейскую Россію, или обрабатывать часть его на мѣстѣ?

Кажется, не трудно рѣшить этотъ вопросъ: отсылать свой шелкъ въ видѣ грены, въ видѣ яичекъ шелкопряда и въ видѣ тканей—разница; отдавать дѣлкій караванъ хлопка, чтобы получить обратно только одинъ тюкъ его въ видѣ дорогого ситца—не особенно выгодно; отдавать дѣлаго быка, чтобы получить назадъ одинъ выдѣланный хвостъ—тоже не весьма лестно.

Да, наконецъ, съ чего взяли, что «русскія» фабрики потеряютъ отъ конкуренціи «азиатскихъ»?

Россія получаетъ до 3-хъ милліоновъ пудовъ хлопка, изъ нихъ только 800 тысячъ чрезъ азиатскую границу. Въ ней 68 бумагопрядильныхъ, 1657 бумаготкацкихъ фабрикъ и 133 ситце-набивныхъ; на всѣхъ ихъ работаетъ до 140,000 рабочихъ. Сумма производства этихъ фабрикъ равнялась въ 1868 году 121.674,000 рублямъ. Провозъ хлопка по европейской границѣ въ 1867 году равнялся 38 милліонамъ рублей, а въ 1871 году—48 милліонамъ рублей. Пряжи привезено было въ 1867 г. на 4.743,000 р., а въ 1871 на 8.291,000 р. Весьма вѣроятно, что и сумма производства въ 1871 году повысилась до 160 милліоновъ. Въ Азію же отпущено бумажныхъ издѣлій всего на 1.438,000 р. Ясно поэтому, что какихъ-нибудь двѣ-три ташкентскихъ фабрики не подорвутъ 160-ти-милліоннаго производства, которое вдобавокъ даетъ въ Азію менѣе одной сотой.

Самые дешевые русскіе ситцы съ провозомъ обходятся на-

столько дорого, что масса туземцевъ не въ состояніи покупать ихъ и довольствуется домашними тканями, весьма грубыми.

Базары Бухары переполнены англійскими товарами, проникающими сюда чрезъ Кавказъ, Каспій, Астрабадъ и Мешедъ. Аршиномъ мы не завоюемъ рынка—только непосредственное занятіе страны можетъ обезпечить нашей торговлѣ среднеазіатскій рынокъ, но и тутъ англійскіе товары уступятъ развѣ только репрессивнымъ мѣрамъ. Ожидать же, что туземцы будутъ предпочитать наши, болѣе дорогіе товары, изъ одной любезности, конечно, нельзя. Значить, контрабанда будетъ сильная.

Придется сознаться, что единственное средство помочь горю—заключается въ учрежденіи своихъ фабрикъ. Слѣдовало бы начать съ простой бязи или маты ¹⁾, конечно, болѣе широкой, чѣмъ туземная, затѣмъ кисея, дешевенькіе ситцы, миткаль, а тамъ, пожалуй, полшелковыя ткани, канаусъ, сукно. Полезно также было бы устроить чугунно-литейные заводы, стеариновый, мыловаренные, сахарный и т. д.

Литейное дѣло здѣсь существуетъ, и довольно сносное, только въ малыхъ размѣрахъ. Впрочемъ, для госпитальной церкви отлить однимъ туземцемъ даже мѣдный колоколъ—и довольно изрядно. Свѣчи и сахаръ достигаютъ иногда неслыханной въ Россіи цѣны: 50 коп. за фунтъ свѣчей и до рубля за фунтъ сахара. Поэтому фабрикантъ убытку не понесетъ. Кажется, въ Ташкентѣ образовалось уже товарищество для устройства бумагопрядильни и ткацкой. Отъ души желаемъ успѣха.

О школахъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ; заключимъ вопросомъ о другомъ воспитательномъ учрежденіи: о театрѣ. Туземцы все свое свободное время проводятъ на базарахъ, на улицахъ, занимаясь прогулкой, разговорами или созерцаніемъ; страсть къ новостямъ, къ зрѣлищамъ чисто аѳинская. Мы говорили уже, къ чему приводитъ эта страсть при неимѣніи театровъ, црковъ или вообще чего-нибудь путнаго.

Театръ могъ бы облагородить эту страсть и дать ей хорошее направленіе; достаточно было бы дать хотя одинъ образецъ европейской народной сцены, а затѣмъ, при любви туземцевъ къ зрѣлищамъ, нельзя сомнѣваться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ народнаго театра и въ благотворномъ вліяніи его на нравы мѣстныхъ жителей.

М. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

¹⁾ Матю называютъ не ткань, а кусокъ въ извѣстное число аршинъ. „Дай мнѣ мату бязи“—все равно что: дай кусокъ бязи. Русскіе не разобрали сначала, да такъ и называли самую ткань.